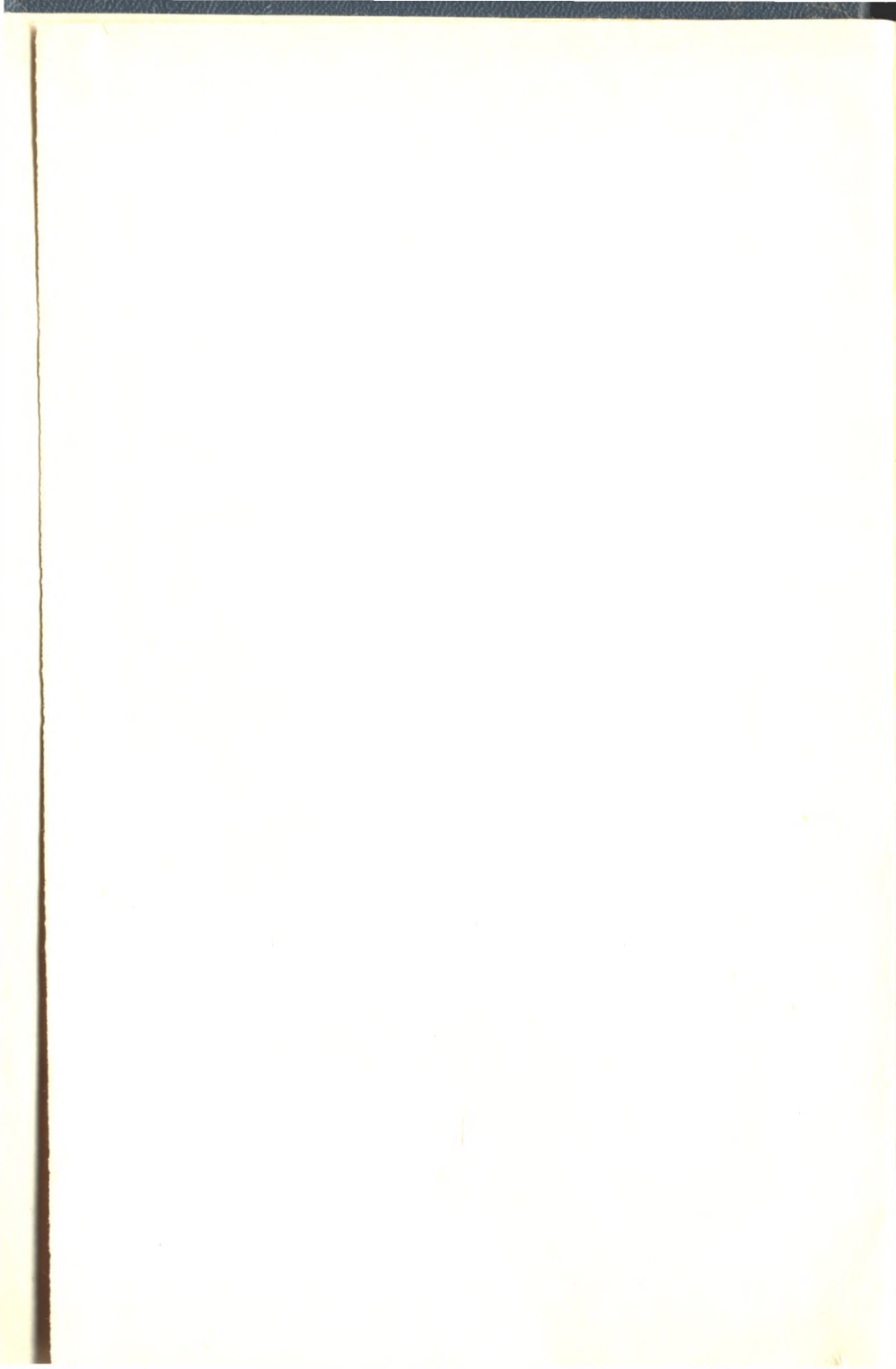

7282

А. МАРТИНЕ

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ
В ФОНЕТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЯХ

И * Л

*Издательство
иностранной
литературы*

**ÉCONOMIE
DES CHANGEMENTS
PHONÉTIQUES**

TRAITÉ DE PHONOLOGIE DIACHRONIQUE

PAR

ANDRÉ MARTINET

DIRECTEUR D'ÉTUDES À L'ÉCOLE DES HAUTES ÉTUDES

B E R N E, 1955

А. М А Р Т И Н Е

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ В ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ

(ПРОБЛЕМЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

А. А. ЗАЛИЗНЯКА

РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В. А. ЗВЕГИНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1960

АННОТАЦИЯ

Предлагаемая вниманию советского читателя работа известного французского языковеда Андре Мартине излагает основные принципы диахронической фонологии и дает структурно-функциональное объяснение фактам языковой эволюции.

Предназначена для специалистов по общему языкознанию и фонологии; представляет также интерес для языковедов всех специальностей.

Редакция литературы
по вопросам филологии

СТРУКТУРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ЭКОНОМИИ А. МАРТИНЕ

1

Автор данной книги Андре Мартине в настоящее время возглавляет в Парижском университете Институт лингвистики (что приблизительно соответствует кафедре в советских вузах) и является соредактором и совместно с Р. Якобсоном организатором издающегося в США журнала «Word» (орган Нью-йоркского лингвистического кружка). Работы А. Мартине всегда привлекали к себе внимание остротой трактовки языковедческих вопросов, выдвижением новых проблем и оригинальностью теоретической мысли. Все они характеризуются определенным единством лингвистического мировоззрения. Хотя в течение уже довольно продолжительной деятельности А. Мартине его научные взгляды подвергались известной эволюции, они тем не менее всегда оставались в пределах того направления, которое ныне определяется довольно туманным и недостаточно дифференцированным термином «структуральная лингвистика».

Книга «Принцип экономии в фонетических изменениях», вызвавшая в зарубежных лингвистических журналах множество полемических рецензий¹, представляет в известном отношении итоговый труд, суммирующий взгляды А. Мартине на широкий круг теоретических вопросов. Как указывает и сам автор, она частично составлена из ранее опубликованных статей, частично написана заново.

¹ См., в частности, рецензии Н. М. Hoenigswald, «Language», vol. 33, 1957, № 4; R. A. Fowkes, «Word», vol. 12, 1956, № 2; C. A. Robson, «Archivum Linguisticum», vol. 8, 1956, № 2; H. Züdke, «Indogermanische Forschungen», LXIII, 1958, Heft 3; E. Benveniste, «Bull. de la Soc. le linguistique de Paris», 1957—1958, t. 53, fasc. 2; J. Vachek, «Slovo a slovesnost», 1958, № 1.

Это обстоятельство обусловило некоторую неровность книги. Она лишена внутренней целостности и фактически не ограничивается рассмотрением только того вопроса, который обозначен в названии, но включает также проблемы более или менее сопредельные (главы «Структура», «Функция») или даже довольно далекие (глава «Просодия»). Однако эта особенность построения книги имеет свои положительные стороны, так как придает ей более общий характер и теснее связывает с многообразием тех вопросов, которые стоят в центре внимания современного теоретического языкознания и являются предметом ожесточенных дискуссий как в зарубежной, так и в советской науке о языке.

В оригинале книга состоит из двух частей. В русском переводе дается только первая — теоретическая — часть. Вторая часть включает ряд этюдов, представляющих приложение развиваемых А. Мартине общих принципов к исследованию некоторых сугубо частных вопросов и потому имеющих более специальный характер. Зависимость обеих частей друг от друга относительно свободная, и если для более полного понимания материала второй части весьма желательно ознакомление с первой, то для усвоения первой части отнюдь не обязательно знакомство со второй. К этому следует добавить, что минимум материала, необходимый для более ясного понимания излагаемых А. Мартине положений, представлен и в первой части. Все это и позволило совершенно безболезненно изъять вторую часть. Именно в первой части книги А. Мартине с большой четкостью и редкой последовательностью излагает те идеи, которые оправдывают появление его книги также и в русском переводе. В основном они сосредоточиваются на двух взаимосвязанных моментах. Во-первых, в книге делается попытка интерпретации эволюционных (исторических) процессов с позиций структурализма, до последнего времени ограничивавшегося, за редким исключением, изучением только синхронической плоскости языка. Во-вторых, А. Мартине возвращается в ней к традиционной проблеме причин фонетических изменений, применяя к ее решению новейшие лингвистические методы. Ниже следует рассмотрение этих двух наиболее интересных сторон книги А. Мартине.

2

Структурализм в языкознании — далеко не однородное и отнюдь до конца не оформившееся направление. Фактически он находится еще в процессе становления, и поэтому тот, кто сейчас спешит вынести ему окончательный и безапелляционный приговор, берет на себя слишком большую ответственность. Структурализм идет по разным и нередко противоречивым путям, использует многообразные и часто несовместимые рабочие методы, ориентируется не на единые цели. Он давно уже преодолел свою первоначальную ограниченность, и его исследовательские принципы прилагаются все к новой и новой проблематике — типологии, диалектологии, истории языков и т. д., что не могло не привести к значительному расширению области его использования. В большей мере, чем какое-либо другое лингвистическое направление, структурализм идет навстречу практическим потребностям (различные виды прикладного языкознания и методика преподавания языков во многом опираются на достижения структуральной лингвистики), но не игнорирует и «высокой» науки, вторгаясь в область философии, логики и даже социологии. О структурализме можно сказать все, что угодно (и фактически по его адресу вот уже двадцать лет можно услышать часто полярно противоположные суждения — от самой беззастенчивой и резкой брани до безграничного восхваления), но нельзя не признать одного его несомненного качества: это наиболее энергичное, динамическое и жизнедеятельное направление в современной зарубежной науке о языке. Уже одно это его качество обязывает и советских языковедов проявить к нему самое пристальное внимание.

Положение в широком кругу структуральной лингвистики отдельных языковедов, причисляемых к этому направлению, иногда вполне основательно, а иногда и абсолютно безосновательно определяется совокупностью следующих противостоящих друг другу теоретических координат (нужно иметь в виду, что некоторые из них варьируются в применении к разным областям, или «уровням», языка):

1. Ориентация на языковую реальность («материю языка») или на форму (чистые отношения).

2. Априоризм (дедуктивный подход, универсализм, бинаризм) или конкретное, индивидуальное описание языка (индуктивный подход).

3. Трактовка языка как замкнутой в себе системы или соотношение моделей языка с внеязыковыми (социальными, культурными и пр.) моделями (функционализм).

4. Игнорирование языкового (лексического, грамматического) значения (абсолютированный дескриптивизм) или включение его в научное описание языка как обязательного компонента.

5. Признание наличия системы как предпосылки для реализации реальных речевых актов или понимание языка как «бесконечного текста» (дуализм языка, противопоставление парадигматического и синтагматического планов).

6. Синхроническое или диахроническое исследование языка.

У отдельных лингвистов структуральной ориентации или даже у целых школ и направлений структуральной лингвистики эти теоретические координаты комбинируются различным образом, нередко получая иную формулировку и тем самым усложняя понимание их концепций. Что касается позиции А. Мартине, то она характеризуется следующими показателями: он ориентирует свое исследование на «материю языка», отрицательно относится ко всем видам лингвистического априоризма, придерживается парадигматического плана и признает необходимость учета внеязыковых явлений. Таковы основные заповеди его теоретического кредо, которые, однако, к сожалению, не всегда им соблюдаются. Но, пожалуй, наиболее привлекательным в его книге и к тому же получившим последовательное практическое осуществление является стремление развить и усовершенствовать применение методов структуральной лингвистики к диахроническому изучению языка (или, как говорит сам А. Мартине, к лингвистической эволюции). Весь теоретический пафос книги А. Мартине направлен преимущественно в эту сторону, откуда и ее подзаголовок — «Проблемы диахронической фонологии». Это ее качество делает книгу А. Мартине особенно интересной для советского читателя.

Все указанные особенности теоретических склонностей А. Мартине в области лингвистического исследования, которые, если только появляется необходимость точнее локализовать его позицию, больше всего сближают его с Пражской школой структурно-функциональной лингвистики, возникли у А. Мартине не стихийно; они являются осознанными и целеустремленными. Вместе с тем они представляют собой комплекс воззрений, отдельные теоретические компоненты которого в известной мере взаимообусловлены. В этом отдает себе полный отчет и сам А. Мартине, когда пишет: «...большинство „структуралистов“ очень мало интересуется лингвистической эволюцией; многие сознательно или бессознательно разделяют точку зрения Ф. де Соссюра, согласно которой структурные методы применимы лишь в статической лингвистике, поскольку структура существует только в синхронии». «...среди „структуралистов“ вполне подготовленными к структурно-функциональному исследованию эволюционной фонетики являются лишь те лингвисты, которые ни на одном этапе анализа не исключают из сферы своего внимания звуковую материю, а среди этих последних только те, кто смог удержаться от всякого эффектного априоризма, бинаристического или какого-либо иного» (см. гл. I, § 2).

Отталкиваясь от одних принципов современного языкознания и намеренно идя на сближение с другими, А. Мартине усложняет задачу определения своей теоретической позиции тем, что он одновременно пытается восстановить связи, намеренно и даже демонстративно порванные представителями современных направлений в языкознании (и не в последнюю очередь структуралистами), с традиционным языкознанием (в толковании А. Мартине, главным образом младограмматического толка), и, таким образом, представить современный этап науки о языке, несмотря на некоторые его экстравагантные крайности и не всегда разумные излишества, как последнее (но, разумеется, не конечное) звено в единой цепи целостной научной традиции.

Указанные предпосылки исследования А. Мартине реализуются им в стремлении продумать в последовательно структуральных терминах одну из традиционных проблем

языкознания — проблему фонетической эволюции. О том, насколько удачной оказалась эта попытка, будет сказано ниже. Первоначально же представляется необходимым остановиться на двух принципиальных моментах, которые связаны со смелым предприятием А. Мартине.

Первый из этих моментов сводится к вопросу о том, в какой степени правомерно толкование понятия структуры (которое является общим рабочим принципом не только для различных разветвлений лингвистического структурализма, но и для ряда других наук, чем характеризовался в свое время и сравнительно-исторический принцип) в качестве явления статичного и, следовательно, применимого только к изучению синхронической плоскости языка.

Второй момент, который можно рассматривать как обратную сторону первого, заключается в ответе на вопрос: любое ли понимание структурализма в языкознании позволяет применять его принципы к изучению эволюционных процессов языка (или, как более принято говорить в советском языкознании, к историческому развитию языка ¹). Иными словами, не обуславливает ли успех (или неуспех) исследования диахронических явлений языка структуральными методами определенный выбор тех противопоставленных друг другу координат, о которых говорилось выше.

Что касается первого момента, то в значительной мере он уже определен всей практикой исследовательской работы многих языковедов структуральной ориентации, и в первую очередь представителей Пражской школы. Разбираемая работа А. Мартине может рассматриваться как один из добавочных аргументов при решении вопроса о том, в какой степени правомерно понимание языка как структуры соотносить лишь с синхронной плоскостью

¹ С сожалением следует отметить, что когда в нашей науке о языке говорят об историзме в языкознании, то не проводят различия между изучением языка в связи с историей народа и всяких социальных и культурных установлений, с одной стороны, и замкнутым изучением эволюционных (исторических) явлений в пределах одного языка, с другой стороны. Именно в силу отсутствия такого разграничения абстрактный и атомистический историзм младогограмматиков нередко рисуется как вождельный идеал.

языка и в соответствии с этим ограничивать структуральную лингвистику изучением лишь тех языковых явлений, которые лишены развития. Не следует закрывать глаза на то обстоятельство, что применение структурного принципа к исследованию проблематики исторического языкознания принимает все более широкие масштабы, и ныне уже оказывается возможным говорить, например, о диахронической фонологии как о целом направлении лингвистических исследований, имеющем многочисленных представителей и даже успевшем уже выделить в своем составе ряд нередко противоречивых течений (см. ниже о полемике А. Мартине с бинаристами, возглавляемыми Р. Якобсоном). К этому (не называя имен) можно добавить, что все чаще появляются работы признанных мастеров сравнительно-исторического языкознания, не жалующих в теории структуральную лингвистику, но в своей исследовательской практике в той или иной форме прибегающих к структуральным методам. Все подобные факты создают предпосылки для пересмотра разделяющегося еще многими лингвистами мнения, что структурализм и историческое (диахроническое) языкознание якобы несовместимы и исключают друг друга. Однако пересмотр этого мнения полностью зависит от истолкования центрального понятия — *структура*.

До последнего времени термины *структура* и *система* рассматривались как абсолютные синонимы и совершенно свободно чередовались друг с другом. Мы располагаем теперь всеми данными для того, чтобы дифференцировать их и тем самым разделить первоначально нерасчлененное понятие. *Система* и *структура*, как показывает опыт исследовательской лингвистической работы последних десятилетий, несомненно, два различных понятия, качественно отличающихся друг от друга тем, что *система* есть действительно статическое понятие, в соответствии с чем через его посредство следует соотноситься с синхронической плоскостью языка, а *структура* должна истолковываться как динамическое понятие, на основе которого следует проводить изучение диахронических явлений (эволюционных процессов) языка.

Недифференцированность в употреблении терминов *система* и *структура* приводит к тому, что, генетически

соотносясь с учением Ф. де Соссюра о синхронической лингвистике, оба они сохраняют инерцию статического их истолкования. Хотя работа А. Мартине представляет много доводов в пользу необходимости разграничения понятия системы и структуры в указанном выше смысле, в его теоретических рассуждениях в этом отношении ощущается большая неясность, что приводит и к некоторой противоречивости между его теоретическими установками и исследовательской практикой. На протяжении своей работы он неоднократно говорит о том, что «Среди „структуралистов“ многие представляют себе свою науку лишь в статическом плане» (см. гл. I, § 5) и что если структуралистов разграничить, в частности в отношении толкования ими понятия языковой структуры, то «В общих чертах, по-видимому, можно выделить среди них, с одной стороны, тех, для кого структурализм является руководящим принципом, определяющим конкретные методы исследования, с другой стороны, тех, кто пришел к пониманию языка как структуры лишь благодаря практике синхронического описания», но «Существенно, однако, что все „структуралисты“, к какой бы школе они ни принадлежали, занимаются почти исключительно синхронией» (см. гл. III, § 1) и т. д. Однако вся его книга посвящена исследованию причинности эволюционных процессов в области фонетики, т. е. диахронии, а все это исследование осуществляется бесспорно структуральными методами, хотя и с той поправкой, что они характеризуются как структурно-функциональные¹. Это противоречие смягчается у А. Мартине стремлением обнаружить в «статическом» и «динамическом» структурализме общую основу, придать самому понятию языковой структуры максимально обоб-

¹ Насколько общий характер имеет эта поправка, показывает следующее определение А. Мартине: «Структурно-функциональное языкознание — это не один из разделов языкознания, а все языкознание, рассматриваемое в таком плане, который при современном состоянии нашей науки представляется наиболее благоприятным для быстрого прогресса познания. Во всяком случае, ясно, что именно собственно лингвистические факторы, будь они внутренние (возникающие в пределах одного языка) или внешние (связанные с контактами между языками), должны привлечь наибольшее внимание лингвиста, способного судить о них лучше, чем о любых иных» (см. гл. I, § 8).

щенный характер. «По-видимому,— пишет он в этой связи,— все структуралистские учения имеют одну общую основу, хотя это и не во всех случаях очевидно. Все они опираются на более или менее четко выраженное убеждение в том, что каждый язык характеризуется как таковой (тем самым противопоставляясь любому другому языку) прежде всего внутренней организацией *sui generis*, которая имеет гораздо большее значение, чем случайное сходство между отдельными единицами» (см. гл. III, § 2). Такое определение понятия структуры языка настолько общо, что на его основе в структуралисты можно зачислить чрезвычайно широкий круг лингвистов, например Э. Сепира, который писал: «Каждому, кто... хоть немного почувствовал дух какого-либо иностранного языка, должно быть ясно, что в основе каждого языка лежит как бы определенный чертеж, что у каждого языка есть свой особый покров»¹. На основании своей общей формулы А. Мартине относит к структуралистам и такого завязатого «традиционалиста», как Морис Граммон (см. гл. III, § 3). Совершенно очевидно, что четкое формулирование исходных теоретических положений, принципов и понятий не является сильной стороной книги А. Мартине. Едва ли можно считать плодотворной и самую попытку разрешить наметившиеся противоречия посредством возможно более общих определений и формул, претендующих на то, чтобы покрыть собой несовместимые явления. Видимо, правильнее идти по линии разграничения понятий того порядка, о котором говорилось выше.

Впрочем, несомненно большей ясностью и определенностью отличается у А. Мартине разрешение второго вопроса, связанного со вторым из выделенных выше моментов. В данном случае речь идет о том, чтобы установить, любое ли понимание структурализма в языкознании позволяет применять его принципы к изучению диахронических явлений. Четкий и недвусмысленный ответ, который мы находим в книге А. Мартине на этот вопрос, частично искупает ту неясность, которая характеризует рассмотрение первого момента. Весь ход исследования А. Мартине

¹ Э. С е п и р, Язык, Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 94.

убеждает в том, что применение структуральных принципов к изучению исторических процессов возможно лишь в том случае, если исследователь в ряду противопоставленных друг другу теоретических координат, характеризующих разные направления структурализма, примыкает к совершенно определенным из них. В частности, он обязательно должен ориентироваться на «материю языка», чуждаться априоризма и не стремиться замкнуться в системе языка. Об этом говорит и сам А. Мартине, например, когда называет предмет своего исследования — фонему — психофизиологической реальностью или полемизирует с Л. Ельмслевом. Отмечая, что приверженцы последнего отличаются наибольшей независимостью по отношению к объекту своего исследования, А. Мартине пишет: «Фонологи, будучи менее последовательными и отнюдь не исключая из сферы своих интересов звуковую материю, сохранили более тесный контакт с действительностью. Вероятно, именно это и ставит их в лучшее положение по сравнению с другими „структуралистами“ при изучении проблем звуковой эволюции. В плане диахронии речь идет не о том, чтобы исчерпывающе и максимально просто описать определенные пучки отношений, которые наблюдаются в языке, нередко представленном ограниченным количеством текстов или магнитофонных записей. Можно заранее быть уверенным, что в диахронии нам не удастся распутать все нити клубка причинности, хотя бы потому, что причинность не имеет ни начала, ни конца» (гл. I, § 23). Указывая на полный отрыв глоссематики от языковой реальности и невозможность аргументации в ней материальными данными, А. Мартине продолжает: «Теория Ельмслева — это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости» (там же), и далее он говорит о противостоящей глоссематике диахронической фонологии, гипотезы которой широко открыты для всякого языкового материала, посредством которого можно проверить их правдивость.

Примечательным образом все слабости книги А. Мартине связаны с тем, что он не всегда последовательно придерживается избранных теоретических координат и в своем изложении иногда отступает от них. Но это уже связы-

вается со второй из центральных проблем его работы — со структуралистской трактовкой причин фонетических изменений, — рассмотрение которой следует ниже.

3

Как уже указывалось, книга А. Мартине характеризуется возвратом к традиционной проблеме фонетических изменений. Но в отличие от прежних работ, посвященных этой проблеме, А. Мартине сосредоточивает свое внимание не на вопросе о том, как совершаются фонетические изменения, а на вопросе о том, почему они совершаются. До сих пор историческое языкознание (особенно младограмматического толка) ограничивалось главным образом лишь описанием процессов языковой эволюции, а этот «исторический дескриптивизм» не так уж сильно превосходит по своим методологическим качествам синхронический дескриптивизм современной американской школы. Путь преодоления недостатков описательного подхода (как в синхронии, так и в диахронии) при изучении фонетической эволюции языка А. Мартине видит прежде всего в использовании принципов структуральной лингвистики. «Традиционная фонетика, — пишет он, — главным образом объясняла, что следует ожидать от данной фонемы, если поместить ее в те или иные условия речевого потока. Фонология прежде всего стремится определить, что следует ожидать от данной фонемы, если ее поместить в ту или иную систему» (см. гл. I, § 16). Таким образом, в этом последнем случае все внимание сосредоточивается на вопросе о причинности процессов, а не на их описании.

Попытка вскрыть причинность определенного порядка в фонетических изменениях (чему и посвящена книга А. Мартине) в случае ее удаchi, несомненно, подняла бы историческое языкознание на более высокую ступень. Она создает предпосылки для перенесения методического акцента, в связи с чем окажется возможным говорить уже не о сравнительно-историческом, а о структурно-историческом языкознании. Таким образом, на первый взгляд узкая проблема фактически имеет чрезвычайно широкую теоретическую перспективу.

Объяснение причин фонетических изменений А. Мартине соотносит со своей теорией лингвистической экономии. По его мнению, именно принцип экономии управляет функционированием фонологической системы. Стабильной же или «экономичной» фонологической системой является для него такая, в которой неизбежные артикуляционные отклонения не приводят к слиянию фонем. Положительным при этом является то, что действие принципа экономии он ставит в зависимость от функций языка, и именно тех (хотя он и допускает действие также иных функций), которые в советском языкознании считаются определяющими для языка. «Почти банально заявлять, — говорит он, — что язык имел, быть может, большее значение для человечества в качестве опоры мысли, чем в качестве орудия общения. Тем не менее общение остается первичной и центральной функцией языка» (см. гл. II, § 3). В аспекте рассматриваемого вопроса это получает следующее преломление: «Основной тезис диахронической фонологии относительно функции заключается в следующем: при прочих равных условиях фонологическое противопоставление, полезное для взаимопонимания, сохраняется лучше, чем другое, менее полезное. Разумеется, сохранение одного и устранение другого противопоставления является результатом не сознательного выбора говорящих, а обычного процесса языкового общения, которое способствует развитию полезных черт за счет менее полезных» (см. гл. II, § 5).

Нет надобности детально излагать здесь сущность довольно сложной теории экономии, поскольку ниже в соответствующей главе это делает сам автор. Мимоходом следует только отметить, что эта теория, несомненно, имеет своих предшественников, у которых А. Мартине заимствует некоторые положительные моменты и отбрасывает негативные их качества.

Так, от своего самого далекого прототипа — теории удобств — теория экономии положительно отличается теми свойствами, какими фонология отличается от фонетики. Признавая ценность положения Н. Трубецкого о тенденции к гармонии системы, наблюдаемой в фонологических процессах, А. Мартине обращает свои усилия на то, чтобы освободить это положение от его телеологи-

ческого содержания, и в фонетической эволюции, которая в идеале венчается у него все той же гармонией системы (цель столь же недостижимая, как и поимка синей птицы), обнаружить голую причинность. В принципе (или, как обычно говорят, законе) наименьшего усилия Ципфа, несомненно также наложившего свой отпечаток на формирование теории экономии, автора настоящей книги не устраивает установленное Ципфом обратно пропорциональное отношение между сложностью фонем и частотой их употребления. А. Мартине указывает, что преимущества простоты фонем и их системные отношения могут уравнивать друг друга. А. Мартине возражает также против неясного понятия сложности, которая у Ципфа определяется частотностью употребления на основании вышеприведенного обратного отношения. А. Мартине, кроме того, считает, что большее значение, чем сложность фонем, имеет отношение достигаемой различительной силы к затрачиваемой для этой цели энергии.

Впрочем, А. Мартине не старается представить себя как первооткрывателя и, рекомендуя диахроническую фонологию как последний по времени этап последовательно логического развития традиционного языкознания, в числе своих предшественников называет П. Пасси, Г. Суита, О. Есперсена, М. Граммона и др.

При всей своей продуманности в целом теория экономии А. Мартине создает впечатление излишней механистичности, схематичности и прямолинейности. Это впечатление усиливается и употребляемой терминологией (*давление, притяжение, цепная реакция* и т. д.). Но для более или менее обоснованного суждения о достоинствах и недостатках теории экономии следует внять призыву А. Мартине и попытаться приложить ее принципы к конкретным и возможности многообразным процессам фонетической эволюции различных языков (что сам А. Мартине в неизбежно ограниченной мере делает во второй части своей книги). Хотя это единственно правильный путь для проверки обоснованности теории А. Мартине, он, разумеется, не может быть осуществлен в предисловии. Однако некоторые общие соображения в отношении как отдельных положений развиваемой А. Мартине теории, так и характера их изложения сделать все же необходимо.

На протяжении всей работы А. Мартине многократно выступает против априорных схем, которые без достаточных оснований навязываются языковому материалу. Он справедливо указывает, что подобного рода умозрительные построения, стремящиеся свести внутренние отношения языковых элементов к максимально упрощенным схемам, обычно отрываются от языковой действительности и даже противоречат ей. «Конечно, не нужно, — пишет он по этому поводу, — выдумывать усложнений, которые не оправдываются никакими данными, однако не следует забывать, что действительность не всегда бывает такой прямой, как умозрительные построения» (см. гл. I, § 23). В аспекте борьбы с априоризмом А. Мартине ведет свою полемику с Р. Якобсоном, выдвинувшим бинарную теорию и стремящимся свести все фонологические противопоставления к типу двучленных. Эта полемика носит то открытый характер (см., в частности, § 14, 18 гл. III), то принимает скрытые формы достаточно очевидных намеков, но присутствует во всей работе. В соответствии с точкой зрения Р. Якобсона все различительные единицы человеческой речи должны располагаться согласно иерархии бинарных противопоставлений, что приводит к отказу от линейного понимания отношений между согласными фонемами различной степени артикуляторной глубины. Бинаристы утверждают, что противопоставление серии согласных фонем основано на сочетании высокой или низкой частоты с двумя различными степенями «компактности». Такая точка зрения создает предпосылки для установления близкого параллелизма с серией гласных фонем, что делает возможным свести в фонологии к минимуму количество различительных признаков. «Однако, — пишет в этой связи А. Мартине, — если оставить в стороне физико-математические выкладки, которыми прикрывается эта теория с целью привлечения людей, стремящихся к абстрактной строгости, бинаризм оказывается скорее умозрительным построением, чем попыткой согласовать между собой результаты предварительных наблюдений» (см. гл. III, § 14). Свой основной аргумент против бинарной теории А. Мартине излагает в следующих словах: «Чтобы иметь право утверждать, что все фонологические противопоставления являются двучленными, необходимо

либо, исследовав все возможные случаи, констатировать, что дело обстоит именно так, либо доказать, что человек в силу самой своей природы может организовать различительные единицы только по бинарному принципу. Но кто может похвастать тем, что он исследовал все существующие или засвидетельствованные языки? А что можно сказать о бесследно исчезнувших языках или о тех языках, которые появятся в будущем? Даже если бы создатели бинарной теории основывали ее на внимательном и прежде всего объективном изучении значительного числа языков — а это далеко от истины, — лингвисты имели бы право остаться при собственном мнении и не согласиться со стремлением бинаристов идти от частных наблюдений (хотя бы и довольно многочисленных) к общему принципу» (см. гл. III, § 15).

Собственно говоря, на основании подобного довода можно подвергнуть сомнению (или даже просто отрицать) любую теорию в лингвистике, ибо, действительно, кто может похвастаться тем, что исследовал все существовавшие и частично бесследно исчезнувшие языки, все существующие языки и, кроме того, те, которые будут существовать? Подобные требования в лучшем случае следует охарактеризовать как чрезмерные. Однако дело даже не в этом, а в том, что сам А. Мартине свою теорию экономии в значительной мере строит на тех же принципах, что и Р. Якобсон бинарную теорию, и поэтому почти все упреки, которые А. Мартине делает в адрес Р. Якобсона, можно с полным основанием повернуть в сторону самого А. Мартине. Метод аргументации у А. Мартине носит в такой же (если не в большей) степени умозрительный характер — он первоначально задается вопросом, какие факторы *a priori* более всего способны обусловить звуковые изменения, а затем анализирует доступный ему материал по исторической фонетике ряда языков таким образом, чтобы выявить эти факторы. При этом он вовсе и не скрывает откровенно дедуктивный характер своей теории экономии, что явствует, например, из следующего высказывания о ней: «В данном случае теория явится совокупностью реалистических гипотез. Достаточно появиться новому, достоверно установленному факту, который не найдет себе места в этой теории, чтобы она стала недействительной. Таким образом,

она не представляет собой ничего окончательного. Она уязвима по самой своей сущности. Она существует для того, чтобы сопоставлять с нею новые данные, которые либо без труда найдут себе в ней место, либо потребуют ее пересмотра или замены» (см. гл. I, § 23). А что касается языкового материала, который А. Мартине использует для обоснования своей теории, то, характеризуя его, он говорит: «...в первой части книги мы будем продолжать оперировать весьма упрощенными абстрактными примерами» (гл. III, § 5).

Пожалуй, автору не следовало бы выделять как особые достоинства его теории те ее качества, благодаря которым она остается открытой для проверки ее любым языковым материалом, способным подтвердить, опровергнуть или уточнить ее. Такого рода требования обязательны для всякой — и в особенности дедуктивной — теории. Не отказываются от них, насколько можно понять, и бинаристы. Но что касается действительной проверки реальными и по возможности многообразными языковыми фактами, то теория экономии в этом отношении пока не намного превосходит бинарную теорию. Весь ее доказательный материал в значительной мере ограничивается второй частью книги, причем анализ ряда примеров не может не вызвать некоторых вопросов, другие же (как, например, великий сдвиг гласных в истории английского языка) одинаково хорошо укладываются в объяснения, основанные на «традиционных» принципах. Если ориентироваться только на тот материал, который приводит сам А. Мартине, то о его теории можно сказать то же, что он говорит о бинарной теории: она, видимо, приемлема в определенных пределах. Это уже не мало, если учесть отвращение, которое А. Мартине в своей книге высказывает к «универсальным» законам языка. Беда только в том — и это является вторым противоречием, которое обнаруживается в изложении данного вопроса, — что А. Мартине склонен рассматривать свою теорию экономии именно как универсальную.

Известный априоризм теории экономии является, однако, не единственным отклонением от теоретических координат, избранных самим А. Мартине. Другое такое отклонение, тесно связанное с первым, заключается в том,

что А. Мартине вводит ряд намеренных ограничений¹, чтобы, как он говорит об этом, сделать эксперимент более простым. Весь чрезвычайно широкий круг исключенных им из рассмотрения факторов — от влияния экспрессивных элементов на фонологическое развитие до проблем субстрата и языковых контактов — всплывает неожиданно в «Заключении». Заключение, таким образом, фактически ничего не заключает, а скорее является выражением признания того очевидного факта, что для фонетической эволюции имеет значение большое количество так называемых «внешних» факторов — лингвистических и нелингвистических (рассмотрению этого вопроса посвящены в книге специальные разделы, см. гл. I, § 11, 13).

Однако все изложение основных положений книги, и в частности теории экономии, осуществляется вне учета этих факторов и, следовательно, не преодолевает замкнутости. Больше того, вводимые ограничения принимают у А. Мартине даже принципиальный характер, поскольку он всячески настаивает на автономности фонологической системы. Он оставляет вне внимания не только взаимодействие между звуковыми изменениями и другими видами языковых изменений, но даже и морфологическую роль фонем. Понятие языковой экономии (изложение подсказывает скорее другой термин — целесообразности, но А. Мартине всячески чурается его в силу его телеологического привкуса) ограничено у него рамками лишь фонологического уровня. Известным выражением автономности фонологической системы является и то, что фонемы автор рассматривает только «в системе» (или, как принято говорить, в парадигматическом плане), а не «в речевом потоке», «в последовательности» (или в синтагматическом плане).

Нереалистичность такого «ограничительного» подхода (практикуемого и А. Мартине) к изучению фонологиче-

¹ Характерно, что жертвой подобного рода ограничений нередко оказываются как раз те факторы, которые обычно рассматриваются в качестве основных. Так, при описании процесса оглушения испанских сибилантов оказались исключенными билингвизм, языковые контакты и ареальные явления в самом широком смысле этого слова.

ских процессов отмечалась целым рядом языковедов¹. Если в отдельных (и, может быть, достаточно многочисленных) диахронических явлениях можно проследить действие сил, руководимых принципом экономической целесообразности, то в целом эволюция языка (что фактически признается и самим А. Мартине в «Заключении»), видимо, далеко не всегда следует за этим принципом. Это, несомненно, объясняется перекрещивающимися действиями разнонаправленных и базирующихся на разных принципах сил, исходящих из разных уровней языка. Это похоже на то, как несколько муравьев стремятся утащить в свой муравейник какую-то съедобную вещь. Каждый из них тянет ее в свою сторону, но побеждает то направление, где сил оказывается больше, и им-то оказывается как раз то, которое в конечном счете приводит к муравейнику. Так и в языке. В различных его уровнях действуют разные силы, оказывающие друг на друга прямое влияние. Эволюция языка отражает игру взаимодействующих сил, но конечным направлением этой эволюции всегда оказывается направление, обусловленное теми целями, ради которых существует сам язык, т. е. целями общения в самом широком смысле этого слова. В этом при желании можно усмотреть целеустремленность или телеологичность процессов развития языка.

Несколько слов следует сказать и о главе «Просодия». Она также находится в известном противоречии с принципами, которых А. Мартине намеревался придерживаться в своем изложении. Это противоречие проявляется в том, что ударение, количество, тоны и прочие явления, которые дескриптивная лингвистика именует суперсегментными, а А. Мартине — просодическими, трактуются в ней, в отличие от предыдущих глав, в строго синхроническом плане. Здесь обнаруживаются новые доказательства необоснованности защиты автономии фонологических яв-

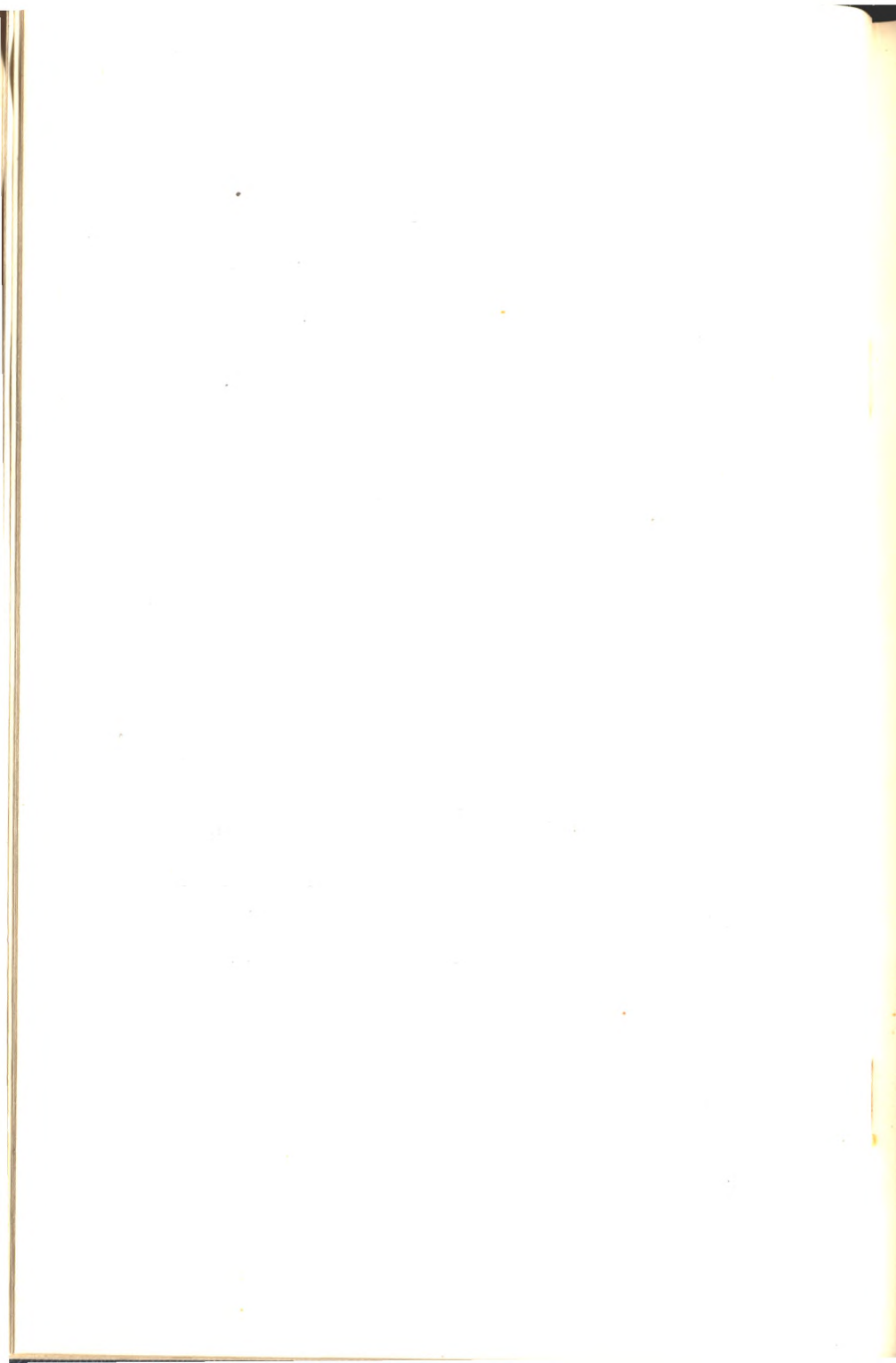
¹ См., в частности, рецензию Н. М. Н о e n i g s w a l d, «Language», vol. 33, 1957, № 4, и следующие статьи: W e i n r e i c h, On the description of phonic interference, «Word», vol. 14, № 1 (в статье излагаются интересные соображения о взаимодействии синтагматических и парадигматических факторов); E. H a u g e n, рецензия на книгу W e i n r e i c h, Languages in contact, New York, 1953.

ний. При чтении этой главы остается неясным, как можно рассматривать просодические явления вне морфологической структуры соответствующих языков. Ведь совершенно очевидно, что для многих просодических явлений, как они описываются у А. Мартине, типичным является то, что они выступают в качестве обязательных компонентов только в морфемах определенного типа (например, высокий тон в английском встречается лишь в интонационных морфемах) или вообще проявляются в сложных и выходящих за пределы фонологического уровня явлениях (например, интонация или разные виды ударений).

4

Выше были отмечены некоторые внутренние противоречия концепции А. Мартине, вскрывающиеся в ее изложении. Можно было бы высказать еще и ряд частных возражений, как это и было сделано в многочисленных рецензиях на данную книгу. Но эти возражения базируются либо на иных (нередко противопоставленных и поэтому носящих полемический характер) теоретических позициях, либо опираются на конкретный языковой материал. Такие возражения не могут найти места в предисловии, рекомендуемом читателю книгу. Они относятся к области исследовательской практики. Здесь же важно отметить, что, несмотря на наличие отдельных противоречий и некоторые очевидные промахи изложения, книга А. Мартине в целом представляется интересной и заслуживающей всяческого внимания попыткой развить и усовершенствовать методы исследования фонологических процессов, причем в направлении, которое не может оставить равнодушными советских языковедов. Это обстоятельство более чем достаточно оправдывает появление ее и на русском языке.

В. Звегинцев

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Заглавие и подзаголовок настоящей книги почти из-бавляют автора от необходимости как-либо иначе представить ее читателю. Те, кто склонен отождествлять «фонологию» с лингвистическим формализмом, возможно, будут удивлены, увидев термин «фонология» рядом с термином «экономия», предполагающим известный реализм и динамизм. Мы надеемся, что чтение последующих страниц убедит их в том, что речь идет не о выборе между традиционной лингвистикой, парализованной преклонением перед изолированным фактом, и «структуральной» лингвистикой, дающей свободу произволу исследователя, не о выборе между устаревшей рутинной и бесплодным схематизмом. Структурно-функциональный анализ, если он проводится тщательно, то есть с учетом всех сторон изучаемого объекта и без искажения действительности под влиянием личных склонностей и предвзятых мнений, дает иерархию значимостей по меньшей мере столь же «реальную» и несравненно более продуктивную, чем нагромождение фактов, рассматриваемых каждый в отдельности. Это подтверждается также изучением лингвистической эволюции; необходимо лишь исходить из убеждения, что в данных вопросах не существует никакой непостижимой тайны.

Появление книги со столь общим заглавием в серии *Bibliotheca Romanica* на первый взгляд, возможно, покажется странным. Может возникнуть вопрос, не согласуется ли содержание книги скорее с названием всей серии, чем с заглавием данного тома, и не является ли это последнее неправомерно широким. Однако это не так. Речь действительно идет о работе по общему языкознанию, в которой романским языкам уделено немалое, но отнюдь не исключительное внимание. Еще во время подготовки данной работы к печати г-н Вальтер фон Вартбург предложил включить ее в серию, изданием которой он руководит. Ознакомившись с рукописью, он подтвердил, с согласия

издателя, свое предложение, которое автор с благодарностью принял, не считая, однако, себя обязанным сужать круг своих наблюдений. Мы надеемся, что романисты не будут слишком смущены ни методологической новизной, ни длинными экскурсами за пределы их непосредственной специальности. Мы надеемся также на столь же внимательное отношение со стороны специалистов по другим языкам.

Привлекая к исследованию многочисленные индоевропейские, а также некоторые неиндоевропейские языки, мы сталкиваемся с проблемами транскрипции, которые нельзя полностью разрешить простым применением систем, обычно используемых в трудах по каждому из рассматриваемых языков и языковых групп. При сравнении языков, между которыми нет близкого родства, нередко приходится избегать отдельных слишком резких контрастов. Мы отказались, например, от использования *y* в значении *йота* при записи франко-провансальских форм в соседстве с формами славянских языков, где этой буквой обозначается задняя или средняя нелабиализованная гласная. В тех случаях, когда речь идет о языке, имеющем письменность, полезно проводить различие между традиционным написанием, которое дается курсивом, фонологической транскрипцией (транскрибируемые формы заключаются в косые скобки) и фонетической транскрипцией (транскрибируемые формы даны в квадратных скобках; для обоих видов транскрипции используется прямой шрифт). Для бесписьменного языка или реконструируемых форм курсив используется обычно при написаниях, которые почти полностью соответствуют фонологическому анализу. Таким образом, во многих случаях возможны колебания между курсивом и собственно фонологической транскрипцией. В этом заключается источник непоследовательности, к сожалению не единственный; значительные усилия, направленные на то, чтобы провести необходимую унификацию, не во всех случаях привели к желаемым результатам: отдельные главы различаются по характеру изложения более, чем этого требует разнообразие тем; некоторые формальные несоответствия были обнаружены лишь в корректуре и не могли быть полностью устранены.

1. ВВЕДЕНИЕ

1. Как раздел программы исследований диахроническая фонология возникла одновременно с фонологией вообще в том смысле, в каком этот термин был использован Пражской школой и лингвистами, причислявшими себя к ней. Как самостоятельная дисциплина она, можно сказать, только начинает постепенно оформляться; ее методы исследования получают признание пока еще в сравнительно узком кругу ученых. Появлению настоящей книги способствовало стремление расширить круг исследователей, применяющих структурно-функциональный принцип к изучению фонетической эволюции.

2. С самого начала перед автором возник вопрос о том, на каких читателей следует рассчитывать. Кто же — «структуралисты» или представители традиционных направлений — более способен ответить на наш призыв? На первый взгляд «структуралисты» представляются лучше подготовленными для этого; писать для них значило бы предполагать известные точки зрения уже усвоенными, а определенную терминологию привычной. Однако под обманчивым общим названием «структурализм» объединяются школы, весьма различные по своему духу и тенденциям. Общим для этих школ является прежде всего известный динамизм, обусловленный тем разрывом с традицией, которым почти везде было отмечено появление «структуралистических» течений. Широкое употребление некоторых терминов, таких, как «фонема» и даже «структура», часто способствует лишь маскировке глубоких расхождений. На самом деле большинство «структуралистов» очень мало интересуется лингвистической эволюцией; многие сознательно или бессознательно

разделяют точку зрения Ф. де Соссюра, согласно которой структурные методы применимы лишь в статической лингвистике, поскольку структура существует только в синхронии. Лингвисты, не признающие никакой иной лингвистики, кроме дескриптивной и статической, смогли бы лишь с большим трудом выявить родственные отношения между изучаемыми языками (чаще всего современными), даже в том случае, если бы эти отношения их заинтересовали. В действительности среди «структуралистов» вполне подготовленными к структурно-функциональному исследованию эволюционной фонетики являются лишь те лингвисты, которые ни на одном этапе анализа не исключают из сферы своего внимания звуковую материю, и даже среди этих последних только те, кто смог удержаться от всякого эффектного априоризма, бинаристического или какого-либо иного. Но какой автор решился бы настолько сузить круг своих читателей?

3. Мы сочли, таким образом, более правильным обратиться в первую очередь к другой аудитории, а именно к той, которая осталась верна традиции и рассматривает собственно лингвистические исследования как завершающее звено длительной филологической подготовки в одной четко ограниченной области. Итак, мы ставим перед собой исключительно трудную задачу; она состоит в том, чтобы восстановить определенные связи, которые не побоялись порвать — правы они были при этом или нет — пионеры современного структурализма. Часто это равносильно необходимости продумать вновь и выразить в непривычных терминах те структуральные положения, которые могут способствовать разрешению проблем фонетической эволюции. Здесь не идет речи о том, чтобы целиком отбросить существующую фонологическую терминологию: необходимо иметь возможность отождествлять понятия, которыми мы оперируем, а терминологические нововведения в этих вопросах лишь увеличат путаницу. Мы стремились, однако, не употреблять терминов, свойственных той или иной школе, без определения и без доказательства оправданности их использования. Трудность восстановления контактов, несомненно, усугубляется тем, что автор этой книги, каким бы ни было его первоначальное обра-

зование, почти двадцать лет назад перестал быть специалистом по какому-либо определенному языку или языковой семье и сосредоточил свое внимание на особом виде исследований — структурно-функциональной фонетике, — не ставя себе иных ограничений в пространстве и времени, кроме тех, которые обусловлены его профессиональной деятельностью. В глазах «структуралистов», для которых языкознание является прежде всего общим, этот тип специализации является не только допустимым, но даже нормальным: в Корнелльском университете в Соединенных Штатах все лингвисты официально именуются «профессорами лингвистики», независимо от того, являются ли они в действительности специалистами в области романистики, германистики или классической филологии. Для лингвистов традиционных воззрений такая «горизонтальная» специализация включает в себе нечто противоестественное, что побуждает их держаться на почтительном расстоянии. Для романиста по специальности, читающего работу по прикладной диахронической фонологии, написанную структуралистом — романистом по случаю, достаточно обнаружить несколько частных ошибок, как он уже затрудняется составить об этой работе надлежащее суждение. Избранная шкала значимостей отлична от той, к которой он привык, и иногда он лишь с трудом опознает под пером структуралиста тот самый язык, который является объектом его собственных исследований. Он не решается обсуждать существо дела, так как у него создается впечатление (которое иногда бывает оправданным), что обсуждение заведет его в такие области, где он может потерять почву под ногами. Чтобы вызвать нужную реакцию, следует, таким образом, завоевать доверие «вертикального» специалиста, проявляя к нему полное уважение. Ясно, что если автору это удастся, то он попадет в весьма уязвимое положение, поскольку он окажет доверие не только людям с открытым и восприимчивым умом, но также и принципиальным противникам. Будучи уверенными, что они не попадут в скрытую ловушку, эти последние, если они не вполне добросовестны или просто отличаются агрессивным нравом, могут попытаться из частных неточностей и погрешностей, неизбежных со стороны неспециалиста, сделать заключе-

ние о несостоятельности метода или, что практически равносильно тому же самому, о его непригодности в рассматриваемом случае. Чаще всего структуралиста упрекают в том, что он не смог постичь всю сложность действительности. Но кто может похвастать тем, что ему это всегда удавалось? Во всяком случае, структуралист более, чем кто-либо иной, сознает, что действительность сложна; его первоначальные усилия направляются не на то, чтобы, как некоторые все еще полагают, произвольно отбросить какие-то элементы действительности, а как раз на то, чтобы установить иерархию фактов, адекватную объекту. Чтобы подвергнуть структуральное объяснение действительной критике, необходимо доказать не то, что это объяснение не учитывает определенных сторон действительности (ибо на известном этапе своего исследования фонолог делает это преднамеренно и совершенно сознательно), но что именно эти неучтенные стороны следовало в данном случае выделить как релевантные.

Описание и объяснение

4. Наиболее упорное сопротивление применению структурно-функциональной точки зрения к изучению лингвистической эволюции окажут, вероятно, не те, кто в силу личных склонностей или характера своего образования считал себя обязанным проявить сдержанность или даже враждебность по отношению к структуралистическим доктринам, а те лингвисты, относящие или не относящие себя к «структуралистам», которые по природной склонности не рискуют выходить за пределы явлений, доступных наблюдению. Эпитет «дескриптивист» применяется вообще лишь к специалистам синхронического и статического описания. Однако неправильно думать, что лишь среди «структуралистов» встречаются лингвисты, видящие в описании доступных непосредственному наблюдению языковых фактов единственную цель лингвистических исследований. Можно сказать, что описательный идеал есть идеал нескольких поколений лингвистов, хотя большинство из них не отрицало право других исследователей выходить за узкие рамки описания и делать попытки

объяснения фактов¹. Еще и теперь большинство тех, кто занимается лингвистической эволюцией, гораздо больше интересуется установлением рядов регулярных соответствий, чем объяснением причин самих изменений. Вообще считается, что мы слишком плохо осведомлены относительно всякого рода условий, характерных, например, для Франции X в., чтобы суметь представить себе убедительную картину прямых или косвенных причин фонетического изменения, совершившегося в этой стране в данную эпоху. Как это возможно, скажут нам, если мы, как правило, не в состоянии понять даже современное фонетическое изменение, которое совершается, так сказать, на наших глазах? Если мы согласны ограничиться установлением «фонетических законов», мы имеем дело с проблемами, которые в состоянии разрешить любой хорошо подготовленный и сколько-нибудь способный исследователь. Таким образом, ограничив себя определенными рамками, мы можем выполнить свою программу целиком. Поскольку мы оперируем только фактами, доступными наблюдению, всегда возможна проверка, что соответствует научному идеалу. Таков, в основных чертах, метод младограмматиков, таким же остается и метод многих современных лингвистов из числа наиболее эрудированных и наиболее плодотворных.

5. Среди «структуралистов» многие представляют себе свою науку лишь в статическом плане, и не случайно, что таких лингвистов чаще всего можно встретить среди учеников Блумфилда, последователя младограмматиков, который без обиняков пишет, что «причины фонетических изменений неизвестны»². Сам Блумфилд дальше этого не идет, но у кого не возникнет искушение заключить из его изложения, что всякое исследование, имеющее целью определить эти причины, неизбежно обречено на неудачу? Понятно, что из всех «структуралистов» последователи Блумфилда наименее склонны и наименее способны

¹ Ср., однако, B. Delbrück, *Das Wesen der Lautgesetze, «Annalen»* (?), стр. 307—308, приведено здесь по Kasper R o g g e r, *Vom Wesen des Lautwandels*, Leipzig — Paris, 1934, стр. 59.

² L. Bloomfield, *Language*, New York, 1933, стр. 385.

переступить стадию вневременных уравнений типа лат. $\bar{y}$ =франц. $\bar{y}$ ¹. Эти люди, стремящиеся к формальной строгости, справедливо опасаются, что, пускаясь в сомнительную область объяснений, языкознание может потерять тот облик точной науки, который многие стараются ему придать.

6. Трудно безоговорочно решить, прав или неправ тот, кто предпочитает придерживаться описания как в синхронии, так и в диахронии. Нужно ожидать, что по этому вопросу каждый выскажется в соответствии со своими склонностями и образованием. Во всяком случае, всегда существовали любознательные умы, не удовлетворявшиеся так называемым историческим языкознанием в форме вневременных уравнений; верно, что лат. $\bar{y}$ =франц. $\bar{y}$, но когда, как, почему? Отсюда родилась теория субстрата. Авторитет младограмматиков был не настолько велик, чтобы помешать возникновению и обсуждению причинных гипотез, однако достаточно велик для того, чтобы задержать ту работу по наблюдению, которая дала бы возможность проверить эти гипотезы; поэтому объяснительного языкознания в качестве признанной дисциплины почти не существует.

7. Легко понять, почему именно у романистов раньше всего возникло и особенно сильно проявилось сопротивление описательному формализму младограмматиков: между двумя членами соответствия — гот. f : скр. p — тысячелетия предыстории; между латинским $c(a)$ и французским $ch(a)$ — $ch(e)$ всего несколько веков удовлетворительно документированной истории. История германского f целиком относится к области лингвистической предыстории, то есть к области гипотезы; история французского ch может быть в значительной мере основана на наблюдении фактов различного рода на протяжении всего развития языка, начиная от латинского взрывного согласного. Как только подробности процесса

¹ Среди многих других отметим формулировки Дж. Л. Трейджера (G. L. Trager, The field of linguistics, «Studies in linguistics: Occasional papers», I, 1949, стр. 6).

выяснены, появляется сильное искушение выискивать причины явления и даже строить гипотезы по этому поводу. Именно романистам мы обязаны теориями субстрата, суперстрата и адстрата. Этой системе «стратов» можно поставить в упрек очень многое и в особенности то, что она не была включена в общую теорию двуязычия; но ее заслугой было поддержание принципа законности причинного объяснения в языкознании, даже если на практике она применялась нередко непоследовательно и неуместно. Первые попытки основать диахроническую фонологию пробудили, по-видимому, наибольшие надежды прежде всего как раз в тех лингвистических кругах Швейцарии, Германии и Австрии, где сохранялся живой дух смелого исследования и безграничной любознательности Гуго Шухардта. Уже в 1931 г. Эдуард Германи заявляет, что фонология представляет собой большой прогресс, что она многое объяснит и произведет революцию в исторической фонетике¹. Альберт Дебруннер считает, что она поможет объяснить ряд частных фонетических изменений и выявить их общие условия². Каспар Роггер, высказав сожаление о том, что понятие лингвистической системы не привело Соссюра к новой постановке проблемы объяснения фонетических изменений, принимает фонологическое положение, согласно которому эволюция любой фонемы зависит от характера системы в целом, и наоборот³. Еще более ясно высказывается в 1939 г. в сборнике, посвященном Ш. Балли⁴, Вальтер фон Варт-

¹ См. «Lautgesetz und Analogie», «Abh. d. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen», Phil.-hist. Klasse, N. F. Bd. 23, 3, Berlin, 1931, стр. 49: «...ich sehe in der Phonologie einen großen Fortschritt, der uns vielerlei Aufklärungen bringen wird und die historische Lautlehre gradezu umwälzen muß».

² «Lautgesetz und Analogie», «IF», 51, 1933, стр. 274: «...verspreche mir auch von ihr manches Licht für einzelne Lautwandlungen und für die Systematik der Lautwandelmöglichkeit...»

³ «Vom Wesen des Lautwandels», стр. 144.

⁴ «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, стр. 10: «Wie in den ersten Jahrzehnten des 19. Jahrhunderts, so steht auch heute wiederum die Sprachwissenschaft am Beginn einer großartigen, neuen Entwicklung., ihre Zukunft liegt in der Verbindung der neuen, strukturell-funktionellen Forschungsrichtung, mit den Perspektiven und Erkenntnissen, die sich aus der historischen Forschung ergeben».

бург; он предсказывает языкознанию расцвет, подобный тому, каким характеризовались первые десятилетия XIX в.; расцвет произойдет благодаря соединению методов структурно-функционального направления с опытом исторического языкознания. В том же сборнике¹ Элиза Рихтер указывает, в каком направлении должны развиваться исследования в области диахронической фонологии.

8. Эти лингвистические круги, возлагавшие надежды на фонологию как средство для выяснения причин фонетических изменений, были, разумеется, не единственными, где открыто признавалась не только законность, но и необходимость такого рода исследований. Не будем перечислять здесь всех тех лингвистов Центральной и Восточной Европы, Скандинавии, Голландии, Франции, которые, начиная с тридцатых годов, более или менее безоговорочно присоединились к общим принципам, защищавшимся Пражской школой. Приведем лишь слова Альбера Сеше, который писал в 1940 г.: «Чисто описательная часть этой науки (диахронической лингвистики) не исчерпывает, однако, ее программы. Недостаточно изложить факты, необходимо также их объяснить, найти их причину»². Трудно сформулировать проще и яснее, чем это делает Сеше, цель, которую мы здесь себе поставили. Если внутренняя причинность, к плодотворному изучению которой позволила приступить только фонология, естественным образом выдвинута в последующем изложении на первый план, это не значит, что диахрониста не интересуют внешние влияния, роль которых безусловно значительна. Структурно-функциональное языкознание — это не один из разделов языкознания, а все языкознание, рассматриваемое в таком плане, который при современном состоянии нашей науки представляется наиболее благоприятным для быстрого прогресса познания. Во всяком случае, ясно, что именно собственно лингвистические факторы, будь они внутренние (возникающие в пределах одного языка) или внешние (связанные с кон-

¹ «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally», Genève, 1939, стр. 45.

² «Les trois linguistiques saussuriennes». См. «Vox Romanica», 5, 1940, стр. 31.

тактами между языками¹⁾, должны привлечь наибольшее внимание лингвиста, способного судить о них лучше, чем о любых иных.

Целенаправленность

9. Мы не хотим уделять в этой книге много места вопросу о том, следует ли в диахронической фонологии говорить о целенаправленности или о причинности. Важно не ставить на явлениях определенную этикетку, а наблюдать и правильно объяснять процессы. Если мы охарактеризуем целенаправленность как явление универсальное, охватывающее всю совокупность наблюдаемых явлений, то тогда мы вправе пользоваться терминами телеологии. Анри Фрей вслед за Отто Функе и А. Марти предлагает использовать понятие «*tastende Auslese*» «нащупывающий выбор»². Он имеет право, как и его предшественники, видеть в этом «нащупывающем выборе» телеологическое понятие; он должен только уточнить, что понимается под «целенаправленностью». Однако, поскольку под «целенаправленностью» и «телеологией» нередко хотели понимать нечто совсем иное, нежели (согласно представлениям Фрея) связи, всегда обратимые в отношении причинности, ему не следовало бы удивляться, что целенаправленность представляется лингвистам «неуловимой, антинаучной и почти метафизической». По-видимому, как раз здесь была бы в некоторой мере уместна «общая семантика» в духе Кожибского: ясно, что люди неодинаково понимают термины «целенаправленность» и «телеология»; эти термины несут в себе слишком много аффективного, чтобы когда-либо можно было ввести их в научную дискуссию. В данном случае лучше обращаться непосредственно к действительности. Быть может, это и соблазнительно присоединиться путем использования нескольких удачно выбранных терминов к тому или иному движению мысли или заявить какой-нибудь математической формулой

¹ Разумеется, в сознании говорящих; в отношении терминологии такого рода ср. Uriel We i n r e i c h, *Languages in contact*, New York, 1953, стр. 1.

² «*La grammaire des fautes*», Paris, 1929, стр. 20 и сл.

о строгости своего рассуждения. Однако лингвистам уже пришлось время осознать самостоятельность своей науки; пришлось время освободиться от того комплекса неполноценности, который заставляет их связывать любое действие с тем или иным общенаучным принципом, в результате чего контуры действительности становятся лишь более расплывчатыми, вместо того чтобы стать более четкими. Именно желание находиться под защитой высокого авторитета побудило некоторых фонологов, и даже крупных, отождествлять против всякой очевидности фонологическую релевантность и сосюрровский «язык»¹, как будто можно что-нибудь выиграть, объясняя совершенно ясную вещь при помощи понятия, которое никто еще не смог определить так, чтобы это удовлетворило всех².

Активные и пассивные факторы

10. Поскольку познание организуется в рамках причинной связи, нет оснований относиться с недоверием к термину «причинность», хотя и в этом случае лучше всего предоставить фактам говорить самим за себя. Может возникнуть вопрос, не следует ли, например, выделить, как это предлагает Германи³, с одной стороны, условия (*Bedingungen*), с другой — движущие силы (*Triebkräfte*); при этом собственно внутренние, или фонологические, факторы оказываются условиями, то есть пассивными факторами, тогда как действительно активными являются только внешние факторы. Легко понять, каким образом чисто статическое и упрощенное представление о лингвистических системах может привести к заключению,

¹ Это всегда делал Трубецкой (ср. «*Principes de phonologie*», Paris, 1949, стр. 1—15); в действительности, среди комбинаторных вариантов, по определению являющихся неразличительными, следовательно, нерелевантными, существуют такие, которые обладают произвольным характером, свойственным фактам «языка»: характерной отличительной чертой нормального французского языка является краткость гласных в конце слова; эта краткость «произвольна» в сосюрровском смысле слова, и все же она не имеет никакой различительной значимости и не может рассматриваться как фонологически релевантная.

² См. анализ Косериу (*Eugenio Coseriu, Sistema, norma y habla*, Montevideo, 1952).

³ «*Lautgesetz und Analogie*», стр. 1 и сл.

что сама по себе система была бы способна лишь вечно сохраняться без изменений, если бы она не подвергалась давлению извне. Германн, будучи более искушенным, уточняет, что, с его точки зрения, нарушение равновесия звуковой системы может представлять собой лишь пассивное условие последующего изменения¹. Это отклик на фонологическую теорию последовательных изменений («цепная реакция», ср. ниже, гл. II, § 15 и гл. II, § 27): если в точке А некоторой системы по какой-либо причине происходит изменение, то оно может обусловить другое изменение в соседней точке В; это второе изменение может в свою очередь вызвать изменение в точке С и так далее. Однако во многих случаях мы можем констатировать, что изменение в точке А, которое в одном диалекте, по-видимому, обусловило изменение в точке В, не приводит к такому результату в другом диалекте. Следовательно, нельзя сказать, что изменение, происходящее в точке В, автоматически, то есть полностью, определяется изменением в точке А. Ситуация в точке А является одним из факторов изменения в точке В, но отнюдь не единственным. Ничто, однако, не обязывает нас объявить вместе с Германном этот фактор пассивным, признавая активным лишь тот неизвестный фактор, который должен присоединиться к давлению в точке А, чтобы в точке В произошло изменение. Там, где какое-то одно воздействие не дает результата, двух соединенных воздействий может оказаться достаточно. Откуда нам известно, что внешние факторы, которые здесь приходится постулировать, непременно более «активны», чем давления внутри системы, создаваемые, если можно так выразиться, действующими силами (*forces en présence*)? Во всяком случае, ничто не обязывает нас основывать наши исследования на разграничении активных и пассивных факторов.

Внутренние и внешние факторы

11. Различие между внутренними и внешними факторами фонетической эволюции кажется столь естественным, что нередко забывают выявить его подлинную

¹ Там же, стр. 50.

сущность. Если оставаться в рамках традиционных представлений, в первый момент возникает желание применить термин «внутренний» к тому, что происходит из деятельности духа, а термин «внешний» ко всему остальному. Однако даже минутное размышление убеждает нас в том, что разграничение такого рода бесполезно, поскольку на практике мы не в состоянии провести точную границу между «духовным» и «материальным». Более удачным и более соответствующим предмету нашего исследования было бы употребление термина «внутренний» по отношению ко всему, что является собственно лингвистическим, то есть произвольным в сосюрвовском смысле слова, иначе говоря, практически ко всему тому, что характеризует именно данный язык и противопоставляет его всем остальным языкам. В этом случае «внешним» окажется не только такой фактор, как условия климата или жилища, извне воздействующий на человека и, быть может, на его язык, но также и все то, что в процессе человеческой деятельности, умственной или физической, обычной или случайной, может повлиять на природу лингвистических систем. Именно на этом основании Альфонс Жюйан отнес влияние асимметричности и инертности органов речи к числу внешних факторов и противопоставил его функциональной необходимости и давлению структуры как единственным внутренним факторам¹.

12. Разграничение такого рода теоретически вполне оправдано. На практике, однако, предпочтительнее несколько иначе провести линию раздела между двумя типами факторов. Мы будем противопоставлять то, что в данном языковом коллективе составляет необходимую часть процесса общения между говорящими, тому, что лишь случайно участвует в этом процессе. В вопросах лингвистической динамики нельзя рассматривать произвольные элементы какого бы то ни было языка, образующие его систему, независимо от условий их употребления в процессе общения. Даже если ниже нам и придется в целях ясности изложения последовательно

¹ См. «A Bibliography of Diachronic Phonemics», «Words», 9, 1953, стр. 199.

рассматривать различные типы факторов, остается несомненным, что мы не сможем составить правильного представления о каком бы то ни было эволюционном процессе, пока не проанализируем реакцию постоянных факторов лингвистической экономики на напряжения и давления, свойственные исследуемой системе. Мы будем говорить о внутренней причинной связи в том случае, когда языковые привычки, присущие коллективу, который предполагается однородным, взаимодействуют друг с другом в рамках психо-физиологической деятельности, считающейся нормальной для человека вообще. Закон наименьшего усилия, потребность выражения и многие другие более специфические потребности составляют часть нормальных и обязательных условий употребления человеческого языка. От них следует отвлекаться, как отвлекаются в функциональной лингвистике от всего автоматического, необходимо присутствующего и не являющегося различительным. Все, что происходит в этих рамках, приписывается лингвистической системе и рассматривается как внутреннее. Но, как только начинают играть роль элементы условий, специфических для данного языкового коллектива, связанные с географической средой, с традициями, с антропологическими особенностями говорящих или, наконец, с влиянием какого-то иного языкового коллектива, мы уже имеем дело с различительными, следовательно, релевантными, факторами, которые воспринимаются, однако, как явно внешние по отношению к нормальной лингвистической деятельности. С этой точки зрения различие между внутренней и внешней причинностью зависит, по-видимому, от того, как определяется нормальная психо-физиологическая деятельность человека; однако в этом отношении, вероятно, не слишком трудно достичь практического соглашения, и мы вполне можем и впредь использовать противопоставление «внутренний — внешний». Не следует только отождествлять эти термины с немецкими словами *inner* и *äußer* в классическом противопоставлении между *innere* и *äußere Sprachform* «внутренняя и внешняя языковая формы», которое относится к совершенно иной области¹.

¹ Ср., например, Otto F u n k e, *Innere Sprachform*, Reichenberg i. B., 1924.

13. Естественным следствием предлагаемого разграничения между внутренней и внешней причинностью является то, что взаимное воздействие смежных фонем в речевом потоке, которому обязаны своим происхождением комбинаторные варианты и фонетические изменения, обычно называемые «обусловленными», должно рассматриваться как относящееся к внутренним причинам. В первый момент это может показаться поразительным, поскольку, как мы уже видели, фонологически нерелевантные явления (и, следовательно, комбинаторные варианты) часто необоснованно отождествляют с фактами речи. Речь же обычно понимается как внешнее проявление языка, поэтому отнесение условий, связанных с актами речи, к числу «внутренних» представляется странным. Как бы то ни было, нормальное языковое общение, которое мы считаем сферой внутренней обусловленности, является в значительной мере фактом речи. Необходимо понять, что существующие различные противопоставления не соответствуют друг другу и что в вопросах лингвистической причинности противопоставление «внутренний — внешний» практически оправдано лишь в указанном выше смысле.

Система и речевой поток

14. Для понимания приемов диахронической фонологии, а также для классификации явлений фонетической эволюции значительно более важным, чем предыдущее, является противопоставление между системой и речевым потоком, или, в более ученой терминологии, между парадигматическим и синтагматическим планами. Ничто, быть может, не делает более затруднительным и бесплодным разговор между последователями Блумфилда и европейскими лингвистами, чем привычка первых истолковывать все применительно к речевому потоку, а также их упорное нежелание рассматривать парадигматические отношения как обладающие некоторой реальностью. Это непонимание может стать постоянным, поскольку практически не было сделано никаких усилий к тому, чтобы создать или зафиксировать двойной ряд терминов, которые позволили бы четко различать явления двух планов.

Когда фонолог говорит о слиянии двух фонем, или, по-английски, о «merger of two phonemes», он имеет в виду процесс, в результате которого фонемный состав языка уменьшается на одну единицу; примером может служить слияние в одну функциональную единицу французских *y* и *ɥ*. Последователь Блумфилда поймет, что две смежные фонемы речевого потока слились в единый артикуляционный комплекс, образующий одну функциональную единицу, как, например, при переходе группы *k + y* в *ç*. То же различие наблюдается и в трактовке нерелевантных вариантов: американские лингвисты называют их «аллофонами»; однако, поскольку в течение длительного времени в Америке обращали внимание только на комбинаторные варианты, возникающие в результате контактов в речевом потоке, европейские лингвисты привыкли истолковывать это слово как эквивалент термина «комбинаторный вариант» (а не просто «вариант»), хотя среди американских лингвистов такое понимание не является общепринятым. Фонологический анализ долгое время страдал от отсутствия четкого разграничения между **контрастами** в речевом потоке, где реально присутствуют оба члена (как, например, в англ. *city*, где ударение на *cit*-контрастирует с отсутствием ударения на *-y*, или во франц. *papa*, где гласный нижнего подъема *a* максимально контрастирует с взрывным согласным *p*), и **противопоставлениями** в системе, члены которой мыслятся как присутствующие не в одном и том же речевом отрезке, а, в лучшем случае, в двух параллельных гипотетических отрезках. Действительно, это разграничение было подробно разработано лишь недавно¹; в практике большинства американских лингвистов во всех случаях было бы уместно только слово «контраст».

15. Чтобы понять, как фонология может способствовать объяснению фонетических изменений, необходимо ясно осознать, что происходит в каждой точке речевого отрезка как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы.

¹ Cp. «Word», 9, 1953, стр. 9, прим. 21 и Luis J. Prieto, Traits oppositionnels et traits contrastifs, «Word», 10, 1954, стр. 43—59.

Возьмем последовательность /tak/ в речевом отрезке *l'attaque du moulin* «нападение на мельницу». Общеизвестно и с максимальной четкостью подтверждено записями типа *Visible Speech*¹, что артикуляция /a/ в этом случае стремится приспособиться к контексту, хотя, как правило, она сохраняет все же свои характерные черты. При старательном произношении (как это обычно и бывает при записи) явно подвергаются изменениям только зоны соприкосновения /a/ с предшествующей и последующей фонемами. При менее старательном произношении фонема /a/, хотя она и не теряет тождественности самой себе, может подвергнуться изменению на всем своем протяжении. В случае совсем небрежного произношения она может централизоваться, то есть в еще большей мере приспособиться к контексту. То, что классическая историческая фонетика описывает под названием «ассимиляции», есть не что иное, как фиксирование при переходе от одного языкового состояния к другому явлений того типа, который представлен здесь в синхроническом плане. Вообще, в работах по исторической фонетике «объясняются» только те фонетические изменения, которые возникают в речевом потоке под влиянием контекста. Эти изменения, естественно, затрагивают данную фонему лишь в определенных позициях. Именно они традиционно называются «обусловленными изменениями».

16. Возвращаясь вновь к последовательности /tak/, зададим себе вопрос, почему фонема /a/ сохраняет свою обычную артикуляцию, несмотря на влияния, которым она подвержена со стороны соседних фонем. Можно предположить, что эта артикуляция сохраняется по привычке: вероятно, слово *attaque* вначале было произнесено ребенком в подражание более или менее старательной артикуляции; в других условиях, когда говорящий считает возможным позволить себе небрежное произношение, слово может сильно измениться; но, как только возникает необходимость в точной артикуляции, обычное произношение появляется вновь совершенно естественным

¹ См. R. K. Potter, G. A. Kopp, H. C. Green, *Visible Speech*, New York, 1947.

образом. В этом объяснении, возможно, есть доля истины. Однако по размышлении представляется малоправдоподобным, чтобы одна лишь привычка могла сохранить произношение слов и артикуляцию фонем в неизменном виде в продолжение жизни нескольких поколений, если бы этому не способствовали определенные обстоятельства. Если бы произношение слова *attaque* с централизованными *a* или даже с [ə] в качестве гласных в такой же мере обеспечивало понимание, как и произношение с *a* нижнего подъема, то нельзя было бы понять, каким образом произношение с [a] могло бы все же сохраниться: первое произношение, несомненно, лучше приспособлено к большинству контекстов, в которых встречается /a/, и, в частности, к контексту в последовательности /tak/. Говорить о стремлении к правильности произношения можно было бы лишь в том случае, если бы в распоряжении говорящих имелся некоторый постоянный критерий, например если бы «Национальное Радиовещание»¹ начинало все свои программы воспроизведением записи стандартного французского /a/. Ясно, что в конечном итоге приспособлению артикуляции фонемы /a/ к различным контекстам, в которых она встречается, препятствует именно существование в системе других фонем, которые встречаются в тех же контекстах. Смещение этих других фонем с фонемой /a/ создало бы условия, несовместимые с удовлетворительным функционированием языка в качестве орудия общения. Во всех случаях, кроме крайне небрежной речи, всякая реализация фонемы /a/ будет отличаться от реализации любой другой фонемы в том же контексте. Мы можем, таким образом, сказать, что в каждой точке речевого потока система оказывает определенное давление, направленное, как правило, на сохранение обычных артикуляций и противопоставленное «боковым» давлениям со стороны соседних фонем речевого потока. Если даже допустить, что можно отождествить фонемы /a/ двух разных языков, мы должны признать, что на каждую из их реализаций в речевом потоке оказывается неодинаковое давление, поскольку каждый

¹ Французский государственный центр радиовещания.— *Прим. перев.*

язык имеет собственную фонологическую систему. Поэтому во имя принципа, согласно которому все в системе находится во взаимосвязи, и характер одной части системы зависит от характера других ее частей, мы откажемся от подобных отождествлений. Традиционная артикуляция и даже вся совокупность различных реализаций той или иной фонемы может измениться, если видоизменится характер или направление давления, оказываемого системой. Мы не будем рассматривать здесь возможные причины подобных видоизменений давления. Отметим только, что если звуковая природа фонемы /а/ оказывается затронутой в результате видоизменений такого рода, то и система тем самым видоизменится и будет оказывать иное давление на некоторые другие гласные речевого потока. Изменяясь в свою очередь, эти гласные снова нарушат равновесие системы и т. д. На самом деле, вероятно, большинство известных фонологических систем содержит следы нарушения равновесия, что связано с одним из таких изменений, последовательно развивающимся от одной фонемы к другой. Изменения, о которых здесь идет речь, традиционно рассматривались как «необусловленные»; для них чаще всего пытались найти внешние причины, поскольку лингвисты обычно оперировали лишь той причинностью, которая проявляется в речевом потоке. Наряду с **контекстом речи** теперь следует учитывать также **контекст системы**. Традиционная фонетика главным образом объясняла, что следует ожидать от данной фонемы, если поместить ее в те или иные условия речевого потока. Фонология прежде всего стремится определить, что следует ожидать от данной фонемы, если ее поместить в ту или иную систему.

Омонимия и „фонетические законы“

17. Может быть, мы слишком торопимся считать уже установленными само существование и динамизм фонологической системы, то есть известного числа единиц (фонем), оказывающих друг на друга давление, подобно одушевленным существам или, по крайней мере, осязаемым предметам, тогда как доступная восприятию действительность, из которой мы исходим, не дает нам ничего

подобного? Если принять положение, согласно которому традиции и подражания недостаточно для закрепления артикуляции, то следует, по-видимому, ожидать, что третий звуковой отрезок [a] слова *attaque* потеряет устойчивость и примет произвольную гласную артикуляцию, поскольку во французском языке не существует слов **attèque, *attâque, *attoque, *attouque, *attuque, *atteuque, *attanque, *attonque, *atlinque, *attunque*, а в контексте типа *l'attaque du moulin* никто не решится истолковывать последовательность [at] + произвольная гласная + [k] как *Attique*. Это означает, что второе *a* слова *attaque* могло измениться и без того, чтобы изменение обязательно затронуло также фонему *a* какого-либо другого слова языка только потому, что в данном случае изменение не привело бы к конфликту омонимов. Однако такого процесса в языках практически не наблюдается. Если в случае постепенного смещения артикуляции изменение затрагивает не весь словарный состав, то ограничения в его распространении нельзя объяснить угрозой возникновения конфликта омонимов; этого не смогли бы отрицать даже те лингвисты, которые особенно резко критиковали положение об абсолютном характере «фонетических законов». Иначе говоря, отклонения от «фонетических законов» как таковых не вызываются боязнью омонимии. Германи¹ утверждает, что, если *frère* «брат» и *oreille* «ухо» сохранили свое интервокальное *r*, тогда как в *chaire* «стул» оно изменилось в [z], то это произошло вследствие стремления избежать смешения с *fraïse* «земляника» и *oseille* «щавель». Утверждая это, он имеет в виду конфликт, который действительно мог в той или иной форме существовать в сознании говорящих. Однако в той разновидности французского языка, которая возобладала над прочими, переход интервокального *-r-* в [z], по-видимому, не был результатом постепенного смещения артикуляции; по всей вероятности, здесь имела место лишь спорадическая имитация регулярного изменения, совершившегося в других разновидностях языка. Оба не противоречащих друг другу тезиса — тезис Жильерона о том, что язык защищается от мешающей общению

¹ «Lautgesetz und Analogie», стр. 38.

омонимии путем замены слов, и тезис диахронической фонологии, согласно которому существование слишком большого числа случаев угрожающей омонимии может воспрепятствовать смешению двух фонем, — предполагают регулярное фонетическое изменение, распространяющееся в определенных позициях на все случаи появления затронутой этим изменением фонемы.

18. Теория фонем предполагает — и это еще недостаточно было подчеркнуто, — что значение и употребление данного слова никак не влияют на эволюцию составляющих его фонем. Если из данного правила есть исключения, а они действительно есть, то это значит, что в известных случаях теория фонем сталкивается с побочными фактами, для которых должна найти место более глубокая **фонологическая теория**. Теория фонем остается, однако, в силе даже и при таком ограничении. Мы вернемся ниже к побочным случаям и к тем исключениям, которым они соответствуют в плане диахронии. Во всяком случае, ясно, что, если при синхроническом описании мы в состоянии отнести по крайней мере значительное большинство используемых в данном языке звуков к определенному числу фонем, то лишь потому, что все реализации данной фонемы изменяются в данном контексте в одном и том же направлении и с одинаковой скоростью. Если мы находим различные фонемы, соответствующие в одинаковых контекстах одной и той же первоначальной фонеме, например, если какой-нибудь галло-романский говор обнаруживает различные гласные в ударных слогах слов *toile* «полотно» и *étoile* «звезда», следует предположить, что в одном из этих слов гласная, являющаяся результатом свойственной данному говору фонетической эволюции, была заменена другой гласной системы в силу подражания произношению этого слова в соседних диалектах или в общенародном языке. Если бы любой звуковой отрезок любого слова развивался со своей собственной скоростью, то не следовало бы ожидать, чтобы каждый отрезок какого бы то ни было слова, например слова *table* «стол», можно было отождествить с каким-либо иным отрезком какого-либо другого слова языка. По-видимому, именно такое положение представляют себе

в диалектах некоторые неисправимые «импрессионисты». Однако против этого свидетельствуют лингвистический опыт и само существование алфавитного письма. Употребление понятия «функциональная нагрузка» предполагает существование регулярных «фонетических законов»: функционалист считает, что французские /ā/ и /ō/ не смешиваются в основном потому, что их противопоставление обладает высокой «функциональной нагрузкой», то есть служит для различения большого числа «квази-омонимов» типа *lent* «медленный» — *long* «длинный», *blanc* «белый» — *blond* «светловолосый», *semence* «семя» — *semonce* «выговор». Если бы звуковые отрезки одного слова начали изменяться независимо от подобных отрезков других слов, можно было бы ожидать, что слово *change* «изменение» перейдет в [šōž], поскольку во французском языке нет слова **chonge* и, следовательно, нет опасности смешения. Напротив, в словах *lent*, *blanc*, *semence* [ā] никогда не перешло бы в [ō], так как подобное изменение привело бы к конфликтам омонимов. В действительности звуковое развитие такого рода нигде не засвидетельствовано, и это позволяет нам предположить, что существование квази-омонимов может воспрепятствовать фонетической эволюции даже в тех частных случаях, где не существует никакой опасности смешения. Мы предполагаем, таким образом, что во французском языке существует достаточное количество пар типа *lent* — *long*, *blanc* — *blond* для того, чтобы воспрепятствовать превращению слова *change* в [šōž] даже при отсутствии квази-омонима **chonge*.

Исключения из „законов“ и побочные факты

19. Настоящие исключения из «фонетических законов», когда мы констатируем, что на фонетическое развитие данного слова оказали влияние его смысловое содержание или образное значение, обнаруживаются либо среди слов-фраз типа *oui* «да», *si* «да», *non* «нет», либо среди формул, действительное смысловое содержание которых крайне сужено, либо, наконец, среди форм, произношение которых может усиливаться или подчеркиваться в связи с тем, что они часто употребляются в контекстах

аффективного характера. Англ. *yes* «да», возможно, происходит от *gēa swā* (ср. швед. *jāsā*, произносится [ˈjassə]), но отнюдь не в соответствии с нормальными эволюционными процессами. Так же обстоит дело с отношением между *Sire* и *senior*, *Monsieur* и *Monseigneur*, исп. *Usted* и *Vuestra Merced*, англ. *good-bye* и *God be with you*. Англ. *knock* «стучать» следует возвести к прототипу **cnoccian*, который представляет собой усиление формы *cnocian* — единственной формы, засвидетельствованной в древнеанглийском. Лишь эту форму можно объяснить на основании установленных «фонетических законов», не допускающих последовательности [okk] + гласная¹.

20. Всегда казалось вероятным, что формы этого типа или по крайней мере большинство из них, ныне приспособившиеся к фонологическому строю тех языков, где они встречаются, в прошлом представляли собой явные отклонения от системы. И действительно, синхроническое изучение языков часто обнаруживает подобные отклонения: в датском *jo* «да» конечный долгий гласный чаще всего произносится без гортанной смычки, чего не бывает за пределами слов этого типа². Во французском языке *oui* «да» часто произносится с ненапряженным [I] людьми, которые нигде более этот звук не употребляют. Слово *yeah* в американском варианте английского языка содержит гласную, которая варьирует от одного говорящего к другому и которую невозможно отождествить с какой-либо определенной фонемой. Немецкий язык не знает удвоения согласных внутри одного и того же значащего элемента, однако в эмоциональной речи можно услышать *immer* с удвоенным *m*. В говоре Отвила³ фонологическая система содержит три кратких гласных фонемы: *ä*, *ë*, *ö*, определяемые как такие гласные, после

¹ Ср. André Martinet, La *gémiation consonantique d'origine expressive dans les langues germaniques*, Copenhagen, 1937, стр. 78 и сл.

² Ср. André Martinet, La *phonologie du mot en danois*, Paris, 1937, § 6, 14.

³ См. André Martinet, *Description phonologique du parler franco-provençal d'Hauteville (Savoie)*, «Revue de linguistique romane», 15, 1939, стр. 1—86; особенно §§ 3.27 и с 3.36 по 3.40; в дальнейшем цитируется сокращенно: «Desc. phonol.».

которых удваивается или удлиняется простая согласная, если они находятся в предпоследнем слоге и под ударением: *fātā* ['fatta] «карман», *fēnā* ['fənnā] «женщина», *bōlā* ['bolla] «шар». Закрытые гласные [i], [ü], [u] в том же положении являются долгими, а следующая за ними согласная остается краткой. Однако в экспрессивном слове *muīsē* «чертовка», и только в этом слове, [i] сокращается, а s удваивается. Синхронист, стремящийся к формальной строгости, вероятно, зафиксировал бы фонему /i/ наряду с /i:/; но это значило бы поставить на один уровень норму и исключение, факт основной и факт побочный, то есть качественно различные явления. С диахронической точки зрения у нас нет этимологии для слова *muīsē*, но ни один из «фонетических законов», которые можно было бы установить для данного говора, не позволил бы включить /i/ в регулярное соответствие. По всей очевидности, слово *muīsē* есть пример «экспрессивного» сохранения гласной высокого тона [i], которой «требуется» значение (ср. французский эквивалент *chipie*) и которая нормально должна была бы перейти в более открытое [ə]. Этому же принципу обязано своим существованием англ. *teeny* наряду со стандартной формой *tiny*.

21. Ясно, что диахронические и синхронические отклонения обнаруживаются в одних и тех же периферийных областях языка. Если слова-предложения типа *oui*, *si*, *non* развиваются не всегда так же, как остальные слова языка, то это, очевидно, происходит потому, что они противопоставляются не другим словам, а исключительно друг другу. Если на вопрос можно ответить только «да» или «нет», достаточно употребить, как это делается в американском варианте английского языка, одно из двух весьма слабо отличающихся друг от друга бормотаний, чтобы дать понять свой ответ. Все, что будет похоже на «да», будет означать «да», все, что будет похоже на «нет», будет означать «нет». Перед именами собственными в современном французском языке достаточно провести различие между *Monsieur*, *Madame* и *Mademoiselle* подобно тому, как на письме мы превосходно различаем *M.*, *Mme* и *Mlle*. Жест приветствия может

сделать почти ненужной формулу, которая его сопровождает. Рассматриваемые здесь ситуации и контексты совершенно отличны от тех, в которых выступают обычные слова, и вполне объяснимо, что фонетическая эволюция, хотя она определяется потребностями взаимопонимания, может быть столь неодинаковой. Равным образом, именно различия в ситуации и в контексте объясняют в синхроническом смысле появление «экспрессивных» напряжений, которым обязаны своим происхождением неэтимологические удвоения согласных и неожиданные гласные высокого тона. Мы ничего не выиграем ни в диахронии, ни в синхронии, насильно включая эти элементы в процесс регулярных фонетических изменений или в рамки нормальных фонологических противопоставлений. Таким образом, понятно, почему они будут играть лишь эпизодическую роль в настоящих «Проблемах диахронической фонологии», где, как правило, в центре нашего внимания должна находиться система.

Фонема

22. Все те, кто занимался фонологическим описанием не столько для того, чтобы доказать превосходство частного метода, демонстрируя его формальную строгость, сколько для того, чтобы выявить как можно более полно характерные звуковые черты изучаемого языка, встречали на своем пути побочные факты, рассмотренные нами выше. Они сталкивались с трудной проблемой, которая часто возникает при членении звукового потока на фонемы, а именно: одна или две последовательные единицы¹? Они могли в этом случае снова поставить вопрос о том, что представляет собой фонема — гипотезу относительно языковой действительности, которая подтверждается в общем, но иногда как будто бы вызывает сомнения, или же теорию, учитывающую большинство фактов членения звукового потока, но в некоторых случаях оставляющую нас в неопределенности, из которой мы можем выйти только путем какого-то произвольного

¹ Одну или две последовательные единицы составляет аффриката в исп. *mucho* или англ. *much*, дифтонг в нем. *Eis* или англ. *ice*?

решения. История фонологии свидетельствует о все увеличивающемся охлаждении к первоначальной реалистической¹ гипотезе и о все возрастающем интересе к теории «орудия познания». Исходным пунктом является «звуковое намерение» Бодуэна де Куртене²; от него вскоре переходят к определению «Проекта»³, основанному в действительности на том, что впоследствии получит название коммутации; под давлением критики со стороны формалистов начинается травля психологизма, а затем фонетизма, то есть наиболее характерных элементов первоначальной

¹ Люди, которые не следили внимательно за развитием структуральных теорий, часто колеблются в определении смысла терминов «реалист», «реализм» в дискуссиях по теоретической лингвистике. «Реалист» противопоставляется здесь «формалисту», а отнюдь не «идеалисту»: всякий, кто постулирует для фонемы психическое существование, есть «реалист», равно как и тот, кто приписывает фонеме нервно-мышечную реальность. Последовательные формалисты видят во всякой лингвистической единице лишь пучок отношений. В их глазах единица /p/ или единица *papier* определяется исключительно сочетаниями, в которых она может встречаться в речевом потоке, и степенью ее самостоятельности по отношению к своим соседям в этом потоке. Соответствующая звуковая, мышечная или психическая реальность их не интересует. Если деструктуриалистический реализм выбирал наугад среди элементов действительности, то современный реалистический структурализм классифицирует доступные наблюдению факты в соответствии с иерархией, основанной на их коммуникативной функции. Ср. André Martinet, Où en est la phonologie?, «Lingua», 1, стр. 37 и сл.

² Ср. Бодуэн де Куртене, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Ein Capitel aus der Psychophonetik, стр. 9; звонкое *l* в *lac* есть другой звук по сравнению с глухим *l* в *peuple*, но оно представляет собой ту же фонему, поскольку различие между звонким и глухим *l* не может служить для различения слов и форм во французском языке; это как раз то, что можно назвать «коммутативной» фонемой, основанной на различительной релевантности: звонкое и глухое *l* во французском языке не могут находиться в отношении «коммутации», как /p/ и /b/ в *pierre* «камень» — *bière* «пиво». Можно также сказать, что *l* звонкое и *l* глухое представляют собой во французском одну и ту же фонему потому, что они являются результатом одного и того же «звукового намерения» (Lautabsicht) говорящих. Можно, наконец, думать, что звонкое и глухое *l* соответствуют во французском языке одному и тому же нервно-мышечному процессу, который подвергается модификации лишь в контексте; см. ниже, гл. VI, § 7.

³ «Projet de terminologie phonologique standardisée» в «Travaux du Cercle Linguistique de Prague» (в дальнейшем сокращенно: TCLP — *Прим. ред.*), 4, стр. 311—312.

чального реализма; в конечном итоге фонема рассматривается уже только как утилитарное понятие¹. Правда, реальность не исключается, а приписывается релевантным, или различительным, признакам, на которые всегда можно расщепить фонему. Но это — последняя уступка. Такая эволюция учения понятна и закономерна в описательной дисциплине, какой является синхроническая фонология. Основать целый тип исследований на «звуковых намерениях» значило бы оперировать с интроспекцией, результаты которой не поддаются проверке, или заниматься таким видом экспериментирования, который вряд ли позволит в скором времени получить надежные и практически полезные данные; перенести фонему на нервно-мускульный уровень представляется соблазнительным, однако здесь экспериментирование было бы еще более затруднительным и менее доступным для лингвиста, чем в предшествующем случае. Поэтому предпочтительнее выделить такие чисто лингвистические формальные критерии, как критерий **различительной релевантности**. Этот критерий прост, и он выбран таким образом, что получаемые единицы, хотя их список не очень отличался бы от списка «звуковых намерений» Бодуэна, теоретически являются независимыми от всякой психологической или нервно-мускульной реальности. Это практическое совпадение результатов коммутации и «языкового ощущения» легко объяснить: люди, которые всю свою жизнь бессознательно стремились не смешивать *pierre* «камень» и *bière* «пиво», будут более ясно «ощущать» различие между /p/ и /b/, чем различие между глухим *l* в *peuple* и звонким *l* в *lac*. На самом деле, в тех случаях, когда формальные критерии не дают нам ясного ответа, «чувство языка» нисколько не продвигает нас вперед; примером могут служить два *ch* в немецком языке (не ясно, можно ли считать их единой фонемой) или английские дифтонги [ai], [ɔi], [au] (каждый из которых истолковывается либо как одна, либо как две единицы). Впрочем, ясно, что анализ, конечная цель которого заключается

¹ Ср. André M a r t i n e t, Où en est la phonologie?, «Lingua», I, стр. 46, и е г о ж е: «Structural linguistics» в «Anthropology today», Chicago, 1953, стр. 584 и сл.

в том, чтобы понять функционирование данного языка, должен привести к результатам, согласующимся с типом умственной организации, соответствующим этому языку.

Синхроническая и диахроническая теории

23. Итак, практически фонема как оперативное понятие фонологического описания совпадает с известной психо-физиологической реальностью. Однако с того момента, как исследователь замыкается в своей теории, он может не считаться с этой реальностью. Правильность описания зависит от его соответствия не действительности, а теории. Теорию же эту лингвист создает, так сказать, «консультируясь» с действительностью, но таким образом, что она является суверенной и критике не подлежит. Наиболее бесстрашно выявил все следствия, вытекающие из скрытого ирреализма своих предшественников, Луи Ельмслев¹, и не удивительно, что именно у его последователей описания отличаются наибольшей независимостью по отношению к своему объекту². Фонологи, будучи менее последовательными и отнюдь не исключая из сферы своих интересов звуковую материю, сохранили более тесный контакт с действительностью. Вероятно, именно это и ставит их в лучшее положение по сравнению с другими «структуралистами» при изучении проблем звуковой эволюции. В плане диахронии речь идет не о том, чтобы исчерпывающе и максимально просто описать определенные пучки отношений, которые наблюдаются в языке, нередко представленном ограниченным количеством текстов или магнитофонных записей. Можно заранее быть уверенным, что в диахронии нам не удастся распутать все нити клубка причинности, хотя бы потому, что причинность не имеет ни начала, ни конца. Конечно, не нужно выдумывать усложнений, которые не оправдываются никакими данными, однако не следует забывать,

¹ Ср. первые страницы «Prolegomena to a theory of language» (Memoir 7 of the «International journal of American linguistics», Suppl. to vol 19, no. 1), Baltimore, 1953.

² Имеется в виду Knud T o g e b y, La structure immanente de la langue française, Copenhagen, 1951; см. рецензию в «Word», 9, 1953, стр. 78—82.

что действительность не всегда бывает такой прямолинейной, как умозрительные построения. Наконец, нельзя заранее утверждать, что та или иная совокупность данных, произвольно выбранных лингвистом, позволит получить правильные результаты. Наша теория сводится к следующему: получив определенную сумму сведений относительно условий всякого рода, в которых произошло известное изменение, попытаемся дать такое объяснение, где нашли бы свое место все представленные факты. В данном случае теория явится совокупностью реалистических гипотез. Достаточно появиться новому, достоверно установленному факту, который не найдет себе места в этой теории, чтобы она стала недействительной. Таким образом, эта теория не представляет собой ничего окончательного. Она уязвима по самой своей сущности. Она существует для того, чтобы сопоставлять с нею новые данные, которые либо без труда найдут себе в ней место, либо потребуют ее пересмотра или замены. Теория Ельмслева — это башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости. Диахроническая теория, не содержащая в принципе ничего нового, принадлежит к числу тех, которые по самому своему характеру располагают к обсуждению и сотрудничеству и тем самым обеспечивают прогресс в исследованиях.

Ограничения

24. Следует подчеркнуть, что объяснения в диахронической фонологии по необходимости носят частичный характер. Если, как мы об этом уже говорили выше (гл. I, § 16), во всякой фонологической системе в любой момент ее истории существуют зоны, где подготавливаются или уже происходят изменения, если звуковая эволюция не совершается волнами от одного периода устойчивости к другому, то всякая попытка ограничить диахроническое изучение определенным промежутком времени будет обязательно иметь искусственный характер. Существование традиций могло бы внушить мысль, что некоторые рамки являются законными: романисты обычно исходят из вульгарной латыни эпохи Империи, хотя некоторые вехи

доходят все же до более известного языка классического периода. Однако эта вульгарная латынь как один из итальянских говоров сама является отрезком длинной эволюции, главным образом доисторической. Уже в течение довольно длительного времени, в особенности в Италии, предпринимаются попытки восстановить здесь непрерывность, и некоторая связь уже намечена в диахронической фонологии¹. Но даже если восстановить все необходимые связи, быстро наступит такой момент, когда придется остановиться, так как останется слишком мало непосредственной документации или элементов для сравнения и будет исчерпано все, что можно вывести из структуры одного засвидетельствованного или реконструированного языка для углубления в его прошлое. Эти ограничения, однако, очевидны; особое же внимание следует с самого начала обратить на те ограничения, которые вытекают из бесконечной сложности условий в каждый момент эволюции. Добросовестный диахронист должен вовремя признать свое незнание и неспособность объяснить ту или иную положительную или отрицательную черту изучаемого им процесса. Ему необходимо более или менее явно оперировать условными предложениями типа: «Если предположить, что..., то в этом случае...», что, впрочем, соответствует обычной практике современного исследования. В среде своих собратьев ему следует бороться против наивной веры (столь распространенной даже среди маститых языковедов) в то, что может быть лишь один ответ на вопрос: «Почему изменяются звуки?» — и что принцип объяснения, который, как оказывается при проверке, не может полностью раскрыть причины любого взятого наугад фонетического изменения, тем самым должен быть отвергнут как непригодный².

¹ См. Robert Politzer, *On b and v in Latin and Romance*, «Word», 8, 1952, стр. 241—245; см. особенно стр. 244.

² Морис Граммон в своем «*Traité de phonétique*», Paris, 1939, стр. 175, говорит следующее: «Повсюду учат, что они (причины фонетических изменений) все еще неизвестны и загадочны. Это неточно. Не существует одной причины, их существует много, и ошибка большинства тех, кто занимался этим вопросом, состояла как раз в том, что, когда они обнаруживали одну из причин фонетических изменений, они считали ее единственной и стремились все возвести к ней».

У некоторых языковедов это убеждение весьма укоренилось, и они не захотели бы даже допустить, что те или иные точно установленные факторы, действующие в речевом потоке, дают частичный ответ на наш вопрос. В древнеанглийском языке *s* в интервокальной позиции озвончилось (например, в *céosan* «выбирать»), тогда как в других позициях глухой согласный сохранился. Мы можем быть уверены, что интервокальная позиция составляет часть условий этого изменения. Однако очевидно, что интервокальная позиция не означает автоматического озвончения: древнеисландский сохранил глухую согласную в *kjǫsa*, которое является эквивалентом *céosan*, — и сотни хорошо описанных языков никоим образом не озвончают интервокальных свистящих. Та неизвестная причина, которая позволила древнеанглийскому *s* уподобиться своему гласному окружению, лишь одна, по мнению некоторых, заслуживает названия «причины». Однако разве мы не могли бы предположить, что озвончение произошло в результате соединения звуковых условий, из которых мы знаем лишь одно — интервокальную позицию, тогда как мы слишком плохо осведомлены, чтобы установить другие, идет ли речь об особом характере ударения, о каком-либо ином просодическом элементе¹ или о каком-то фонетическом комплексе, который мы не приняли во внимание? Это значило бы, что все перечисленные факторы имеют в данном случае одинаковый характер: каждый из них в отдельности ничего не может изменить в существующем состоянии, и лишь их сумма обуславливает смещение, которое приводит к озвончению интервокальных фрикативных согласных.

25. Не ясно, почему непременно необходим начальный толчок. Для того чтобы обрушилась лавина, нужно известное стечение обстоятельств: определенная крутизна склона, определенная масса снега, определенная степень нагрева этой массы — явления, совершенно нормальные

¹ Этим словом здесь и вообще в фонологии обозначаются такие звуковые явления, как ударение, тоны и интонация, протяженность которых в речевом потоке не обязательно совпадает с протяженностью фонем; ср. ниже, гл. V.

на большой высоте в известное время года. Случается, что неосторожный лыжник, скользя поперек склона, нарушает сцепление масс снега и вызывает лавину, которой иначе могло бы не быть. Однако множество лавин начинает двигаться независимо от лыжника; на склоне данной крутизны снег начинает скользить, когда его масса и плотность достигают известной величины. Неизменная крутизна склона, выпадение снега каждую зиму и нагревание атмосферы каждую весну напоминают постоянные условия фонетических изменений: закон наименьшего усилия, потребность в выражении и общении. Масса и плотность снега отражают неустойчивое состояние системы, где должно произойти изменение. Лыжник, крик горца — это случайные причины, толчки, которые, безусловно, существуют и с которыми следует считаться, но они не являются необходимыми для того, чтобы явление совершилось. Поэтому внимание диахрониста будет сосредоточено на поведении единиц и систем в рамках нормальных условий.

Область изучения

26. Чтобы избежать всяких недоразумений, следует отметить, что диахронист никоим образом не намеревается ограничивать сферу своих исследований в пользу какой-то иной дисциплины, которая явилась бы продолжением традиционной фонетики. Не следует повторять методологическую и тактическую ошибку первых синхронистов, которые полагали, что предметом их изучения должны быть только различительные факты и что они ничего не потеряют, уступая противникам часть звуковой стороны языка. Повторим в суженном виде утверждение, высказанное в § 8 настоящей главы: структурно-функциональная фонетика, носящая название фонологии, — это не один из разделов фонетики, а вся фонетика, рассматриваемая в таком плане, который при современном состоянии языкознания представляется наиболее благоприятным для быстрого прогресса познания. Это касается как синхронии, так и диахронии. Изучение так называемых «обусловленных» изменений (т. е. изменений, частично определяющихся влиянием речевого

потока) вполне закономерно составляет часть диахронической фонологии. Мы отказываемся от детального рассмотрения таких изменений в особом разделе настоящей книги потому, что наши предшественники провели в этом отношении исследования, результаты которых до настоящего времени в целом остаются в силе. В теоретическом плане в настоящее время твердо установлено, что одна и та же фонема, выступающая в разных контекстах, может подвергаться неодинаковым изменениям, и к этому, по-видимому, более нет необходимости возвращаться. Для последующего изложения несущественно, затрагивает ли изменение фонему во всех ее контекстах или только в фонологически строго определенных, являются ли те единицы, которые в конечном итоге смешиваются или остаются различными, двумя фонемами или двумя комбинаторными вариантами разных фонем. Мы знаем, сколь значительную роль играют комбинаторные факторы; однако, если мы хотим научиться выявлять структурно-функциональные факторы, мы должны сосредоточить на них свое внимание и, насколько это возможно, удалить первые из поля нашего зрения. Чтобы упростить изложение, желательно не подчеркивать каждый раз наличие комбинаторных отклонений, а условиться следующим образом: если нет специальной оговорки, то все, что сказано о фонемах, приложимо также к комбинаторным вариантам, совершающим самостоятельную эволюцию. Наши теоретические рассуждения всегда будут строиться так, как если бы речь шла только о фонемах, единству которых ничто не угрожает. Однако примеры, взятые для иллюстрации, покажут, что существование комбинаторных вариантов при этом не теряется из виду и что их эволюция определяется теми же факторами, какими определяется и эволюция фонем, смещающихся целиком. Мы будем представлять комбинаторные варианты в виде сочетания фонем: передние варианты фонемы /k/ будут записаны как /ki/, /ke/ или /ki/ и /ke/. Иными словами, в случаях такого рода мы будем оперировать уже не единой фонемой /k/, а сочетаниями фонем /ki/, /ke/. Поскольку в ходе фонологической эволюции сочетания фонем часто превращаются в единые фонемы и, по-видимому, нередко оказывают влияние на то, как ведут себя в системе прос-

тые фонемы, указанный способ представляет значительные преимущества. Выше мы уже сказали, что наши утверждения равно приложимы как к фонемам, так и к комбинаторным вариантам. Этот же принцип мы можем сформулировать и иначе: если нет специальной оговорки, то все, что говорится о фонемах, приложимо также к более крупным фонологическим единицам.

II. ФУНКЦИЯ

1. Современные лингвисты охотно пользуются словом «функция»; однако они расходятся в определении значения этого слова и далеко не всегда берут на себя труд уточнить, что именно они под ним понимают. В нашей работе термин «функция» берется в своем наиболее обычном значении, то есть мы понимаем под ним деятельность, характерную для данного предмета, роль, присущую ему в соответствии с самой его природой; при этом следует, конечно, иметь в виду, что в языке источником деятельности является человек — носитель речи, а не звуковые или смысловые единицы, которым приписываются функции. Именно в таком смысле данный термин употребляется в фонологической литературе, и в этом смысле слова мы можем говорить вслед за Трубецким¹ о различительной, разграничительной и кульминативной функциях. В настоящей главе речь будет идти только о различительной функции, которая, по-видимому, представляет собой единственную постоянную функцию фоном, тогда как разграничительная функция является для них лишь эпизодической и вторичной, т. е. чем-то побочным, не оказывающим заметного влияния на их развитие. В просодии дело обстоит совершенно иначе. Однако как в синхронии, так и в диахронии имеет смысл просодические явления рассматривать отдельно. В главе, посвященной этим явлениям, мы обратимся к кульминативной функции, которая, так сказать, по определению существует только в просодическом плане. Итак, пока мы будем понимать под словом «функция» функцию различительную.

¹ «Principes de phonologie», стр. 31 и сл.

„Эстетическая“ функция

2. Ясно, что фонемы часто выполняют и иные функции, кроме различительной и разграничительной, признаваемых за ними учебниками фонологии. Мы имеем в виду прежде всего эстетическую функцию, которую обычно не принимают во внимание, так как она с трудом поддается сколько-нибудь строгому и объективному исследованию¹. Однако существует целая область (которую можно назвать «эстетической», только если придать этому термину широкое, почти этимологическое² значение), где экспериментирование, по-видимому, могло бы дать некоторые результаты. Речь идет, например, об аффективной окраске, которую могут приобретать во французском языке звуки [e] и [ɛ] в тех исключительно частых случаях, когда можно употребить и тот и другой без существенного функционального различия. Многие французы соглашались, что [e] звучит естественнее, проще, вульгарнее, а [ɛ] — более подчеркнуто, искусственно, изысканно и что слишком открытое [ɛ], то есть [æ], можно использовать, чтобы передразнить, например в *elle est très belle* «она очень красива», смешное из-за своей искусственности³ произношение. Это происходит, по-видимому, в результате соприкосновения двух типов произношения. В одном из них существует тенденция к сведению [e] и [ɛ] в одну фонему и к распределению их в соответствии с правилом: открытый гласный в закрытом слове, закрытый — в открытом; в другом это различие сохраняется даже в неконечном слове. Весьма вероятно, что функции этого типа оказывают некоторое влияние на

¹ Не следует смешивать эстетическую функцию фонологических элементов, прежде всего фонем, с ритмом или размером, где появляется нечто иное по сравнению с элементами нормального языкового процесса: *ictus* в стихе отнюдь не то же самое, что ударение в прозе.

² От гр. αἴσθησις «ощущение, чувство». — Прим. перев.

³ Это правильно, разумеется, лишь в общем. Встречаются особые случаи, когда, по крайней мере для некоторых носителей языка, указанные звуки выступают в противоположных ролях: для автора настоящих строк *serai* «буду», произнесенное с [e] человеком, который вообще нередко употребляет [ɛ], звучит более изысканно; *cahier* «тетрадь» с [ɛ] звучит чуть-чуть вульгарно.

развитие фонологической системы. В современном французском языке можно, по-видимому, констатировать тенденцию к слиянию двух фонем *a* в *patte* и *pâte*¹. Развитию этой тенденции способствует то обстоятельство, что носители традиционного парижского произношения с четким различием двух *a* почти не реагируют на слияние этих двух фонем, характерное для акклиматизировавшихся в Париже представителей провинциальных говоров. Последние, напротив, находят одинаково вульгарными как слишком переднее /а/, так и чересчур заднее /ɑ/. Во всех этих случаях речь идет, очевидно, лишь о весьма неопределенных возможностях, однако забывать о них не следует.

Выражение и сообщение

3. В некоторых лингвистических кругах принято чрезмерно упрощать положение вещей, представляя сообщение как практически единственную функцию языка. Однако человек часто использует язык для самовыражения, то есть для того, чтобы уточнить в словах свои мысли, не придавая при этом особого значения реакции окружающих, а нередко также для утверждения своего существования перед самим собой и перед другими. Почти банально заявлять, что язык имел, быть может, большее значение для человечества в качестве опоры мысли, чем в качестве орудия общения. Тем не менее общение остается первичной и центральной функцией языка; об этом свидетельствует тот факт, что общество предаёт осмеянию монолог, то есть использование языка исключительно в целях самовыражения; считается обязательным наличие одного или нескольких собеседников, чтобы сохранилась по крайней мере видимость языкового общения. Несомненно, язык каждого отдельного человека быстро «испортился бы» (то есть стал бы непонятным для других), если бы не осуществлялось непрерывное социальное влияние, направленное на сохранение языковых условностей, и если бы не существовало той постоянной регламентации, которая связана с необходимостью

¹ Cp. André Martinet, *La prononciation du français contemporain*, Paris, 1945, стр. 72.

взаимопонимания. Регламентация существует как в лексике и грамматике, так и в фонологии. Мы говорим правильно для того, чтобы нас поняли (или, по крайней мере, как если бы мы хотели именно этого). Следовательно, необходимо придерживаться условностей, которые принимает и которых придерживается собеседник. Естественно, фонемы языка составляют часть этих условностей.

Языковые условности

4. Фонологам можно поставить в упрек несколько поспешное отождествление «языковых условностей» с потребностями взаимопонимания. Когда взрослый поправляет ребенка, сказавшего «Quoi vous dîsez?»¹, было бы смешно утверждать, что он с трудом понял, что именно хотел сказать ребенок. Когда кто-то формирует свою речь по образцу речи другого, он не ограничивается только релевантными признаками. Что касается произношения, то для многих людей гораздо легче потерять или приобрести акцент, чем видоизменить фонологическую систему. Правда, акцент приобретается или утрачивается в ситуации, которая не является нормальной, поскольку она предполагает соприкосновение двух четко различающихся типов произношения; однако это наблюдение представляет интерес для всех случаев. Эта проблема уже была нами затронута выше (гл. I, § 16) при сопоставлении влияния традиции и системы на сохранение произношения фонем. Опыт фонологии действительно позволяет заключить, что потребность взаимопонимания в узком смысле слова не является единственным фактором, определяющим эволюцию. Как правило, колебания распространяются в системе медленно, и это дает нам основания предполагать, что постоянное задерживающее действие оказывает подражание наиболее консервативному произношению. Но поскольку это действие является постоянным фактором, мы лишь отметим здесь его существование и больше не будем к нему возвращаться. В одних языковых коллективах роль данного фактора будет, вероятно, более, в других — менее значительной; но

¹ Вместо правильного «Que dites-vous?» («Что вы говорите?»). — Прим. перев.

так как у нас нет данных, которые позволили бы нам оценить его значение в каком-то определенном случае, мы можем только строить не поддающиеся проверке гипотезы. Вполне возможно, что действие подражания нередко не только задерживает изменение, но и препятствует его возникновению, чем, быть может, отчасти объясняются расхождения между диалектами.

Поль Пасси

5. Основной тезис диахронической фонологии относительно функции заключается в следующем: при прочих равных условиях фонологическое противопоставление, полезное для взаимопонимания, сохраняется лучше, чем другое, менее полезное. Разумеется, сохранение одного и устранение другого противопоставления является результатом не сознательного выбора говорящих, а обычного процесса языкового общения, которое способствует развитию полезных черт за счет менее полезных. Это положение, хотя оно и покажется некоторым если не революционным, то по крайней мере смелым, возникло не вчера. Оно было провозглашено еще до появления фонологической доктрины. Уже в 80-е годы прошлого века три замечательных фонетиста, связанных между собой узами дружбы и взаимного уважения, — англичанин Генри Суит, датчанин Отто Есперсен и француз Поль Пасси — разделяли такие взгляды на природу фонетических изменений, которые в значительной мере совпадают со взглядами современных диахронистов. Здесь нет необходимости подчеркивать оригинальность научного наследия Есперсена, одного из выдающихся лингвистов первой половины двадцатого века, или Суита, не признанного при жизни, но получившего широкую известность впоследствии. Поль Пасси, к которому слишком часто относятся лишь как к хорошему преподавателю практической фонетики, сумел дать в нескольких абзацах¹ самое ясное изложение функциональной теории фонетических изменений. Здесь нам придется много

¹ «Etudes sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux», Paris, 1890, стр. 227.

цитировать. Основной тезис Пасси резюмируется следующим образом:

«1° Язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним».

«2° Язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым».

«Первый принцип рассматривается обычно одновременно с поисками «легких» артикуляций и объединяется с ними под названием **закона наименьшего усилия**. Вместе с Суитом («History of English Sounds», § 185) я предпочитаю рассматривать его отдельно и называть его **принципом экономии**. «Этот принцип экономии очень активен и имеет универсальное применение..., [он сочетает] экономию в деятельности органов со стиранием слишком тонких различий».

Пасси называет второй принцип «принципом эмпазы»¹.

Пасси хорошо понял и хорошо выразил² постоянное противоречие между тенденцией соседствующих фонем речевого потока к ассимиляции и консервативным влиянием системы: «Два последовательных звука всегда стремятся ассимилироваться... Этой тенденции противодействует необходимость сохранения значащих различий». Написав несколько небрежно, что говорящие «почувствовали необходимость сохранения...», он уточняет в примечании:

«Я прошу прощения за это неточное выражение, которое, однако, довольно трудно заменить и которое неоднократно будет встречаться вновь в этой работе. Следует правильно понимать, какой именно смысл ему придается. «Чувствует необходимость» сохранения чего бы то ни было не тот, кто говорит, а тот, кто слушает. Если говорящий в процессе говорения пренебрегает важным элементом речи, то его плохо понимают, и он вынужден начать снова. Отсюда «необходимость» точно артикулировать все то, что является важным»³.

¹ «Etudes sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux», Paris, 1890, стр. 228.

² Там же, стр. 224.

³ Там же, стр. 122.

В этих словах видно благотворное стремление найти точные причины языковых явлений, чего весьма недостает некоторым значительно более поздним авторам. Далее он уточняет:

«Разумеется... речь идет не о сознательном сохранении важных элементов и сознательном опускании излишних. Если я пренебрегаю важным элементом, меня не понимают, я стараюсь поправиться и, возможно, преувеличиваю; если же я пренебрегаю лишним элементом, меня понимают хорошо, и я делаю это снова. Вот и все»¹.

Единственно, чем грешат эти несколько фраз,— это своей простотой и абсолютной ясностью, которые, освобождая ум читателя от всякого усилия, нередко внушают ему мысль, что ему преподносят общие истины. Можно без иронии сказать, что распространению идей Пасси повредила ясность его изложения. Это, быть может, не единственный случай. Некоторые лингвисты по той же причине считают поверхностным Мейе.

6. Во всяком случае, может показаться странным, что эти идеи, разделявшиеся тремя видными учеными трех разных стран, не имели более широкого отклика. Мы вновь находим те же идеи, в более разработанном виде, в приложении к конкретным случаям и с интересными следствиями у Есперсена², наиболее известного из этих ученых. Автор этих строк познакомился с идеями такого рода именно в трудах Есперсена, а не в собственно фонологических работах. Карл Лунк (работавший, как и Есперсен, в области исторической фонетики английского языка) уже в 1896 г. отмечал, что эволюция звуковой системы связана с необходимостью сохранения различий между существующими элементами³. Теперь, когда мы продвинулись вперед, нам понятно, почему эти идеи не особенно поразили современников и не породили

¹ См. Paul Passy, *Etudes sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux*, Paris, 1890, стр. 229.

² Ср., например, «Language, Its Nature, Development, and Origin», London, 1922, гл. XIV и XV.

³ См. изложение Йозефа Вахсера в «Časopis pro moderní filologii», 19, 1932—1933, стр. 273—292.

попыток обобщенного применения их к насущным проблемам звуковой эволюции: дополненные структурными положениями и учением об инертности и асимметричности органов речи, они часто дают возможность представить достаточно полную картину причин широких изменений; взятые сами по себе, они позволяют лишь разрешить некоторые частные вопросы и правильно поставить некоторые проблемы.

Анри Фрей

7. В иной лингвистической обстановке вопрос о функционализме был решительно поставлен Анри Фреем в его «Грамматике ошибок»¹, появившейся одновременно с первыми публичными выступлениями фонологической школы. Эта книга, которой сослужило плохую службу ее двусмысленное название, не получила того отклика, какого она заслуживала, и не оказала практически никакого влияния на дальнейшие исследования. Ее автор подчеркивает необходимость создания функционального языкознания как объясняющей науки² и подробно рассматривает динамику языка; при этом он особенно настаивает на народных новшествах (единственно доступных в рамках того материала, которым он пользуется), чаще всего бессознательных и потому легче всего поддающихся систематизации. Возможно, именно это в данном случае безусловно оправданное подчеркивание простонародного языка шокировало некоторых излишне щепетильных людей и послужило одной из причин, обусловивших узкое распространение книги. С другой стороны, мы уже указывали выше (гл. I, § 9), что защита Анри Фреем телеологической терминологии была, по-видимому, тактической ошибкой. Наиболее серьезным недостатком книги является то, что звуковые факты рассматриваются в ней лишь постольку, поскольку они непосредственно и каждый в отдельности удовлетворяют морфологическим или лексическим потребностям. Другими словами, автор нигде не говорит о фонологической системе. От элементов этой системы у него остается лишь нечто напоминающее тот

¹ «Grammaire des fautes», Paris, 1929.

² Там же, стр. 25.

нечетко определенный вид исследований, который обозначается в высшей степени двусмысленным термином «морфо(фо)нология». (Считается, что назначение этой дисциплины — рассматривать использование в морфологии различных возможностей языка.) Анри Фрей, как, впрочем, любой из женевских последователей Ф. де Соссюра, никогда не признавал законность полной автономии фонологической системы. Это нередко затрудняет дискуссию между фонологами и представителями женевской школы¹.

8. Первые фонологи, стремясь подчеркнуть оригинальность своей доктрины, почти не пытались выявить возможную близость между нею и практикой тех из их предшественников, которые не оказали на них непосредственного влияния. В вопросах синхронии у них, впрочем, в это время не было никаких соперников, и они действительно первыми вышли за рамки сотни раз повторявшегося утверждения о том, что единицы языка (в том числе звуковые) образуют систему, где все взаимосвязано, и туманных деклараций о существовании некоей артикуляционной базы, общей для всех членов языкового коллектива. Была, наконец, сделана серьезная попытка точно определить, что представляет собой эта система и эта база. В вопросах диахронии дело обстояло совершенно иначе, и пытаться убедить специалистов в превосходстве новых методов, прежде чем структуральная теория была разработана во всех своих деталях, было немислимо. Тем не менее Роман Якобсон рискнул это сделать в своих «Замечаниях о фонологической эволюции русского языка»². В результате получилось несколько интересных теоретических замечаний, досадным образом перемешанных с изложением своего рода телеологического кредо, которое, поскольку оно принадлежало одному из руководителей группы, дало некоторым

¹ Часть аргументации Анри Фрея в его очень интересной статье «Zéro, vide et intermittent» в «Zeitschrift für Phonetik», 4, 1950, стр. 161—191, направленной против некоторых фонологических работ, неверна именно вследствие этого.

² «Remarques sur l'évolution phonologique du russe», TCLP, 2, Prague, 1928.

людям основания считать несколько сумасбродными все фонологические начинания вообще. Очерк фонологической истории русского языка, составляющий основу работы, довольно путаный и слишком субъективный, не мог привлечь много новых сторонников. Развитие и популярность диахронической фонологии только пострадали от этой преждевременной попытки. Автор, мало удовлетворенный достигнутым результатом, отошел от исследований объяснительного характера и даже опубликовал в «Трудах Пражского лингвистического кружка» работу под названием «Принципы исторической фонологии»¹, в которой по существу утверждалось, что перед диахронической фонологией стоят чисто описательные цели. Появление этой работы в официальном органе Пражского кружка и последующее воспроизведение ее в несколько пересмотренном виде во французском переводе «Grundzüge der Phonologie» привело к тому, что у большинства языковедов сложилось и удерживается в течение двух десятилетий представление о чисто умозрительном и терминологическом характере исследований по диахронической фонологии.

9. В последующем разборе той роли, которую играет в сохранении или устранении фонологических противопоставлений их различительная функция, мы будем постоянно стремиться приводить крайне упрощенные и абстрактные примеры. В них будет представлено, по крайней мере, одно неизвестное — фактор, о котором мы знаем то, какое действие он оказывает, но отнюдь не то, какому комплексу причин он обязан своим существованием. Примеры из реальных языков будут немногочисленны, и мы отсылаем здесь читателя ко второй части книги, где проблемы диахронической фонологии обсуждаются с известной полнотой². На самом деле, мы можем лучше всего оценить природу и значение функциональных факторов именно в их отношении к другим факторам эволюции.

¹ «Prinzipien der historischen Phonologie», TCLP, 4, стр. 247—267.

² Как уже указывалось во вступительной статье к настоящей книге, вторая ее часть не воспроизводится в русском издании.—*Прим. ред.*

Область рассеивания

10. Вполне очевидно, что произношение данным лицом конкретной фонемы в одном и том же слове в различных речевых актах неодинаково. Эти колебания обычно неощутимы, но, строго говоря, не существует даже двух тождественных произношений. В известных условиях колебания могут стать значительными. Во всяком случае, мы должны учитывать наличие известной «области рассеивания» даже в речи одного и того же лица и тем более в речи членов целого коллектива. Существование области рассеивания становится несомненным, когда мы рассматриваем фонему с заметно различающимися комбинаторными вариантами, то есть такую фонологическую единицу, реализации которой сильно варьируют в зависимости от контекста (например, франц. /k/, область рассеивания которого покрывает значительную часть палатально-велярной зоны, или русск. /a/, которое может варьировать от [æ] до [ɑ]). Здесь, однако, мы стремимся подчеркнуть не рассеивание, связанное с комбинаторными вариантами, а рассеивание, которому может подвергаться вполне определенная фонема во вполне определенном контексте.

Зона безопасности

11. Известно утверждение Ф. де Соссюра о том, что языковая «значимость» есть все то, что не есть другая «значимость» этой же системы¹. Отсюда, казалось бы, должно вытекать, что область рассеивания любой фонемы не имеет иных границ, кроме областей рассеивания других фонем. Это, конечно, далеко не всегда верно. Безусловно, нет смысла задавать себе вопрос, истолкует ли француз сочетание [ʁɛ] как *pin* или как *fin*, потому что ни /p/, ни /f/ нормально не передаются через [ʁ], и даже если бы в исключительных условиях кто-нибудь сказал [ʁɛ], истолкование этого с четания как *pin* «сосна», *rain* «хлеб», *fin* «тонкий» или *faim* «голод» зависело бы от контекста. В рамках однородного

¹ «Cours de linguistique générale», Paris, 1934, стр. 162.

языкового коллектива нормальная область рассеивания каждой фонемы в определенном контексте может не соприкасаться с областью рассеивания соседней фонемы; между этими двумя областями может находиться зона безопасности, представляющая собой своего рода *no man's land* «ничью землю». Мы говорим здесь о «нормальной» области рассеивания, так как хорошо известно, что в исключительных обстоятельствах, например когда человек пьян, фонемы, близко стоящие в системе, могут полностью смешаться. Ясно, что при ненормальных обстоятельствах может совершаться также и меньшее зло, а именно — вторжение в зону безопасности. В таких условиях подвергается изменению артикуляция не одной фонемы, а всех фонем системы или большинства из них. Это в свою очередь служит точным указанием на ненормальность условий. Как одну из ненормальных ситуаций можно рассматривать положение иностранца, говорящего на языке, звуковая сторона которого ему недостаточно привычна. Во всех таких случаях слушатели будут бессознательно отвлекаться от этих отклонений и в большей мере, чем обычно, полагаться на контекст и на ситуацию.

Фонетическое изменение

12. Чтобы хорошо понять излагаемое ниже, необходимо помнить, что в любых обстоятельствах трудна именно точность; как говорит Есперсен¹, «нужно меньше усилие для того, чтобы наколоть дров, чем для того, чтобы удалить катаракту». Наибольшая трудность для детей, когда они учатся говорить, писать или рисовать, заключается не в том, чтобы произносить звуки, выводить палочки или кривые, а в том, чтобы попасть как раз на тот звук, ту палочку или ту кривую, которые соответствуют в данный момент определенным потребностям. Аналогичное положение наблюдается и у взрослых в отношении фонем. Для каждой из них, по крайней мере в данном контексте, должна существовать оптимальная точка, которую мы могли бы назвать центром тяжести ее области рассеивания. Однако на практике мы не каж-

¹ «Language», стр. 263.

дый раз попадаем в эту точку. Мы можем оказаться даже очень далеко от нее. Если в этом случае звуковые реализации окажутся в опасной близости к центру тяжести какой-нибудь другой фонемы, они, возможно, будут исправлены и, во всяком случае, не будут повторяться. Если они составляют непривычное отклонение, слегка выходящее за пределы нормальной области рассеивания, но не в сторону каких-либо других фонем, они ни в коей мере не угрожают взаимопониманию. Если такие звуковые реализации не связаны с особым напряжением органов речи, они могут в конечном итоге фиксироваться как законное расширение области рассеивания. Мы будем говорить о фонетическом изменении в том случае, если нормальная область рассеивания фонемы (здесь и во всех последующих случаях подразумевается: в данном контексте) смещается, хотя бы очень незначительно, в том или ином направлении, вследствие чего зона безопасности, отделяющая ее от соседей, увеличивается или уменьшается. Мы не хотим сразу же обсуждать возможные причины такого изменения; вместо этого мы постараемся определить, каким образом оно может затронуть другие фонологические единицы системы.

13. Назовем фонемой А фонему, нормальная область рассеивания которой смещается, фонемой В — ту, которая отделена от А возрастающей зоной безопасности, фонемой С — ту, которая отделена от А уменьшающейся зоной безопасности. Динамику ситуации можно представить в этом случае следующим образом:

$$В \quad А \rightarrow С$$

Если, как обычно говорят, «фонетические законы действуют со слепой необходимостью», то есть осуществляются независимо от потребностей общения, то в данном случае обязательно должно произойти слияние А и С, если только какая-то таинственная причина не остановит процесс или не повернет его в обратном направлении. Когда же В и С начинают смещаться в том же направлении, что и А, таким образом, что ситуацию можно изобразить в виде

$$В \rightarrow А \rightarrow С \rightarrow$$

традиционное языкознание постулирует один и тот же неизвестный фактор, который одинаково воздействует на все три единицы. Как правило, в подобных случаях трудно доказать, что фонема А начала изменяться раньше, чем фонемы В и С; если бы даже нам это удалось, то и тогда сторонники традиционного языкознания смогли бы утверждать, что по неизвестной причине фонема А была более восприимчивой к изменению и поэтому она первой уступила нажиму. Если не стремиться к экономии, можно, разумеется, постулировать три различные причины соответственно для каждого из трех изменений.

Сохранение полезных противопоставлений

14. Основной постулат функциональной теории в данном вопросе заключается в том, что фонетические изменения происходят в связи с потребностями общения и что одним из факторов, определяющих их направление и даже их возникновение, является коренная необходимость обеспечить взаимопонимание путем сохранения **полезных фонологических противопоставлений**. Не желая создавать впечатление, что мы прибегаем к помощи своего рода лингвистического провидения, мы постараемся дать достаточно подробный анализ того, каким нам представляется действительный ход рассматриваемых здесь явлений.

Притяжение

15. Вернемся к рассмотренной выше ситуации: А перемещается в сторону С, удаляясь от В. Сосредоточим вначале свое внимание на поведении фонемы В:

1) нормальная область рассеивания фонемы В может остаться такой же, какой она была до начала изменения фонемы А, или начать перемещаться в каком угодно направлении, но не в сторону фонемы А; в этом случае мы считаем, что изменение фонемы А не оказало никакого или по крайней мере никакого прямого влияния на поведение фонемы В;

2) нормальная область рассеивания фонемы В может расширяться в сторону фонемы А следующим образом:

$$В \rightarrow А \rightarrow$$

Если можно доказать, что изменение фонемы А действительно предшествовало изменению фонемы В, и если очевидно, что эти изменения нельзя приписать одной и той же общefonетической тенденции к расширению, сужению и т. п., а следовательно, ситуация должна быть представлена скорее в виде

$$В \rightarrow А \uparrow$$

то в таких случаях функционалисты считают, что фонема В, так сказать, «воспользовалась» пространством, которое освободилось благодаря смещению фонемы А. На самом же деле фонема В, вероятно, находилась в окружении других фонем и была отделена от них зонами безопасности, которые (чтобы не вносить лишних усложнений) мы можем считать равными зоне, отделявшей ранее В от А. В этой ситуации всякое отклонение фонемы В, выходящее за пределы ее нормальной области рассеивания в направлении любого из ее соседей, по всей вероятности, не должно было повториться, так как оно могло прийти в столкновение с потребностями общения. Но когда фонема А начинает удаляться от фонемы В, случайные отклонения фонемы В за пределы ее нормальной области рассеивания в направлении свободного пространства, образовавшегося вследствие отступления фонемы А, уже не рискуют более помешать потребностям общения. С этого момента фонема В как бы ограничена со всех сторон, за исключением той, которая обращена к фонеме А, а центр тяжести области рассеивания фонемы В естественным образом начинает удаляться от тех частей этой области, где давление извне больше. В этом случае один из соседей В может в свою очередь воспользоваться свободным пространством, оставленным фонемой В, вызывая таким образом цепную реакцию, которая, последовательно распространяясь от одной фонемы к другой, соседней с нею, охватывает в конечном итоге значительную часть системы.

Отвиль 1

16. На данном этапе изложения нелегко предложить иллюстрации из существующих языков, так как в каждом фонетическом изменении участвуют внутренние

факторы, которых мы еще не упоминали и не анализировали. Мы можем, однако, в небольшом числе случаев отвлечься от этих факторов, существенно не искажая действительности; и все же из последующего этапа нашего изложения станет ясно, что доказать связь рассматриваемых изменений можно только в том случае, если учтены все факторы.

17. При сравнении фонологической системы говора Отвиля¹ с системами других говоров того же географического района можно обнаружить, что приблизительно в одно и то же время в нем произошли следующие изменения:

- 1) /ē/ (из лат. *īn*) > /ɛ̃/ (расширение);
- 2) /ɛ̃/ (главным образом из лат. *en*) > /ɛ/ (деназализация);
- 3) /ɛ/ (из лат. *ī, e*) > /a/ (расширение и смещение назад);
- 4) /a/ (чаще всего из лат. *ā* в открытом слоге) > /ɔ/ (лабиализация).

Поскольку раньше в системе не существовало /ɔ/, ни одно из четырех изменений не приводит к фонологическому смешению. Процесс может быть схематически представлен следующим образом:

$$\tilde{e} \rightarrow \tilde{\epsilon} \rightarrow \epsilon \rightarrow a \rightarrow$$

Общего расширения передних гласных не было, так как /i/ и /e/ не изменились; не было общего сужения задних гласных, так как /u/ и /o/ не подверглись никаким изменениям; не было общей деназализации, так как /ā/ и /ā̃/ сохраняются наряду с новым /ɛ̃/. Мы не можем, таким образом, приписать совокупность этих изменений одной и той же общefonетической тенденции. Каждое из первых трех изменений, взятое в отдельности, должно было бы привести к смешению. В действительности же каждая из четырех участвовавших в изменении фонем осталась отличной от прочих. Поскольку зона безопасности, разделявшая прежние /a/ и /o/, была вдвое больше, чем любая другая зона безопасности в системе, можно думать, что движение началось именно с /a/. Теперь все зоны безо-

¹ «Desc. phonol.», стр. 2 и 3.

пасности стали приблизительно одинаковыми по величине, и изменений не происходит. Трудно не сделать заключения, что на всех этапах рассмотренного процесса проявилась потребность сохранения существующих фонологических различий.

Сан-Мигель

18. Другой пример дает нам португальский диалект острова Сан-Мигель, входящего в состав Азорских островов¹. Сравнение с языком метрополии показывает, что /u/ перешло в /ü/, /o/ дало /u/, /э/ сместилось в сторону /о/, не всегда, однако, достигая его уровня, /а/ стало более задним, «стремящимся к открытому ó». Это описание является неполным; мы оставили в стороне ряд моментов, которые приобретут свой смысл лишь на последующем этапе нашего разбора. Сильное влияние языка метрополии послужило, конечно, причиной некоторых отклонений от естественного развития. Во всяком случае, представляется несомненным, что движение началось с перехода /u/ в /ü/; /u/ вскоре увлекло за собою /о/, затем с некоторым опозданием /э/ и, наконец, в последнюю очередь /а/. Процесс можно было бы схематически изобразить следующим образом:

а → э → о —————> и —————>

Изменение /u/ в /ü/ ставит перед нами проблему, приступить к решению которой мы пока еще не можем². Ограничимся лишь указанием, что такое изменение может произойти в результате воздействия, оказываемого на /u/ другими задними гласными. Здесь следует только отметить, что если три из четырех рассматриваемых изменений можно охарактеризовать как сужение, то переход /u/ в /ü/ имеет совсем иную фонетическую природу; и тем

¹ Cp. F. M. Rogers, *Insular Portuguese Pronunciation: Porto Santo and Eastern Azores*, «Hispanic Review», 16, стр. 1—32; см. особенно стр. 13.

² См. ниже, гл. IV, § 6; структурное решение этой проблемы, предлагавшееся с 1939 г. на занятиях в Ecole des Hautes Etudes, изложено Генрихом Лаусбергом (RF, 60, 1947, стр. 295—315), а также А. Одрикуром и А. Жюйяном в их «Essai pour une histoire structurale du phonétisme français», Paris, 1949, стр. 100—113.

не менее нельзя отрицать, что здесь имеет место причинная связь между сужением одних фонем и продвижением в более переднюю позицию другой фонемы.

Алгарве

19. Продвижение вперед артикуляции фонемы /u/, сопровождаемое цепной реакцией смещения, охватывающей более или менее значительную область, обнаруживается не только в диалекте Азорских островов, но и в других португальских диалектах. В говорах Алгарве¹, фонетику которых детально изучил Ёран Хаммарштрём², смещение иногда охватывает почти все фонемы, в том числе и передние. Хаммарштрём понял и четко изложил проблему, которую ставит эта последовательность явно связанных между собой явлений. Однако, находясь в плену у традиционной терминологии, вынуждающей его оперировать «тенденциями» к веяризации, лабиализации, расширению (как если бы каждая из них сама по себе являлась объяснением), он не может решиться усмотреть в этом просто последовательное воздействие одних фонем на другие.

Фонологические смещения

20. Обратим теперь внимание на то, каким может быть поведение С — фонемы, в направлении которой перемещается по неизвестным пока причинам область рассеивания фонемы А. Вполне возможно, что область рассеивания С не отступит перед нажимом А, т. е. произойдет фонологическое смещение. Многочисленность таких смещений часто рассматривается как мощный аргумент против постулата о том, что сохранение различий между фонемами является фактором фонологической эволюции. Поскольку фонемы, согласно определению, служат для различения слов и форм, всякое фонологическое смещение неминуемо приведет к недоразумениям, мешающим нормальному функционированию языка: и все же смещения

¹ Крайняя южная провинция Португалии.— *Прим. перев.*

² Göran Hammarström, *Etudes de phonétique auditive sur les parlers de l'Algarve*, Uppsala Stud., 1953; см. особенно стр. 160 и сл.

происходят. В некоторых случаях может оказаться, что у С, так сказать, нет больше выхода, поскольку его реализация представляет собой крайнюю фонологическую возможность: вообразим в качестве примера /i/, на которое оказывает давление /e/, смещающееся в его сторону, и вокруг которого расположены дифтонги, блокирующие все выходы. Может возникнуть вопрос, почему все эти обстоятельства не воспрепятствовали с самого начала проникновению области рассеивания /e/ в зону безопасности, отделявшую ее от /i/. Естественно, однако, что те неизвестные факторы, благодаря которым /e/ стремится к сужению, могут быть просто сильнее функциональных факторов, направленных на сохранение существующего положения. Это не значит, что последние не существуют. Мы не устанем повторять, что никто никогда не утверждал, будто бы функциональные факторы являются единственными или, по меньшей мере, непременно решающими. Мы стремимся показать отнюдь не то, что эти факторы объясняют все моменты фонологической эволюции, а то, что существуют такие ситуации, которые мы не поймем никогда, если не будем учитывать этих факторов.

Функциональная нагрузка

21. Как мы увидим, артикуляционная и акустическая природа различительных признаков, на которых строится данное противопоставление, может оказать существенное влияние на его судьбу. Сейчас, однако, нас интересует вопрос о том, играет ли какую-нибудь роль отнесенность противопоставления для его устранения или сохранения при удовлетворении потребностей общения: при прочих равных условиях не эффективнее ли будет сопротивляться устранению фонологическое противопоставление, служащее для различения сотен слов из числа самых частых и самых полезных, чем противопоставление, используемое лишь в очень небольшом числе случаев? Ответить на этот вопрос особенно трудно потому, что мы до сих пор слишком плохо осведомлены об остальных участвующих в деле факторах. Чтобы прояснить положение, следует прежде всего определить, можем ли мы количественно оценить различия

тельную значимость того или иного фонологического противопоставления, и если можем, то каким образом.

22. Функциональную значимость фонологического противопоставления часто называют «функциональной нагрузкой» (франц. *rendement fonctionnel*, англ. *functional yield* или *burden*, нем. *funktionelle Belastung*). Точное значение этого термина окончательно не установлено. В самом простом и наивном понимании он означает число лексических пар, которые были бы полными омонимами, если бы не то обстоятельство, что одно слово содержит член А данного противопоставления там, где другое слово содержит другой его член В. Например, во французском языке пара *blanc* «белый» — *blond* «светловолосый» является элементом функциональной нагрузки противопоставления /ā/ — /ō/ (наряду с парами *dent* «зуб» — *don* «дар», *sang* «кровь» — *son* «звук», *banc* «скамья» — *bon* «хороший» и множеством других). Поскольку число таких пар велико, говорят, что противопоставление /ā/ — /ō/ имеет большую функциональную нагрузку. С другой стороны, рассматривая, например, противопоставление /ɛ̃/ — /œ̃/, мы найдем очень небольшое число пар типа *brin* «травинка» — *brun* «коричневый, темноволосый», *empreint* «запечатленный» — *emprunt* «заем». Это противопоставление имеет, таким образом, малую функциональную нагрузку. Если считать, что избранный нами словарь достаточно полно отражает лексику рассматриваемого языка, можно составить исчерпывающий список таких пар для каждого из фонологических противопоставлений. Однако, как правило, это полезно делать лишь для тех противопоставлений, где фонемы различаются только одним релевантным признаком: так, во французском языке следует рассматривать /s/ — /š/ и /s/ — /z/, но не /s/ — /z/ или /š/ — /z/. Таким путем мы могли бы выгодным образом заменить неопределенные оценки типа «большая», «средняя», «малая» нагрузка точными цифровыми данными.

23. Рассмотренный метод не дает возможности подсчитать число реальных случаев, когда данный различительный признак является единственным элементом, обеспечивающим правильное понимание. Таким признаком

является, например, наличие голоса в /b/ при произнесении фразы *il ne prend plus de boisson* «он не хочет больше ничего пить» в ситуации, которая допускает как понимание *boisson* «напиток», так и *poisson* «рыба». Чтобы быть достоверной, всякая оценка функциональной нагрузки противопоставления должна учитывать частоту подобных ситуаций. Поскольку практически подсчет такого рода невозможен, мы могли бы удовлетвориться составлением списка лексических пар типа *boisson* — *poisson*, которые в определенных ситуациях могут привести к двусмысленности. Для того чтобы избежать субъективной оценки, вероятно, достаточно было бы лишь исключить пары, составленные из слов, которые принадлежат к разным частям речи и появление которых в одном и том же грамматическом контексте вследствие этого маловероятно. Тогда из приведенных выше примеров следовало бы оставить пары *blanc* — *blond*, *dent* — *don*, *sang* — *son*, а пары *banc* — *bon* или *empreint* — *emprunt* удалить. Осложнения могут, однако, возникнуть даже и в этом случае: пара *poignée* «горсть» — *poignet* «запястье, обшлаг рукава», содержащая минимальное различие, не поведет ни к какой двусмысленности, пока эти слова употребляются в единственном числе (поскольку различие грамматического рода так или иначе проявится и покажет, о каком слове идет речь, даже если противопоставление /e/ — /ɛ/ окажется смазанным); зато во множественном числе (*les poignées* — *les poignets*) вся тяжесть различения должна перейти на противопоставление гласных. Кроме того, при таком способе подсчета полностью игнорируется существенный фактор частоты употребления, и редко встречающиеся слова, например *émonder* «подстригать (деревья)» — *émender* «исправлять (текст)», приравниваются к наиболее употребительным, таким, как *blond* — *blanc*.

24. Ввиду такого нагромождения трудностей следует, может быть, определять частотность каждой рассматриваемой фонемы в лексических единицах; сделать это, конечно, несравненно легче, а результат оказывается в большинстве случаев не менее показательным: мы предполагаем следующее: чем чаще встречается фонема, тем больше шансов на то, что она выполняет чисто различительную

функцию. Частотность в лексических единицах нередко бывает предпочтительнее, чем частотность в предложениях или в связной речи; так, фонема типа франц. /œ/, которая участвует в минимальном противопоставлении /ɛ/ — /œ/, обладающем ничтожной функциональной нагрузкой, довольно часто появляется в тексте, устном или письменном, так как она содержится в весьма употребительном слове типа неопределенного артикля *un*. Однако могут быть и такие случаи, когда фонема, часто встречающаяся в лексических единицах, в связной речи употребляется реже, чем другая фонема, менее частая в лексических единицах; так бывает, например, если первая встречается главным образом в «ученых» словах, а вторая — в повседневном языке. В таких случаях следует учитывать действительное положение в связной речи и вносить поправки в выводы, вытекающие из словарной статистики. В языках с большим количеством окончаний, последние, конечно, не будут фигурировать в словарях. Следовательно, при чисто лексическом разборе не будут учтены некоторые элементы, обладающие большой частотностью. Правда, окончания нередко выступают в строго определенных условиях, например в отношении ударения, и поэтому составляющие их звуковые элементы могут вести себя особым образом. В таких случаях функциональную нагрузку в сфере морфологических элементов следует рассматривать отдельно. Довольно часто, однако, звуковая сторона лексических и грамматических элементов одинакова, и в этом случае опять-таки необходимо учитывать частотность в связной речи. Вообще следует приспособлять метод к изучаемому языку. Уильям Дайвер, имея дело с языком, где невозможно найти сколько-нибудь значительное число «квази-омонимов» и лексика которого известна нам лишь частично¹, намечает метод, с помощью которого можно определить функциональную нагрузку на основании изучения ряда текстов. Для каждого текста подсчитывается общее число фонем и то, сколько раз в нем появляется каждая отдельная фонема. Если для данной фонемы отношение этих двух чисел в различных текстах более или менее постоянно, можно считать его достаточно показательным.

¹ William Diver, The Problem of Old Bulgarian *št*, «Word», 11, 1955, стр. 233—236.

25. Из предшествующего изложения ясно, что оценить с некоторой точностью функциональную нагрузку противопоставления можно только в том случае, если исследуются языковые состояния, для которых существуют более или менее полные списки слов или по крайней мере большое количество текстов. Это обстоятельство делает практически невозможной проверку функционального постулата в случае доисторических фонетических изменений. Казалось бы, например, что смещение **o* и **a* в славянских, балтийских и германских языках каким-то образом связано с тем, что **a* (из **a* и **ə*) встречалось там редко, так как, согласно традиционному учению, в этих языках *ə* во втором срединном слоге выпадает, а слоговые сонанты *ɲ*, *ɲ̥*, *ɲ̥*, *ɲ̥* повсеместно выделяют закрытые гласные. Однако, поскольку мы не знаем лексики славянских, балтийских и германских языков в эпоху смещения **o* и **a*, мы вряд ли можем выйти за пределы туманных предположений. Даже в отношении первых этапов развития романских языков наше довольно полное знание классической латыни дает нам лишь несовершенное представление о словарном составе народного языка, из которого мы должны были бы исходить. Для некоторых смещений, происходящих в наше время в литературных языках (относительно которых мы располагаем полными данными), мы констатируем исключительно низкую функциональную нагрузку. Слияние */ɛ̃/* и */œ̃/* в парижском произношении, совершающееся в настоящий момент, почти никогда не приводит к конфликту омонимов, а частотность */œ̃/* в лексике — одна из самых низких. Лабиализация, отличающая */ɛ̃/* от */œ̃/*, является неустойчивым признаком в случае очень открытых артикуляций. По-видимому, это верно также и для */õ/* и следовало бы ожидать, что оно сольется с */ã/* в тех типах произношения, где */œ̃/* сливается с */ɛ̃/* (которое на самом деле представляет собою *[æ̃]*). Однако функциональная нагрузка противопоставления */õ/* — */ã/*, как известно, значительна, и различие сохраняется хорошо¹.

¹ Вопреки А. Исаченко, A propos des voyelles nasales, BSL, 38, стр. 275. Смещение засвидетельствовано в галло-романских говорах севера Франции и в соответствующем местном французском языке, где *en* не смешалось с *an* и поэтому частота */ã/* (из *an*) была значительно ниже, чем в нормальном французском языке.

То же самое можно сказать и о слиянии /ɥ/ и /ni/, которое, по-видимому, встречается все чаще и чаще¹, и о более старом слиянии /ɛ/ и /y/. Старое противопоставление долгих и кратких /i/, /ü/, /u/, /e/, основной функцией которого было различение мужского и женского родов, практически устранено в современном парижском произношении². Поскольку род, как правило, выражается во французском языке артиклями или местоимениями, сопровождающими существительное, действительная нагрузка этого противопоставления оказалась очень небольшой, и весьма вероятно, что это обстоятельство сыграло свою роль в совершившемся слиянии. Интересно отметить, что до сих пор французы не нашли «официального» выхода из затруднительного положения, связанного с омонимией *l'ami* и *l'amie*, *mon ami* и *mon amie*. Вопрос нельзя решить словосложением английского типа (ср. *boy friend*, *girl friend*). По-видимому, наиболее простое решение состоит в произнесении *e* в слове *amie*, откуда и появляются формы «вне системы» [a'mi'ə] или [a'mi'œ].

26. Мы не можем определить действительное значение функциональной нагрузки для сохранения фонологических противопоставлений на основании тех ограниченных данных, которыми мы располагаем. На данном этапе следует рассматривать ее как один из внутренних факторов фонологической эволюции и стремиться выявить ее роль во всех случаях, когда это возможно. К этой проблеме нужно будет вернуться, когда мы будем располагать внушительным количеством относящихся к делу данных. Однако уже сейчас мы должны отметить следующее:

1° Две близкие фонемы не стремятся необходимым образом к слиянию по той причине, что их противопоставление имеет практически нулевую функциональную нагрузку: английские [ʃ] и [ʒ] отнюдь не стремятся к сближению, несмотря на исключительно низкую функциональную нагрузку их противопоставления.

¹ Ср. A. Martinet, *La prononciation du français contemporain*, Paris, 1945, стр. 170—173.

² Там же, стр. 94—109.

2° Расширение значения, словосложение, морфологическая перестройка часто легко разрешают те проблемы, которые могут возникнуть в случае, если функционально важному противопоставлению угрожает тенденция к слиянию двух фонем: как только зона безопасности будет нарушена и возникнет опасность недоразумений, говорящие начнут употреблять те или иные заменяющие слова, выражения или формы, благодаря чему ликвидируется всякая двусмысленность.

Давление

27. Обратимся теперь вновь к нашему абстрактному примеру с фонемой А, перемещающейся в сторону фонемы С; но на этот раз предположим, что фонема С вместо того, чтобы оставаться на месте в ожидании неизбежного слияния, отступает назад, сохраняя постоянную зону безопасности между собою и фонемой А. Такого рода предположение явно противоречит традиционным представлениям о непреложном характере фонетических законов. И всё же нетрудно понять, как фонема может отступить под давлением соседних фонем. Как только фонема А вторгается в зону безопасности, отделяющую ее от фонемы С, всякая реализация С, которая оказывается слишком близкой к этой зоне, уже связана с риском неправильного понимания, и ее начинают избегать. В результате центр тяжести области рассеивания С будет удаляться от А. При этом фонема С может оказывать на одну из соседних фонем давление такого же рода, какое фонема А оказывает на нее; эта соседняя фонема в свою очередь придет в движение, отступая перед фонемой С. Так возникает цепная реакция, подобная тем, которые мы уже рассматривали выше в случае с фонемами А и В.

Притяжение и отталкивание

28. На практике нередко бывает трудно сказать, с какой цепью мы имеем дело: с цепью ли типа $B \rightarrow A \rightarrow$, то есть цепью притяжения, или же с цепью типа

$A \rightarrow C \rightarrow$, то есть с целью отталкивания¹. Даже в типе $B \rightarrow A \rightarrow$ имеется известное давление со стороны соседей фонемы В, не изображенных на схеме. Для простоты изложения мы сознательно отказываемся от попыток установить, какие факторы действуют на фонему А и определяют смещение области ее рассеивания. Рассматривая говор Отвиля, мы уже косвенно предположили наличие у фонем одной и той же системы стремления к равноудаленности друг от друга, или, иначе говоря, к выравниванию взаимных давлений². Переход /а/ в /э/ в говоре Отвиля произошел в результате этой тенденции к выравниванию; переход /u/ в /ü/ в говоре о-ва Сан-Мигель — в результате воздействия на /u/ трех других задних фонем, у которых, в соответствии с самой их природой, зоны безопасности уже, чем у соответствующих передних гласных. Таким образом, наличие давления следует предположить, по-видимому, повсюду, ввиду чего только что отмеченное нами различие между притяжением и отталкиванием нередко будет стираться. Можно сказать, что в некоторых случаях движение головной фонемы соответствует тому результату, который мы могли бы ожидать на основании своего фонетического и фонологического опыта, в других же случаях более объяснимым представляется движение последней фонемы. Фонема, названная нами А, является головной фонемой в первом случае и последней во втором. Мы же рассматривали в любой момент движение фонемы А как данное, поэтому наше окончательное суждение будет зависеть от нашего понимания тех или иных факторов, которых мы до сих пор еще не разбирали или которые вообще останутся за пределами настоящей работы.

29. Нижеследующий пример показывает, насколько трудно иногда бывает решить, с какого именно конца цепи началось изменение. В итальянском языке группа

¹ По-английски *drag-chain* и *push-chain*; ср. «Word», 8, 1952, стр. 11; часть этой главы (от § 10 до § 29 включительно) в основном воспроизводит главу «Function» статьи «Function, structure, and sound change», там же, стр. 1—32.

² О существовании такой тенденции догадывался уже около 60 лет назад Карл Луик, говоривший о «*Streben nach ungefähr gleichen Abständen*» («стремлении к приблизительно равным дистанциям»); ср. J. V a s h e k, цит. пр., стр. 284.

/kwí/, как правило, происходит из латинских двусложных сочетаний /ku + í/ или /ko + í/; например, *qui* «здесь» происходит из *essu[mh]íc*. Группа /ki/ происходит из лат. /kwí/, например в *chi* «кто» из лат. *qui*, *quís*. Группа /či/ происходит из лат. *cī*, например в *città* из лат. *cīuitātem*. Три фонологические единицы¹ остались отличными друг от друга, хотя артикуляция каждой из них изменилась. Изменение в целом может быть схематически представлено следующим образом:

kuí → kwi → ki → či

Поскольку палатализация дорсальных согласных перед гласными переднего ряда представляет собой весьма частое и относительно легко объяснимое явление, мы могли бы предположить здесь цепь притяжения: /ki/ палатализовалось в /ķi/, а затем в /či/; /kwí/ после этого смогло упроститься в /ki/, а /kuí/ — перейти в односложное /kwí/. Однако равным образом можно представить себе цепь отталкивания начиная с /kuí/: в силу общей тенденции к устранению зияний, свойственной латыни эпохи Империи, /kuí/ должно было стремиться к переходу в /kwí/ и таким образом оказывать давление на уже существовавшее /kwí/. Последнее в свою очередь должно было вытеснить /ki/ из традиционной для него области, что должно было повести к более передним артикуляциям и в конечном итоге к палатализации. Это второе решение предполагает, что упрощение /kwí/ в /ki/ произошло раньше, чем палатализация /ki/ в /ķi/, а затем в /či/, или по крайней мере одновременно с ней. Однако в галло-романских диалектах севера *qui* сохранялось в виде /kwí/, вероятно, еще долгое время после того, как совершилась палатализация *ci* в /ķi/ > ... > /tsi/. Это видно из того, что чисто французская палатализация, которая затронула /ki/ в германских заимствованиях типа *échine* из **skīna*, не распространилась на заднеязычный согласный в слове *qui*. Таким образом, мы должны предположить следующую

¹ Сочетания фонем представляют собой фонологические единицы точно так же, как единые фонемы.

относительную хронологию для этой части романской области:

1. лат. /ki/ > /**k**i/ > /či/ > /tsi/
2. $\left\{ \begin{array}{l} \text{герм. /ki/ > /**k**i/ > /či/} \\ \text{лат. /kwi/ > /**k**i/} \end{array} \right.$

Это не значит, однако, что цепное изменение, начинающееся с /kuí/, исключено для латинского языка Италии. На самом деле можно предполагать, что только палатализация латинского *ci* распространилась за пределы своей первоначальной области вплоть до провинций (за исключением, как известно, Сардинии и Далмации). Предположение о том, что исходным пунктом изменения было /kuí/, правдоподобно, поскольку оно полностью согласуется с основными тенденциями эволюции вульгарной латыни: тенденция к устранению зияний возникла, вероятно, в результате развития силового ударения; сопротивление отдельных фонем или сочетаний оказалось совершенно недостаточным при наличии столь общей тенденции; /kuí/ обязательно должно было перейти в /kwi/, что и произошло в действительности повсеместно. Однако была ли на самом деле функциональная нагрузка противопоставления /kuí/ — /kwi/ столь значительной, что /kwi/ должно было после этого непременно отступить? В латинском языке северной Галлии и других областей эти два сочетания просто слились. Нельзя ли предположить, что в центральной Италии этого слияния не произошло потому, что лат. /ki/ здесь уже было палатализовано, а /w/ в сочетании /kwi/ значительно ослаблено, благодаря чему образовалось место для /kuí/? С другой стороны, мы не можем отвергать здесь предположение о наличии цепи отталкивания на том основании, что известно много случаев палатализации дорсальных, которая не является следствием воздействия на /ki/ сочетаний /kwi/ и /kuí/. У нас нет существенных оснований предполагать, что конечная причина палатализации такого рода во всех случаях непременно одна и та же. Здесь, как и везде, необходимо собрать воедино значительное количество частных структурно-функциональных объяснений для самых различных случаев того же типа, что и изучаемое явление, и никогда не отказываться от поисков причин из-за сложности проблемы.

30. В заключение следует четко сформулировать вывод, вытекающий из предшествующего разбора: различительные единицы — фонемы, сосуществующие в языке, естественно стремятся наилучшим образом использовать возможности, предоставляемые им органами речи; они стремятся быть настолько удаленными от своих соседей, насколько позволяет их артикуляция и восприятие. В языках, содержащих только три гласных фонемы, ими обычно являются /a/, /i/ и /u/, то есть максимально открытая гласная, противопоставленная двум другим, настолько закрытым, насколько это возможно для гласной, без того чтобы она превратилась в согласную, причем одна из них является самой передней, а другая — самой задней. Это можно было бы назвать принципом максимальной дифференциации фонем¹.

¹ Этот принцип был выдвинут А. В. де Гроотом в «Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften», TCLP, 4, 1931, стр. 121.

III. СТРУКТУРА

1. В настоящее время термин «структура» используется в широких лингвистических кругах еще более охотно, чем термин «функция». Слово «структурализм» стало даже своего рода ярлыком почти для всякого движения, порвавшего с филологической традицией¹. Поэтому трудно предполагать, что «структуралисты» пришли бы к полному согласию относительно того, что такое «языковая структура», если бы они пожелали сопоставить свои взгляды. В общих чертах, по-видимому, можно выделить среди них, с одной стороны, тех, для кого структурализм является руководящим принципом, определяющим конкретные методы исследования, с другой стороны, тех, кто пришел к пониманию языка как структуры лишь благодаря практике синхронического описания. Такое деление, конечно, отнюдь не совпадает с делениями, основанными на различиях личных склонностей и взглядов на науку. Существенно, однако, что все «структуралисты», к какой бы школе они ни принадлежали, занимаются почти исключительно синхронией и что, несмотря на различные трудности, контакты между отдельными группами структуралистов более или менее сохранились. Именно поэтому, несмотря на глубокие теоретические расхождения, их практический подход к языковым проблемам оказывается достаточно сходным для того, чтобы исследователи одной группы могли с успехом использовать описание, составленное членом другой группы; при этом лишь очень немногое им приходится истолковывать заново.

¹ См. A. Martinet, Structural linguistics в «Anthropology today», стр. 574—586.

2. По-видимому, все структуралистские учения имеют одну общую основу, хотя это и не во всех случаях очевидно. Все они опираются на более или менее четко выраженное убеждение в том, что каждый язык характеризуется как таковой (тем самым противопоставляясь любому другому языку) прежде всего внутренней организацией *sui generis*¹, которая имеет гораздо большее значение, чем случайное сходство между отдельными единицами. Даже если бы произношение персидского *bad* «плохой» в точности совпадало с произношением английского *bad*, имеющего то же значение, это слово все же было бы именно персидским, а не английским. Мы не можем правильно отождествить слова, изолируя их подобным образом. Персидское *bad* **отлично** от английского *bad*, поскольку оно выступает в других контекстах и входит в другие парадигмы, поскольку оно занимает определенное место в своем семантическом поле, поскольку, наконец, каждая из входящих в его состав фонем определенным образом сочетается с другими фонемами в речевом потоке и обладает специфическими отличиями от всех остальных фонем системы. Существенно не тождество звукового состава или значения, а то, каким именно способом язык выполняет свое основное назначение. Произнесенная человеком последовательность звуков не имеет никакого значения, пока мы не поместим ее в рамки отношений, свойственных определенному языку. Так, например, человек, говорящий на двух языках (назовем их А и В), может не понять слово языка А, если оно будет употреблено в речи на языке В без необходимого «предупреждения» о переходе от одного языка к другому (таким «предупреждением» обычно бывают так называемые «речевые кавычки», то есть пауза перед иноязычным словом, а также особенно отчетливая артикуляция этого слова или его части²).

¹ Ср. следующие слова Э. Сепира: «Каждому, кто ... хоть немного почувствовал дух какого-либо иностранного языка, должно быть ясно, что в основе каждого языка лежит как бы определенный чертеж, что у каждого языка есть свой особый покррой» (Э. С е п и р, *Язык*, Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 94).

² Это может оказаться лишним, если при переходе от одного языка к другому человек, говорящий на двух языках, изменит свою речь в фонетическом отношении. О фонетических особеннос-

Граммон

3. «Чувством» структуры, которое часто бывает довольно смутным даже у «структуралистов», нередко обладают представители традиционного языкознания. Оно в большей или меньшей мере свойственно всем, на кого оказали прямое или косвенное влияние идеи Ф. де Соссюра. В большинстве случаев, однако, лингвисты не пытались установить, на каких именно фактах основано это чувство, а те, кто предпринимал такие попытки, заблудились в лабиринте интроспективной психологии. Их стремление конкретизировать свои мысли привело в конечном счете лишь к простому повторению вслед за их классическими предшественниками того, что язык есть система, где все взаимосвязано. К числу языковедов, наиболее открыто высказавшихся в пользу структурального понимания языка, принадлежит Морис Граммон. Именно от него — специалиста по исторической фонетике — мы могли бы ожидать объяснения, каким образом структура языка определяет фонетическую эволюцию, и детального разбора соответствующих примеров. В действительности Граммон ограничился в этом отношении лишь несколькими интересными замечаниями общего характера.

В частности, он пишет следующее¹:

«Не существует изолированных фонетических изменений или изолированных фонетических законов; фонетический закон может быть признак достоверно установленным только в том случае, если он согласуется с общими принципами, определяющими в момент эго действия артикуляционную систему языка. Совокупность артикуляций языка действительно представляет собой систему, где все взаимосвязано, где все находится в тесной взаимозависимости. Поэтому, если в одной части системы произойдет изменение, оно может затронуть всю систему в целом, так как необходимо, чтобы система оставалась непротиворечивой».

тях речи людей, говорящих на двух языках, см. «Desc. phonol.», § 1—11 и U. Weinreich, *Languages in contact*, стр. 14—28.

¹ Maurice Grammont, *Traité de phonétique*, Paris, 1939, стр. 167.

Теперь мы склонны усматривать в этой цитате многое такое, чего автор не мог иметь в виду. В действительности Граммон обращается здесь к прошлому, а именно к тем языковедам конца XIX в., которые, опираясь на несколько натянутых сближений, придумывали совершенно невероятные «фонетические законы». Замечательную идею, которая заключалась в том, чтобы показать неправдоподобие этих «законов» с точки зрения структуры, оказалось, однако, весьма нелегко осуществить, и Граммону не удалось выйти в этом вопросе за пределы общей формулировки. Когда мы читаем, что изменение, совершающееся в одной из частей системы, затрагивает всю систему в целом, мы представляем себе цепную реакцию, то есть ряд явлений, последовательно расположенных во времени. Мы вводим здесь временную перспективу, тогда как Граммон говорит скорее об одновременности: имеется в виду одновременность изменения всех фонем, артикуляция которых содержит элементы, подверженные действию «фонетического закона». Это ясно из той части его изложения, которая следует за приведенной выше цитатой: автор четко анализирует указанную важную особенность поведения фонетических систем. Однако практически Граммон в своем «*Traité de phonétique*» не вносит в этом отношении ничего такого, что не было бы известно задолго до него. По-настоящему подойти к объяснительному структурализму Граммону помешали именно декларативность и нечеткость в выражении мысли, от которых он так и не смог полностью избавиться. Почему «необходимо», чтобы система «оставалась непротиворечивой»? Что именно означает «непротиворечивая», когда речь идет о фонетической системе? Почему старофранцузские спиранты *g*, *d* и *b* обязательно должны были выпасть, если они не могли слиться с какими-либо из ранее существовавших фонем, как это утверждает Граммон?¹ Вот вопросы, на которые мы нигде не находим ясного ответа. В итоге для объяснений Граммон был вынужден вновь прибегнуть к гипотезам о субстрате, которые в действительности не обоснованы никакими данными.

¹ М. Grammont, *Traité de phonétique*, Paris, 1939.

Трубецкой

4. Чтобы стало возможным плодотворное изучение фонетической эволюции со структуральной точки зрения, потребовалась огромная работа по классификации звуковых явлений и выяснению их сущности, которую и проделали первые фонологи. Они впервые, вместо того чтобы заявлять о существовании систем, попытались установить эти системы и изобразить их черным по белому. Две статьи Трубецкого¹, посвященные системам гласных и системам согласных, в настоящий момент во многих отношениях устарели, однако они представляют собой первую серьезную попытку типологического исследования данных вопросов. Именно на эти статьи опираются первые работы по диахронической фонологии. Избрав точный и удобный критерий, а именно различительную функцию¹, фонологи сумели преодолеть субъективность своих линейных записей. Однако их фонологические схемы, основанные в конечном счете на определении того, что является тождественным и что различным (от влияния одновременных артикуляций при этом отвлекаются), содержат элемент субъективного суждения, и это увеличивает возможность ошибки. Эти схемы подвергались серьезной критике, и следует, действительно, признать, что разные фонологи могут составить их по-разному для одного и того же языка. Последнее относится, однако, главным образом к синхронии, поскольку здесь схема является не средством, а самоцелью, и многие считают возможным слегка подправить свое сооружение, чтобы придать ему большую устойчивость. Из сказанного ниже (см. § 17 наст. гл.) можно заключить, с какой осторожностью следует составлять схемы с двойным подразделением фонем, которые применяются в исследованиях по диахронической фонологии. Однако при всех своих недостатках фонологические схемы имеют то преимущество, что они представляют систему в легко обозримом виде и нередко позволяют обнаружить в ней скрытое нарушение равновесия. Дать действительно непротиворечивые объяснения в области диахронии только на основании структуральных или даже структурно-

¹ TCLP, 1, стр. 39—67 и 4, стр. 96—116.

функциональных положений без необходимого противоядия, каким является учет инертности и асимметричности органов речи, практически было невозможно. Тем не менее в статье Трубецкого «К развитию гуттуральных в славянских языках» содержится много ценных мыслей: несмотря на использование обманчивого термина «гармоничность», автор дает по существу структурное объяснение явлений¹.

5. В предыдущей главе мы выяснили, при каких условиях различительная функция может играть определенную роль в фонетической эволюции. Это дает нам возможность в последующем изложении шире использовать примеры из реальных языков, поскольку теперь мы в состоянии учесть как структурные, так и функциональные факторы. Тем не менее в первой части книги мы будем продолжать оперировать весьма упрощенными абстрактными примерами. Некоторые примеры будут заимствованы из круга проблем, разбираемых во второй части книги, но это отнюдь не значит, что тем самым оказывается излишним подробный анализ этих проблем; напротив, только такой анализ может показать всю действительную сложность языковой эволюции.

Артикуляторные и акустические различительные признаки

6. До сих пор мы рассматривали проблему фонетических изменений так, как если бы каждая фонема обладала единым характерным артикуляторным признаком, целиком отличным от признака любой другой фонемы языка. Однако в действительности такое положение является, по-видимому, скорее исключением, чем правилом. Артикуляция большинства согласных в большей части языков

¹ N. S. Trubetzkoy, *Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen*, «Mélanges Miletic», Sofia, 1933, стр. 267—279. Среди лингвистов, которые более или менее независимо от собственно фонологов пришли к мысли о возможности и необходимости структурного объяснения фонетических изменений, следует отметить Секстиля Пушкарю; см. Sextil Pușcariu, *Fonetica și fonologie: dezechilibru fonologic*, «Dacoromania», 13, 1932.

предполагает сочетание двух или нескольких характерных признаков, каждый из которых обнаруживается у одной или нескольких других фонем языка¹. Эти признаки можно определить как с артикуляторной, так и с акустической точки зрения. Здесь, как правило, мы оперируем артикуляторными данными, поскольку они более доступны и лучше изучены. Некоторые фонологи всегда питали пристрастие к акустическим данным, которые кажутся более соблазнительными как раз потому, что они менее изучены, и которые недавно вновь стали модными благодаря спектрографическим исследованиям. Однако исследователи, наиболее последовательно и наиболее эффективно применявшие спектрографический анализ к изучению языка², всегда чувствовали необходимость соотнести свои результаты с артикуляторными данными и пока еще не обнаружили никакого противоречия между этими двумя рядами данных. Современные экспериментальные исследования, безусловно, позволяют лучше понять определенные факты фонетической эволюции, и лингвисты должны сформулировать те проблемы, которые следует разрешить экспериментальным путем. В целом, однако, акустические наблюдения в большинстве случаев лишь

¹ Мысль о том, что фонему можно определить как совокупность одновременно реализующихся различительных звуковых признаков, содержалась в зародыше уже в учении Трубецкого. Она была сформулирована в годы второй мировой войны несколькими лингвистами, работавшими независимо друг от друга. Приведенная выше формулировка аналогична той, которую автор настоящей книги предложил для второго издания (1943 г.) «Словаря лингвистических терминов» Ж. Марузо. Применяемое здесь разложение фонем на различительные признаки (по-английски *distinctive features*) не следует смешивать с бинарным анализом (см. ниже, § 14 и 15 наст. гл.). Конечно, и то и другое является продолжением фонологических исследований, проводившихся в тридцатые годы в Европе под руководством венского учителя. Однако в то время как мы стремились устранить субъективные элементы анализа Трубецкого и ни в коем случае не жертвовать своеобразием каждой системы, бинаристы выдвигали утверждения общего характера и старались ввести всякую фонологическую реальность в заранее установленные рамки.

² А именно Пьер Делатт и его сотрудники в Haskins Laboratories в Нью-Йорке; см. «Word», 8, 1952, стр. 195—210 и библиографию на стр. 195.

подтверждают уже известное. Приведем такой пример: по Граммону¹, основные гласные характеризуются следующей частотой (в акустическом смысле): *u* — 450, *o* — 900, *a* — 1800, *e* — 3600, *i* — 7200. Только на основании этого мы не можем выяснить, почему, например, дифтонгизация затрагивает (или не затрагивает) одновременно гласные *u* и *i* или *o* и *e*. Спектрографический анализ лишь подтверждает в данном случае то объяснение, которое непосредственно вытекает из артикуляторных данных².

7. В фонологии признак называется характерным, различительным или релевантным, если одного его достаточно для различения слов или форм. В таком языке, как французский, определенную роль при произнесении любой фонемы играют легкие, и эта роль практически одинакова для всех фонем. Из этого следует, что легочная артикуляция не может быть ни характерной, ни различительной. Напротив, билабиальная артикуляция, характеризующая фонемы /p/, /b/ и /m/, является различительной, поскольку она отличает эти фонемы, например, от фонем /t/, /d/ и /n/. Смычный характер билабиальных согласных не является ни характерным, ни различительным, поскольку во французском языке билабиальные всегда артикулируются как взрывные. Экспериментальное исследование, возможно, покажет, что /p/, /b/ и /m/ имеют неодинаковую билабиальную артикуляцию, точно так же, как /t/, /d/ и /n/ — неодинаковую апикальную артикуляцию. Однако нетрудно показать, что во французском языке эти различия связаны с влиянием одновременной артикуляции (соответственно звонкой или носовой), отличающей /b/ или /m/ от /p/, /d/ или /n/ от /t/ и т. д. Таким образом, речь здесь идет об автоматическом отклонении, не имеющем различительного значения; его можно сравнить с отличием фонемы /k/ в сочетании /ki/ от той же самой фонемы /k/ в сочетании /ka/.

¹ «Traité de phonétique», стр. 89.

² Ср., например, Martin J o o s, Acoustic phonetics, Baltimore, 1948, гл. II; ср. рисунок на стр. 60.

Серии и ряды

8. Мы будем говорить, что согласные фонемы, характеризующиеся одним и тем же признаком, образуют **серию**, если они артикулируются в различных точках, расположенных вдоль экспираторного канала. Так, во французском языке фонемы /p/, /t/, /k/, которые характеризуются одним и тем же признаком отсутствия голоса, но различаются по месту образования смычки, образуют серию, точно так же, как и фонемы /b/, /d/, /g/. Мы будем говорить, что фонемы, которые артикулируются в одной и той же точке экспираторного канала, но различаются между собой каким-то иным характерным признаком, образуют **ряд**. Так, во французском языке фонемы /p/, /b/, /m/ образуют билабиальный ряд, фонемы /t/, /d/, /n/ — апикальный ряд и т. д. Что касается гласных, то представляется удобным назвать «серией» совокупность фонем, которые характеризуются одним и тем же типом резонирующей полости (например, так называемые передние гласные характеризуются очень малой резонирующей полостью в передней части рта), но различаются по степени открытости рта; «рядом» же мы будем называть совокупность фонем, характеризующихся одной и той же степенью открытости рта, но различающихся по типу резонирующей полости. Так, во французском языке /i/, /e/, /ε/ образуют серию передних гласных, /i/, /y/, /u/ — ряд закрытых гласных. Нередко имеет смысл объединять /y/ и /w/ с гласными и рассматривать их как особый ряд, если они фонологически отличны от /i/ и /u/.

9. Следует отметить, что понятия «серия» и «ряд», как и любые другие фонологические понятия, имеют смысл только при наличии противопоставления. Фонема как таковая предполагает существование других фонем; точно так же серия предполагает существование одной или нескольких других серий, ряд — одного или нескольких других рядов. Язык, который обладал бы только шестью согласными фонемами, а именно: /p/, /t/, /t̥/, /c/, /k/ и /q/, не имел бы ни одной серии согласных, поскольку у этих фонем не было бы ни одного общего различительного признака. Язык, обладающий согласными /p/, /t/, /k/, /m/,

/п/ и /п̥/, имел бы две серии, а именно серию носовых и серию неносовых, и три ряда: лабиальный, апикальный и дорсальный. Серии и ряды предполагают существование более крупной единицы, объединяющей их в единое целое. Такой единицей является **корреляция**, включающая в себя две параллельных серии и некоторое число рядов, каждый из которых содержит две фонемы. Шесть фонем во втором из наших гипотетических примеров образуют следующую корреляцию:

р	т	к
п	п̥	п̥̥

10. Строго говоря, фонема, которая с фонетической точки зрения представляется относящейся к определенной серии, на самом деле не принадлежит к этой серии и к корреляции, в которую эта серия входит, если в других сериях нет соответствующей ей фонемы. Так, если бы в языке имелись только согласные /р/, /т/, /к/, /м/, /н/, а /п̥/ отсутствовало, то /к/ теоретически не принадлежало бы к серии неносовых, включающей /р/ и /т/, поскольку неносовой характер в сочетании с дорсальной артикуляцией не являлся бы различительным признаком. Если в языке существует только одна латеральная фонема, а именно /л/, артикулируемая кончиком языка в том же месте, что и /т/, /д/, /н/, нельзя сказать, что эта фонема принадлежит к апикальному ряду, поскольку апикальная артикуляция не является различительной в сочетании с латеральностью. Однако в практике диахронической фонологии оказывается удобным включать ту или иную фонему в серию (или ряд) даже в том случае, когда она не имеет соответствия в параллельных сериях (или рядах), если в целом ее поведение (то есть комбинаторные варианты, их распределение и т. д.) сходно с поведением фонем этой серии (или ряда). В рассмотренном выше случае с пятью согласными (/р/, /т/, /к/, /м/, /н/), по-видимому, было бы разумно включить /к/ в серию неносовых, поскольку опыт показывает, что если /р/ и /т/ изменяются в определенном направлении, то почти обязательно в том же самом направлении изменится также и /к/. Однако во втором из наших примеров может и не быть аналогичных оснований для отнесения /л/ к апикальному ряду, поскольку латеральная артикуляция

делает эту фонему в значительной мере независимой от остальных апикальных: так, например, нередко /l/ произносится с подъемом спинки языка в тех языках, где у /t/, /d/, /n/ не наблюдается ничего подобного.

11. Отношения между фонемами одного и того же ряда обычно заметно отличаются от отношений между фонемами одной и той же серии. Внутри ряда отношения, как правило, бывают двусторонними, а внутри серии — многосторонними. Иначе говоря, фонемы одного и того же ряда образуют двучленное противопоставление, а если их больше чем две, то комплекс двучленных противопоставлений. Напротив, отношения между всеми фонемами одной и той же серии одинаковы. Допустим, что в языке в числе прочих фонем имеются фонемы /p/, /b/, /m/, /t/, /d/, /n/; они образуют три серии и несколько рядов: лабиальный, апикальный и т. д.:

p	t	.	.	.
b	d	.	.	.
m	n	.	.	.

В подобных случаях фонемы /m/ и /n/ обычно бывают звонкими, но иногда они могут оглушаться, не теряя при этом тождественности самим себе; таким образом,

/p/ определяется как

глухое в противопоставлении с /b/,
неносовое в противопоставлении с /m/,
лабиальное в противопоставлении с /t/ и др.;

/b/ определяется как

звонкое в противопоставлении с /p/,
неносовое в противопоставлении с /m/,
лабиальное в противопоставлении с /d/ и др.;

/m/ определяется как

носовое в противопоставлении с /p/ и /b/ и
лабиальное в противопоставлении с /n/ и др.

Мы видим, что фонемы /p/ и /b/ имеют два общих признака: обе являются неносовыми и лабиальными; при этом только они обладают этими двумя признаками сразу. В таких случаях говорят, что эти фонемы входят в двустороннее противопоставление; рассматриваемые вместе как одна единица, они входят в другое двустороннее противо-

поставление, а именно в противопоставление с /m/. Можно также сказать, что между фонемами /p/ и /b/ существует **исключительное отношение**, так как они являются единственными фонемами, одновременно обладающими двумя указанными различительными признаками (неносовой характер и лабиальная артикуляция).

12. Иной характер имеют отношения между фонемами одной и той же серии (или между парами фонем внутри корреляции). Теоретически каждая из них противопоставляется любой другой совершенно одинаковым образом. Именно поэтому корреляция, то есть самая простая внутренне организованная частная система, включает неопределенное число рядов, но лишь две серии. При этом фонемы оказываются противопоставленными попарно, и внутри каждой пары существует одно и то же исключительное отношение. Две или более параллельных корреляции образуют так называемый **пучок**. Пучок может состоять из трех серий, как, например, в разобранным выше случае:

p	t	.	.	.
b	d	.	.	.
m	n	.	.	.

Он может также состоять из четырех, пяти или более серий, сгруппированных различным образом; так, пучок из четырех серий представляет собой система, в которой сочетаются различительные признаки придыхания и наличия или отсутствия голоса и где, например, лабиальный ряд представлен фонемами /p/, /b/, /ph/, /bh/.

13. Разграничение между двусторонними отношениями, характерными для фонем одного и того же ряда, и многосторонними отношениями, характерными для фонем одной и той же серии, на практике, однако, по-видимому, не всегда оказывается вполне четким. Лабиальный ряд, состоящий из /p'/ (придыхательного), /p/ и /p'/ (глоттализированного), можно понять скорее как триаду, чем как сочетание двух двучленных противопоставлений (где /p'/ и /p/ противопоставлены как единое целое фонеме /p'/ или /p'/ и /p/ — фонеме /p'/). Во многих языках существует,

по-видимому, особенно тесная связь между рядом свистящих и рядом шипящих: нередко свистящая и шипящая одной и той же серии взаимно исключают друг друга в определенных позициях; в этом случае их противопоставление не имеет более различительного значения, и мы говорим, что оно **нейтрализуется**. Именно такое положение наблюдается в большинстве диалектов португальского языка, где в импловивной позиции встречаются только шипящие. В немецком языке явление того же типа осложнено нейтрализацией противопоставления по наличию и отсутствию голоса: например, в начальном положении перед гласными встречаются [z] и [š], а перед согласным — только [š]. В системе гласных такой ряд, как /i/, /ü/, /u/, явно образует триаду, и представлять его в виде сочетания двух двучленных противопоставлений, как это часто делают, — значит исказить действительность. С другой стороны, в некоторых языках гласные фонемы одной и той же серии, например /i/ и /e/ или /e/ и /ɛ/, в определенных позициях взаимно исключают друг друга, и это создает между ними известную связь.

Бинаризм

14. Основываясь на теоретических соображениях, некоторые лингвисты попытались свести все фонологические противопоставления к тому типу, который чаще всего встречается внутри ряда, то есть к типу двучленного противопоставления¹. В частности, была высказана мысль, что корреляция согласных не может быть изображена в виде параллельных серий, так как в действительности входящие в ее состав фонемы образуют систему с более тесными внутренними связями. Предполагается, что противопоставления фонем одной серии основаны на сочетании высокого или низкого тона с двумя различными степенями «компактности» (англ. compactness). Поскольку в системе гласных фонема высокого тона /i/ противопоставляется фонеме низкого тона /u/, а обе вместе относительно более «компактной» фонеме /a/, представляется возможным установить соблазнительный параллелизм между системами гласных

¹ Cp. Roman Jakobson, C. G. M. Fant и Morris Halle, Preliminaries to speech analysis, Cambridge, Mass., 1952.

и согласных и тем самым значительно сократить общее число рассматриваемых в фонологии различительных признаков. Однако, если оставить в стороне физико-математические выкладки, которыми прикрывается эта теория с целью привлечения людей, стремящихся к абстрактной строгости, бинаризм оказывается скорее умозрительным построением, чем попыткой согласовать между собой результаты предварительных наблюдений.

Критика бинаризма

15. Чтобы иметь право утверждать, что все фонологические противопоставления являются двучленными, необходимо либо, исследовав все возможные случаи, констатировать, что дело обстоит именно так, либо доказать, что человек в силу самой своей природы может организовать различительные единицы только по бинарному принципу. Но кто может похвастать тем, что он исследовал все существующие или засвидетельствованные языки? А что можно сказать о бесследно исчезнувших языках или о тех языках, которые появятся на земле в будущем? Даже если бы создатели бинаристической теории основывали ее на внимательном и прежде всего объективном изучении значительного числа языков, — а это далеко от истины, — лингвисты имели бы право остаться при собственном мнении и не согласиться со стремлением бинаристов идти от частных наблюдений (хотя бы и довольно многочисленных) к общему принципу. История фонологии знает немало категорических утверждений, которые со временем пришлось столь сильно видоизменить, что в конце концов они свелись к тавтологиям. Помимо всего этого, бинаристы не указывают, на каком этапе процесса речи возникает необходимость бинарной организации различительных единиц. Этап артикуляции исключается, поскольку органы речи, как правило, способны переходить от полной смычки к максимально открытому состоянию через теоретически бесконечное число промежуточных ступеней. То же самое можно сказать о процессе передачи речи от одного собеседника к другому: спектрограммы наглядно показывают, что переход от [i] к [a] и от [i] к [u] является постепенным. Должны ли мы предполагать,

что бинарная организация фонем является результатом своего рода фильтрации, осуществляющейся органами слуха? Иначе говоря, следует ли думать, что существует группа клеток, положительно реагирующих на высокую частоту и отрицательно на низкую; группа клеток, положительно реагирующих на «компактность» и отрицательно на ее отсутствие, и т. д.? В настоящее время такое предположение было бы, по-видимому, абсолютно безосновательным. Таким образом, следует предполагать, что фильтрация происходит при восприятии. Но опять-таки каким способом мы можем это проверить? Даже если предположить, хотя это еще нельзя считать доказанным, что дети усваивают фонологическую систему путем последовательных дихотомических делений¹, не ясно, почему это обязательно должно повлиять на функционирование системы у взрослых. В синхроническом функционировании фонологической системы (каким бы ни было понимание термина «функционирование») основной тезис обобщенной бинаристической теории не находит никакого подтверждения. Все это заставляет нас вернуться к основному научному методу (который, несомненно, имел бы много сторонников, если бы он непосредственно приводил к конечному результату), а именно к объективному изучению фонетической природы различительных признаков. У бинаристов же вместо этого мы находим манипулирование фактами, которые путем ловкого устранения «избыточных признаков» им удается в конечном счете приспособить к своим основным постулатам.

Природа отношений между рядами

16. Отвергая теорию в целом, мы все же можем, по-видимому, принять некоторые ее положения, например положение о том, что лабиальные и дорсальные, которые артикулируются весьма далеко друг от друга, акустически относительно близки. В самом деле, например, немецкому *Luft* «воздух» соответствует голланд-

¹ Это одно из основных положений работы Романа Якобсона «*Kindersprache, Aphasie und Lautgesetze*», Uppsala, 1941.

ское *lucht*, индоевропейскому *-pl-* в кельтских языках соответствует *-cht-*, и, напротив, в румынском языке мы находим *lapte* «молоко» вместо латинского *lactem*. Правда, эти изменения происходят только в имплозивной позиции, а эта позиция всегда бывает слабой. По-видимому, рассматриваемый переход (в том числе и в румынском языке) осуществился в эпоху, когда спиранты [x] или [ç] артикулировались настолько слабо, что различие между лабиальным и дорсальным было едва ощутимо. Нет ни одного достоверного примера непосредственного перехода от полной дорсальной смычки к губной, или наоборот. Часто встречающийся переход [k^w] в [p] представляет собою, естественно, нечто совсем иное, поскольку в [k^w] уже присутствует губной элемент, а звук [p] появляется в результате его усиления, сопровождаемого ослаблением дорсального элемента. Во всяком случае, мы ничего не выиграем, если заменим линейное изображение корреляций согласных квадратными или треугольными схемами, которые предлагают бинаристы. Эти схемы предполагают постоянство отношений между рядами; тем самым они приравнивают друг к другу все языки и искажают действительность. Напротив, при горизонтальном изображении корреляций положение определенного ряда отнюдь не свидетельствует о его тесной связи с соседними рядами; мы можем представить себе фонетическое изменение в любом пункте горизонтальной оси, направленное в сторону любого другого ее пункта. Вообразим язык, имеющий в своем исходном состоянии корреляцию по наличию голоса, в которую входят пять рядов, изображаемых нами в следующем порядке: лабиальный, апиальный, ретрофлексный, дорсальный и лабиовелярный:

p	t	ʈ	k	k ^w
b	d	ɖ	g	g ^w

Допустим, что в этой системе дорсальные палатализуются и переходят в интердентальные (ср. *ḥā* < *cattum*, *ḍwā* < **gauta* в говоре Отвиля), которые затем сливаются с апиальными. Таким образом, окажется, что прежний ряд /k/, /g/, так сказать, «перескочил» через ряд ретрофлексных. Если бы в той же самой исходной системе /k^w/ и /g^w/ перешли в /p/ и /b/, они тем самым «перескочили» бы через

три промежуточных ряда. Однако, ничто не мешает нам изобразить исходную систему следующим образом:

p	k ^w	t	t̥	k
b	g ^w	d	d̥	g

В диахронической фонологии расположение рядов на схеме должно определяться характером фонетического развития, которое мы хотим описать. Если это развитие не требует от нас никакого специального расположения рядов, мы будем размещать их слева направо в порядке увеличения глубины их наиболее существенной артикуляции.

Меры предосторожности, необходимые при установлении рядов

17. Точка зрения бипаристов является абсолютно неприемлемой в диахронической фонологии именно потому, что они устраняют как «избыточные» звуковые черты, возникающие в результате такого развития, которое изменяет отношения внутри системы. Подобное устранение равносильно признанию изменений несовершенными. Диахроническая точка зрения требует значительно большего внимания к звуковой реальности, чем то, которое ей уделяется при попытках свести к минимуму число различных признаков. Во французском языке фонема /k/ не имеет точного фрикативного соответствия [x], а фонема /š/ — смычного соответствия /č/. Однако даже и в этом случае мы не можем сказать, что фонема /š/ является фрикативным, или длительным, соответствием фонемы /k/, поскольку никто не может утверждать, что велярная фрикативная только лишь в силу своего фрикативного характера стремится к артикуляции шипящего типа. Мы будем говорить, что две фонемы принадлежат к одному и тому же ряду только в том случае, если они артикулируются точно в одном и том же месте или различаются в этом отношении лишь такими чертами, которые целиком объясняются синхроническим влиянием одновременной артикуляции. В современном арабском языке апикальная артикуляция «эмфатического» /t̤/ является значительно более задней, чем артикуляция «неэмфатического» /t/; тем не менее обе фонемы принадлежат к одному и тому же ряду, потому что

смещенная назад артикуляция /t/ легко объясняется как результат влияния одновременной веллярно-фарингальной артикуляции, постоянно характеризующей арабскую «эм-фазу». Напротив, в языке, где /t/ артикулируется, как обычно, кончиком языка, а /s/ — передней его частью, мы не имеем права включать эти две фонемы в один и тот же ряд дентальных, так как нельзя объяснить, почему при произнесении напряженной фрикативной фонемы, соответствующей /t/, кончик языка должен быть пассивным и опущенным к нижним зубам, а не активным и поднятым к верхним зубам, как при произнесении самого /t/. Иногда бывает трудно определить, принадлежат ли две фонемы к одному и тому же ряду или нет, и на практике мы должны считаться также с возможностью переходных случаев. Фонологи ни в коем случае не должны, однако, отождествлять ряды в том смысле, в каком мы их определили выше, с приблизительной традиционной классификацией фонем на раз и навсегда установленные разряды лабиальных, лабиодентальных, дентальных, палатальных и веллярных.

Различительный признак как единица изменения

18. Поскольку большинство фонем совмещает несколько различительных артикуляций, можно предположить, что во многих случаях изменение в реализации фонемы является результатом какого-то видоизменения лишь одной из этих артикуляций. Если подвергается изменению фонема /t/, которая характеризуется отсутствием голоса и определенной апикальной артикуляцией, то может оказаться, что изменился только характер ее апикальной артикуляции или только признак отсутствия голоса. Изменение апикальной артикуляции, например смещение кончика языка от верхних зубов к альвеолам, если оно не связано каким-либо образом с характерным для /t/ и других фонем той же серии отсутствием голоса, по всей вероятности, затронет не только /t/, но также и другие фонемы апикального ряда, то есть /d/ и /n/. Точно так же изменение характерного для /t/ признака отсутствия голоса затронет не только /t/, но и все остальные фонемы глухой серии, то есть /p/ и /k/. Иначе говоря, всякая различительная

артикуляция может изменяться независимо от других артикуляций, в сочетании с которыми она образует отдельные фонемы. Это подтверждается фактами самых различных языков: как правило, если в данном языке фонема /t/ получает придыхание, то же самое происходит со всеми остальными фонемами серии глухих смычных; значит, изменение характерной артикуляции (в данном случае появление придыхания) совершается независимо от других артикуляций (в данном случае апикальной, лабиальной и т. д.), с которыми она сочетается. Если /d/ оглушается, обычно оглушаются также /b/ и /g/. Если /k/ в определенных позициях палатализуется, то весьма вероятно, что в тех же самых позициях окажется палатализованным и /g/; различие по звонкости между /k/ и /g/ никак не повлияет на это изменение. Конечно, все это общеизвестно¹; по-видимому, следовало бы изучить как раз те случаи, когда одна из фонем данной серии изменяется по глухости—звонкости не так, как остальные, или когда одна из фонем данного ряда меняет место артикуляции, в то время как остальные фонемы этого ряда остаются без изменения.

Увеличение устойчивости фонем, входящих в корреляцию

19. Разумеется, указанное свойство различительных признаков имеет большое значение для решения интересующих нас вопросов. Если, как мы уже предположили, функциональная нагрузка противопоставления является одним из факторов его сохранения или устранения, то ясно, что противопоставление двух артикуляторных признаков, служащее для различения не просто двух изолированных фонем, а двух больших серий или двух рядов, окажется, при прочих равных условиях, относительно более устойчивым. Реальная функциональная нагрузка противопоставления англ. /θ/ и /ð/ является крайне низкой. Однако не это оказывается действительно существенным: дело в том, что различающий /θ/ и /ð/ признак звонкости, усиленный сопутствующими ему различиями в артикуляторной силе, различает, кроме того, /v/ и /f/, /z/ и

¹ Ср. взгляды Граммона на эти вопросы (см. выше § 3 наст. гл.).

/s/, /ž/ и /š/, /ǵ/ и /č/, а также способствует сохранению различия между /p/ и /b/, /t/ и /d/, /k/ и /g/. В английском языке функциональная нагрузка противопоставления по глухости — звонкости огромна; она обеспечивает устойчивость значительной части системы согласных. Все это не означает, что фонетическая природа такого противопоставления не может со временем измениться; но если такое изменение произойдет, вероятность того, что оно приведет к фонологическому смещению, будет меньше, чем если бы это противопоставление было ограничено лишь одной парой фонем.

20. Помимо стабилизирующего действия, которое оказывает на данное противопоставление высокая функциональная нагрузка других противопоставлений, входящих в ту же корреляцию, мы должны, по-видимому, учитывать также и другой фактор, а именно частотность артикуляций, характерных для определенных серий и рядов. По-видимому, человек быстрее и прочнее усваивает те языковые черты, которые чаще повторяются в речевом потоке, чем те, которые встречаются относительно более редко. Это кажется очевидным, когда речь идет о морфологических, лексических или синтаксических элементах; по-видимому, это верно также и в отношении фонологических единиц. Хотя мы еще не располагаем достаточным количеством научных данных об усвоении различных фонологических систем детьми, но, вероятно, все же можно утверждать, что коррелятивные противопоставления, как правило, усваиваются раньше, чем некоррелятивные. В данном случае, как и в предыдущем, устойчивость означает не сопротивление изменению (в действительности артикуляция может измениться как у ребенка, когда он подражает тому, что слышит, так и у взрослого), а сопротивление смещению фонологических единиц.

Фонемы, включенные и не включенные в систему

21. Если верно, что противопоставления между фонемами, включенными в корреляцию или в пучок корреляций, более устойчивы, чем противопоставления между

фонемами, не входящими ни в какие корреляции, или между фонемами, одна из которых входит в корреляцию, а другая нет, то из этого следует, что фонемы, не включенные в коррелятивную систему, в значительно большей степени подвержены изменениям. Предположим для простоты, что фонемы, включенные в корреляцию, остаются совершенно неизменными, а фонемы, не включенные в нее, непрерывно перемещаются в случайных направлениях. Очевидно, рано или поздно каждая из этих последних просто в силу случайности примет такую фонетическую форму, в которой она станет соответствием какой-то другой фонемы внутри корреляции. Представим себе, например, следующую корреляцию:

f	s	š
v	z	ž

Кроме того, существует фонема /x/, которая теоретически не входит в корреляцию (поскольку она не имеет звонкого соответствия), однако ведет себя точно так же, как фонемы /f/, /s/ и /š/. В том же языке существует вибрирующая фонема /r/; нормально она является звонкой, но не включена в корреляцию, поскольку у нее нет глухого соответствия. Она подвержена случайным перемещениям, а ее область рассеивания включает в себя реализации, лишённые вибраций. Вполне возможно, что со временем эта фонема будет артикулироваться как задненёбное ффрикативное [ɣ] и, таким образом, станет звонким соответствием фонемы /x/. В этом случае рассматриваемая фонема /r/ включится в корреляцию, которая теперь уже будет выглядеть следующим образом:

f	s	š	x
v	z	ž	ɣ

С этого момента случайные перемещения данной фонемы прекратятся.

Притяжение системы

22. Конечно, в действительности речь здесь идет не о чистой случайности, и мы должны учитывать роль притяжения коррелятивной системы. Допустим, что /r/ было в известный момент вибрирующей увулярной фонемой. По-видимому, достаточно было ничтожного усилия, чтобы

свести некоторые из его реализаций к простому шуму трения. Однако шум трения в области язычка как с акустической, так и с артикуляторной точки зрения весьма мало отличается от шума трения в задненёбной области, характерного для фонемы /х/. Поскольку реализации фонемы /г/ нормально являются звонкими, никакого функционального сопротивления смещению обеих фрикативных артикуляций не будет. Заднеязычная артикуляция фонемы /х/ притянет к себе артикуляцию фонемы /г/, или, быть может, произойдет обратное. Иначе говоря, в определенный момент говорящие уже не станут более избегать смещения рассматриваемых двух артикуляций, различие между которыми ничтожно мало и не имеет, по существу, никакого значения. Таким образом, притяжение системы выражается в смещении двух артикуляций, которым ничто не мешает все более и более сближаться друг с другом, так как их различие никогда не было релевантным. Действительно, в рассмотренном случае сблизились артикуляции фонем, для сохранения тождественности которых было достаточно их прочих признаков.

Пустые клетки

23. Притяжение обособленно стоящих фонем внутренне организованной системой получило название заполнения «пустых клеток» (франц. *cases vides*, англ. *holes in the pattern*, исп. *casillas vacías*). Это образное выражение может, правда, отвлечь лингвистов от тщательного анализа последовательных процессов, конечным результатом которых является заполнение «пустых клеток». Фонетика «на бумаге» справедливо подвергалась суровой критике. Было бы столь же вредно и опасно жонглировать фонологическими символами. Изолированные фонемы не устремляются немедленно в структурные лакуны; система может притянуть такую фонему, только если последняя отстоит достаточно близко от «пустой клетки», причем и в этом случае заполнение или незаполнение «пустой клетки» определяется разнообразными факторами, каждый раз заслуживающими внимательного изучения. Кроме того, как мы увидим ниже, то, что выглядит на схеме как «пустая клетка», необязательно соответствует удобному с языковой

точки зрения сочетанию артикуляций. Тем не менее нельзя отрицать, что организованные группировки фонем, то есть корреляции и пучки, имеют тенденцию навязывать свои типы артикуляций изолированным фонемам.

Испанские Y и W

24. Природа явления, названного нами «притяжением системы», станет яснее, если мы рассмотрим некоторые динамические черты фонологической системы современного испанского языка. Однако, чтобы правильно понять эти черты, следует рассмотреть всю систему в целом, что потребует от нас весьма обстоятельного изложения. Все согласные фонемы испанского языка (в его наиболее традиционной форме), за исключением *r* и *rr*, объединены в пучок из пяти серий. Первая из них — это серия сильных согласных, которые реализуются как глухие смычные; она включает в себя фонемы, записываемые в орфографии как *p*, *t*, *ch* и *c* (*qu*)¹. Вторая — серия слабых согласных, реализующихся в определенных позициях (а именно после носовых, при эмфатическом произношении и очень часто в абсолютном начале) как звонкие смычные; в прочих позициях они обычно реализуются как звонкие спиранты, которые характеризуются ненапряженной артикуляцией и слабым трением и являются, таким образом, скорее небрежно артикулируемыми смычными, чем фрикативными в собственном смысле слова. К этой серии принадлежат фонемы, записываемые в орфографии как *b*, *d* и *g* (*gu*); к ним следует добавить две единицы, фонологические особенности которых мы рассмотрим ниже². Третья серия состоит из фрикативных, которые нормально являются глухими и обладают напряженной артикуляцией; в нее входят фонемы, изображаемые как *f*, *z*, *s* и *j* (*g*)³. В указанных трех сериях противопоставление между фонемами, принадлежащими к одному и тому же ряду, имеет тенденцию к нейтрализации в слабой позиции, то есть в импловивной части слога. Две другие серии составляют носовые

¹ См. Tomás Navarro, *Manual de pronunciación española*, New York, 1944, §§ 79, 98, 118, 125.

² Там же, §§ 80—81, 99—100, 119—120, 126—127.

³ Там же, §§ 88, 92, 106—107, 131.

m, *n*, *ñ* и латеральные *l* и *ll* («смягченное» *l*); здесь они нас непосредственно не интересуют.

25. Установление рядов в испанском языке представляет известные трудности; некоторые проблемы не допускают однозначного решения. Фонемы *p* и *b* являются билабиальными. Если даже между ними и есть небольшое различие в характере губной артикуляции, оно целиком объясняется тем, что эти фонемы принадлежат к разным сериям, и, следовательно, не препятствуют включению их в один и тот же ряд. Фонема *f* нормально является лабиодентальной, а не билабиальной, однако напряженный характер ее артикуляции плохо соответствовал бы возможностям таких мягких органов, как губы. Действительно, мы можем констатировать, что в самых различных языках билабиальный звук [ɸ] переходит в лабиодентальный; это, по-видимому, единственный способ избежать того, что угрожает всякому [ɸ], а именно перехода в [h] и полного исчезновения. Следует отметить, однако, что почти во всей зоне распространения испанского языка, зафиксировано sporadическое билабиальное произношение *f*. Это явление, которого нет, по-видимому, ни в одном другом европейском языке, имеющем фонему /f/, свидетельствует, по всей вероятности, о постоянном давлении, оказываемом на артикуляцию фонемы /f/ трехсерийной структурой испанской системы смычных и спирантов. Таким образом, можно считать, что артикуляция *f* отличается от артикуляции *p* и *b* лишь настолько, насколько этого требует его принадлежность к серии напряженных фрикативных. Итак, мы можем включить фонемы *p*, *b*, *f*, а также, естественно, носовую фонему *m* в единый ряд лабиальных. Аппикальное *l* относится к *d* так же, как *p* относится к *b*. Напряженно артикулируемая глухая фрикативная *z* (= [θ]) входит в тот же аппикальный ряд, поскольку характерное для этой фонемы опускание кончика языка, превращающее ее в интердентальную, является автоматическим у фрикативного соответствия фонемы /t/. В этот ряд, естественно, входят также носовая фонема *n*¹ и латеральная фонема *l*. Дорсальные

¹ Согласно Т. Наварро (там же, § 110), исп. /n/ обычно артикулируется несколько дальше, чем /t/ и /d/, почти как /s/. Поэтому

с и *g* представляют собой пару, параллельную *p — b* и *t — d*; вместе с *j* (= [x]) они образуют дорсальный ряд; фонема *j* артикулируется обычно несколько дальше, чем *c* и *g*, однако опыт показывает, что для языков, имеющих наряду с дорсальными смычными фонологически самостоятельное [x], такое положение является нормальным. Фриктивная фонема *s* артикулируется обычно у альвеол и с акустической точки зрения является полушипящей; она не соответствует в точности шипящей аффрикате *ch*; однако в некоторых частях собственно кастильской языковой области наблюдается тенденция либо к превращению *s* в настоящую шипящую (например, на севере Старой Кастилии¹), либо к такому изменению шипящего характера фонемы *ch*, что она становится аффрикатой, соответствующей *s* (например, в некоторых типах произношения в Мадриде и Толедо²).

26. Остаются фонемы *y*, *ñ* и *ll* («смягченное» *l*), образующие, естественно, ряд палатальных, а также фонема /w/, обозначаемая как *hi*. Если видеть в фонеме *y* максимально закрытую переднюю гласную, то ее можно было бы считать фонемой, соединяющей системы согласных и гласных; фонему /w/, на первый взгляд изолированно стоящую в системе согласных, следовало бы, может быть, рассматривать как максимально закрытую заднюю гласную. В действительности, однако, и та и другая ведут себя как согласные и, даже более точно, — как согласные серии слабых звонких. В интервокальном положении обе фонемы представляют собой звонкие щелевые, произносимые без того специфического напряжения, которое испанские фонетисты называют *rehilamiento*³. В абсолютном начале, после *n* и вообще во всех случаях, когда *b*, *d* и *g* имеют смычную артикуляцию, эти две фонемы реализуются как

определение места фонемы /п/ в системе, возможно, составляет особую проблему, которую, однако, мы будем считать разрешенной, поскольку здесь носовые нас непосредственно не интересуют.

¹ Т. Navarro, *Manual de pronunciación española*, New York, 1944, § 109.

² См. Menéndez Pidal, *Manual de gramática histórica española*, Madrid, 1949, стр. 108.

³ См. ниже, гл. IV, § 44.

смычные: *y* как [d], /w/ — как [g^w], а в народном произношении так же, как [b^w]¹. Для фонемы /w/ полная смычка, по-видимому, менее характерна, поэтому в сильной позиции возможна также реализация [ɣ^w]. Смычная артикуляция фонемы *y* часто принимает форму шипящей аффрикаты, то есть становится звонким соответствием фонемы *ch*². Имея в виду наиболее распространенное произношение, мы должны представить рассматриваемую систему следующим образом:

	Губные	Зубные	Альвеолярно-палатальные	Дорсальные	Лабиялизованные дорсальные
Сильные	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>ch</i>	<i>c</i>	
Слабые	<i>b</i>	<i>d</i>		<i>y</i>	<i>hi</i>
Фрикативные	<i>f</i>	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>g</i>	
Носовые	<i>m</i>	<i>n</i> ³		<i>ɲ</i>	
Латеральные		<i>l</i>		<i>ll</i>	

Следует, однако, учитывать наличие четкой тенденции к объединению фонем *ch*, *s* и *y* в один ряд.

27. Трудно определить, в какую эпоху *y* и *hi* в сильной позиции стали превращаться в смычные (обычного типа или типа аффрикат). Однако нет оснований полагать, что это явление предшествовало установлению характерных для современного испанского языка рядов из трех согласных (относящемуся к сравнительно недавнему времени). Непоследовательный характер изменения /w/ в [g^w] и наличие диалектного варианта [b^w] наряду с [g^w] свидетельствуют, по-видимому, о том, что процесс еще не закончен. Мы должны, таким образом, предположить, что существовала такая эпоха, когда *b*, *d* и *g* уже стали тем, чем они являются в настоящее время, а *y* и /w/ еще оставались целевыми во всех положениях. Рассмотрим в качестве примера фонему *y*. Эта фонема была, так же, как

¹ См. Menéndez Pidal, *Manual de gramática histórica española*, Madrid, 1949, стр. 111, а также A m a d o A l o n s o, *Estudios lingüísticos, Temas hispanoamericanos*, Madrid, 1953, стр. 224.

² Tomás Navarro, *Manual de pronunciación española*, §§ 119, 121.

³ См. прим. 1 к стр. 112.

фонемы *b, d, g*, звонкой, неносовой, нелатеральной согласной. Она отличалась от последних тем, что была щелевой во всех своих реализациях, тогда как *b, d, g* были то щелевыми, то смычными в зависимости от контекста или от степени эмфатичности речи. Говорящие привыкли при произнесении фонем *b, d, g* (гораздо чаще встречающихся, чем фонемы *y, hu*) сочетать в определенных позициях артикуляторный комплекс, включающий наличие голоса, поднятие нёбной занавески и поднятие краев языка, с полной смычкой. При произнесении *y* им приходилось отделять смычную артикуляцию от этого комплекса, поскольку *y* всегда было щелевым. Несколько поколений делали это, подражая своим предкам; однако очень велико было бессознательное стремление к тому, чтобы во всех положениях уподобить фонему *y* тем фонемам, с которыми в слабой позиции она разделяла все характерные черты серии. Поэтому довольно скоро должны были появиться отдельные случаи произношения [d] в начальном положении и после *n*. Ошибки, которые совершают все, очень быстро перестают быть ошибками, и, таким образом, современное состояние оказывается легко объяснимым. Фонема /w/ развивалась в аналогичном направлении несколько медленнее. Возможно, это объясняется тем, что задняя часть нёба относительно менее удобна для сочетания полной смычки со звонкой артикуляцией¹, а также тем, что полное включение фонемы /w/ в серию *b, d, y, g* предполагает ее фонологическое слияние с группой /g^w/; следует отметить, однако, что функциональная нагрузка традиционного противопоставления /w/ — /g^w/, очевидно, весьма незначительна.

Различные степени включения в систему

28. Когда мы рассматриваем вопрос о притяжении системы, нам часто представляется удобным противопоставлять *фонемы, включенные в систему, фонемам, не включенным в нее*. В таких случаях, однако, гораздо правильнее говорить о различной степени включения в систему. Прежде всего мы должны учитывать существование фонем, которые обладают фонетической структурой, характерной

¹ См. ниже, гл. IV, § 22.

для определенной серии, и ведут себя как фонемы этой серии, но не могут быть включены в корреляцию, поскольку у них нет соответствий в другой серии. Примером может служить фонема /k/ в языке, где имеются /p/, /t/, /k/ и /m/, /n/, но нет /ŋ/. В этом случае фонема /k/ готова включиться в систему, как только будет заполнена «пустая клетка» /ŋ/. Та же фонема /k/, несомненно, включена в систему, имеющую вид

p	t	k
b	d	
m	n	ŋ

хотя и не в такой степени, как /p/ или /t/. Совершенно очевидно, что говорить о «пустых клетках» можно лишь при условии, что в обоих предыдущих примерах фонема /k/ рассматривается как в той или иной мере включенная в систему. Мы уже видели, что в том случае, когда апикальное /l/ является единственной латеральной фонемой языка, может оказаться более удобным как с теоретической, так и с практической точек зрения не помещать эту фонему в один ряд с фонемами /t/, /d/, /n/, а рассматривать ее как не включенную в систему. Но в том же языке могут быть удвоенные согласные, которые в интервокальной позиции имеют частоту, сопоставимую с частотой простых согласных. Хотя в описательной работе каждая из этих удвоенных согласных, вероятно, была бы определена как сочетание двух простых (то есть удвоенное *t* как /tt/, удвоенное *l* как /ll/ и т. д.), в действительности удвоенные согласные в силу своей частоты играли бы в этом случае функциональную роль, сходную с ролью простых согласных. Мы могли бы говорить о корреляции, включающей серию простых согласных и серию удвоенных: /l/ и /ll/ оказались бы включенными в корреляцию, так же как /t/ и /tt/, /n/ и /nn/. Однако, естественно, фонемы /t/ и /n/, входящие помимо этого в другие корреляции, все же обладали бы относительно большей степенью включения в систему. Итак, мы можем сформулировать наш тезис о притяжении системы следующим образом: фонемы стремятся настолько полно включиться в систему, насколько это позволяют противодействующие факторы. Это означает, что процесс заполнения «пустых клеток» может затрагивать фонемы, уже

обладающие известной степенью включения в систему, причем в конечном итоге они оказываются включенными в систему еще более полно. Изменение в говоре Отвиля, схематически представленное выше (см. гл. II, § 16 и § 17), — хороший пример такого рода процесса.

Отвиль 2

29. В говоре Отвиля как до, так и после описанного нами изменения гласные фонемы нормальной долготы образуют систему из трех серий, а именно:

- передней нелабиализованной (тип /i/)
- передней лабиализованной (тип /ü/)
- задней лабиализованной (тип /u/)

и четырех рядов (или степеней открытости), которые мы можем обозначить цифрами 1, 2, 3, 4. Четвертый ряд содержит только одну фонему /a/, в которой нейтрализуются противопоставления «передние — задние» и «лабиализованные — нелабиализованные». Все эти фонемы входят, кроме того, в корреляцию, включающую серию носовых и серию неносовых. Серия носовых состоит из меньшего числа фонем, чем серия неносовых, что часто бывает в подобных случаях. Только более открытые ряды содержат носовые фонемы. Это объясняется тем, что носовая артикуляция уменьшает четкость одновременной ротовой артикуляции, поскольку часть воздуха проходит через нос и, таким образом, оказывается потерянной для полости рта. Однако чем больше рот открыт, тем больше через него проходит воздуха, и поэтому открытые носовые гласные легче различать, чем закрытые. Этим можно объяснить часто наблюдаемую тенденцию носовых гласных (главным образом, правда, передних) к расширению.

30. Системы неносовых и носовых гласных до начала изменения должны были выглядеть следующим образом:

1	i	ü	u			
2	e	ö	o	ẽ		
3	ɛ			ẽ	ẽ	õ
4	a				ã	

В неносовом ряду 3 есть две «пустые клетки»: [œ] и [ɔ]. Фонема /œ/ часто отсутствует в такого рода системах, и это легко объяснить: при произнесении сравнительно открытых гласных выдвижение и невыдвижение губ различить трудно. Относительно частое отсутствие /œ/ в качестве самостоятельной фонемы определяется, таким образом, теми же артикуляторными и акустическими факторами, что и частое наличие лишь одной фонемы в ряду 4. Итак, на два открытых ряда приходилось всего лишь две неносовых фонемы. Поскольку /ɛ/ и /a/ противопоставлялись не только по степени открытости, но и по месту артикуляции, говорящие были склонны пренебрегать различием между третьей и четвертой степенями открытости, которое было нерелевантным в остальной части системы неносовых гласных, и подчеркивать различие между передней и задней артикуляциями, которое использовалось во многих других случаях. При перестройке системы /a/ перешло из среднего положения в заднее. В результате возникла система, где различаются только три степени открытости:

1	i	ü	u
2	e	ö	o
3	æ	a	

В этой системе зона безопасности между вторым и третьим рядами больше, чем между первым и вторым.

31. В первоначальной системе носовых гласных передних гласных было на одну больше, чем задних; фонема /ẽ/ была в меньшей степени включена в систему, чем /ɛ̃/ или /ɜ̃/, поскольку она была единственной фонемой, сочетающей назальность со второй степенью открытости. Как мы видели, носовые гласные имели тенденцию к расширению, и, следовательно, фонема /ẽ/ оказывала давление на своего нижнего соседа. Фонема /ɛ̃/ в рамках системы носовых гласных не могла более расширяться без того, чтобы не вторгнуться в область рассеивания фонемы /ã/. Последняя в свою очередь не могла сместиться назад вследствие близости фонемы /ɜ̃/. Таким образом, фонема /ɛ̃/ оказалась как бы стиснутой с одной стороны прогрессивным расширением фонемы /ẽ/, с другой — сопротивлением более

открытых задних фонем. Случайное произношение фонемы /ɛ̃/ со слабой назализацией могло оказаться вполне приемлемым, поскольку фонемы /ɛ/ в системе больше не было. В конце концов /ɛ̃/ полностью деназализовалось, и /ɛ̃/ смогло занять его место. Возникшая в результате этого ситуация действительно засвидетельствована в говорах селений, расположенных в нескольких километрах от Отвиля. Фонологическую систему этих говоров можно представить следующим образом:

1	i	ü	u	
2	e	ö	o	
3	(ɛ̃ >)	ɛ	[ɔ]	(ɛ̃ >) ɛ̃ ɔ̃
4		æ	a	ä

Здесь мы вновь находим четыре фонологически противопоставленные степени открытости, но только в серии передних гласных. В серии задних гласных третья степень открытости представлена только комбинаторными вариантами фонемы /a/. В говоре Отвиля все варианты фонемы /a/ перешли в [ɔ], а [æ] перешло из переднего положения в среднее, что дало следующую систему:

1	i	ü	u	ɛ̃ ɔ̃
2	e	ö	o	ä
3	ɛ		ɔ	
4		a		

Эта система обеспечивает значительно более полное включение всех фонем, чем первоначальная.

Возражения

32. Именно здесь можно ожидать возражений против структурального метода. Как могло случиться, что после тысячелетий непрерывного использования языка фонологические системы все еще не обеспечивают полного структурного включения всех фонем?

Система, которую мы назвали первоначальной системой говора Отвиля, разумеется, была «первоначальной» лишь потому, что мы избрали ее в качестве исходного пункта нашего исследования. Как и всякая другая романская система, она была не чем иным, как одним из многочисленных перевоплощений системы гласных латинского языка, то

есть системы, которая в определенный момент обеспечивала высокую степень включения фонем. Разумеется, мы должны предположить, что тенденция к структурному включению действует постоянно. Но как объяснить, что она действует всегда в полную силу? Почему фонологические системы не могут достичь абсолютной устойчивости? Или, может быть, великолепно уравновешенная система говора Отвиля достигла такой степени совершенства, что она сохранялась бы вечно, если бы сам говор не был обречен на исчезновение в течение ближайших шестидесяти лет?

Недостижимость устойчивости

33. На каждый из этих вопросов следует ответить отдельно. Во-первых, представленная нами современная система говора Отвиля кажется идеально стройной, однако такая стройность в действительности может вызвать перенапряжение органов речи. Особенности речи некоторых носителей говора, по-видимому, указывают на то, что задняя серия с ее четырьмя гласными несколько перегружена, и это может стать источником неустойчивости¹. Во-вторых, мы оставили в стороне краткие гласные, система которых отмечена явными признаками разложения². Вероятно, если бы говор мог сохраниться, мы или наши потомки стали бы свидетелями полной реорганизации системы гласных, связанной с устранением количественных различий³. Прийти к абсолютно гармоничной системе, по-видимому, невозможно. Даже если бы какая-то система казалась нам приближающейся к структурному совершенству, она обязательно принадлежала бы определенному языку, который, как все языки, служил бы для выражения изменяющихся потребностей. Эти потребности, действуя через синтаксис, лексику, морфологию, ритм, интонацию и т. д., в конце концов непременно нарушили

¹ «Desc. phonol.», стр. 36 и 38.

² Ср. там же, стр. 44 и 56, о скрытой неустойчивости системы кратких гласных.

³ В своем описании фонологической системы говора Отвиля (см. выше сноску 3 на стр. 48) А. Мартине противопоставляет в количественном отношении два типа гласных: гласные нормальной долготы (ср. выше, § 29 наст. гл.) и краткие гласные (ср. выше, гл. I, § 20). — *Прим. перев.*

бы идеальное фонологическое равновесие. В-третьих, языки развиваются не в башнях из слоновой кости. Например, в течение уже нескольких столетий все большее число людей, пользующихся говором Отвиля, становятся двуязычными и в своей интеллектуальной деятельности, а также при межобластном общении применяют французский язык. Раньше говор Отвиля был местной разновидностью более крупного диалектного единства, причем люди, принадлежавшие к этому единству, в особенности в высших слоях общества, были двуязычными и в культурных целях пользовались французским языком. Еще до того, как избранные круги общества в этом районе начали употреблять французский язык, в местный говор с севера Франции, а также из районов провансальского языка стали проникать различные фонологические и иные языковые элементы. Ни в Отвиле, ни в какой-либо иной точке романской области местный говор никогда не развивался в полном обособлении от внешнего мира. Что же касается языков великих цивилизаций, то следует сказать, что, распространяясь на обширные неоднородные территории и становясь языками целых наций, они сохраняют целостность своей системы не лучше, чем местные говоры.

34. Всем этим объясняется непрерывное фонологическое брожение, которое мы наблюдаем почти повсюду. Всегда будут существовать «пустые клетки» и фонемы, смещающиеся для того, чтобы их заполнить. В связи с общими изменениями в системе, либо со слиянием воедино последовательных фонем речевого потока, либо с новыми условиями ударения, либо с подражанием чужим артикуляциям и т. д. будут появляться новые серии и новые ряды. Эти новые серии и ряды вначале далеко не всегда будут полными; в течение некоторого времени в них будут оставаться пустые клетки, которые при жизни последующих поколений будут заполняться путем артикуляторных смещений или заимствований. Образование ряда шипящих в староиспанском языке представляет интересный пример сближения самых различных элементов, которое приводит к появлению нового фонологического типа. Первые шипящие, а именно /č/ и /š/, должны были возникнуть в середине слова в результате слияния апикальных со следующим

за ними в речевом потоке звуком [i] (который появился в романских языках лишь незадолго до этого). Соответствующие пустые клетки в системе начальных согласных слова были заполнены главным образом за счет заимствований из соседних диалектов. В начальном положении имела звонкая шипящая фонема (фонетически, по всей вероятности, [ǵ]), происходившая, как правило, из *йота* вульгарной латыни. Однако в положении между гласными латинский *йот* не изменился, а соответствующая пустая клетка в системе интервокальных согласных была заполнена общероманским [j], которое перешло в [ʒ]. Это довольно странное изменение становится понятным, если учесть, что удвоенное *l*, которое в ту эпоху, вероятно, стало уже просто сильным *l*, стремилось к своей современной фонетической форме [ʎ] и оказывало давление на старое /j/.

Катализ

35. На описанном примере староиспанского языка удобно также проследить так называемое «действие фонологического катализатора». До сих пор мы предполагали, что функциональная нагрузка, даже если она практически равна нулю, автоматически противодействует слиянию двух фонем. Однако если одна из фонем, участвующих в противопоставлении, включена в систему, а другая не включена, или если на последнюю оказывается определенное фонологическое давление, то очень малая функциональная нагрузка не будет противодействовать слиянию этих фонем. Напротив, вполне вероятно, что одна артикуляция притянет другую. Выражаясь менее специальным языком, мы можем сказать, что если хорошо включенная в систему фонема встречается крайне редко, то она может притянуть к себе и поглотить соседнюю фонему, обладающую меньшей степенью включения в систему. В староиспанском языке в некоторых говорах Кантабрийской области существовало небольшое число слов, в которых группа [zi] сохранилась, а не подверглась метатезе, как в слове *beso* «поцелуй» из *basium*. Эта группа, естественно, дала [ʒ], как, например, в слове *frijuelo* «фасоль» из *phaseolum*¹.

¹ См. Vicente García de Diego, Gramática histórica española, Madrid, 1951, стр. 103.

Новая фонема /z/, появившаяся в середине слова, включилась в ряд шипящих, который уже содержал фонемы /č/ и /š/. Слова, содержавшие фонему /z/, были, однако, настолько малочисленны, что в случае, если бы с этой фонемой слилась фонема /l/, всякая возможность конфликта омонимов была бы абсолютно исключена. Фонема /l/, которую давление прежнего /ll/ заставляло «выключиться» из системы, должна была подвергнуться притяжению со стороны фонемы /z/. В примере, рассмотренном нами выше (см. § 21 наст. гл.), притяжение системы состоит в слиянии двух артикуляций в том случае, когда одновременных артикуляций достаточно для сохранения фонологической тождественности фонем: специфические артикуляции фонем /x/ и /ɣ/ сливаются, однако эти фонемы не теряют своей самостоятельности, поскольку для их различения достаточно одновременной артикуляции (участия или неучастия голосовых связок). При процессе, который мы называем катализом, речь идет как раз о таком смещении двух характерных артикуляций, в результате которого две фонемы сливаются; процесс имеет место в том случае, если он не приводит к серьезному смещению слов или форм. С функциональной точки зрения оба явления (катализ и заполнение пустой клетки) совершенно параллельны. Каждое из них дает артикуляторную экономию без ущерба для потребностей общения¹.

36. За исключением тех случаев, когда речь идет об очень хорошо засвидетельствованных этапах языкового развития, часто бывает трудно определить, что именно представляет собой тот или иной процесс — заполнение пустой клетки или катализ. Есть серьезные основания сомневаться в том, что на древних этапах развития индоевропейского языка существовала фонема, которая обычно реконструируется как *b². Поскольку эта фонема расположена на пересечении серии *d, *g, *g^w и лабиального ряда

¹ Параграфы данной главы с 6 по 14, с 18 по 23 и с 28 по 35 в основном воспроизводят главу «Structure» статьи «Function, structure and sound change» в журн. «Word», 8, 1952, стр. 1—32.

² Ср. Holger Pedersen, Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute, Copenhagen, 1951, стр. 10—12.

$*p$, $*bh$ (причем существование этой серии и этого ряда достоверно установлено), следует предполагать наличие пустой клетки в системе. Возможно, существовала тенденция к заполнению этой пустой клетки за счет заимствования, подобно тому, как была заполнена пустая клетка для b в языке лифу¹. Мы не можем, однако, сказать, когда это могло произойти и произошло ли в действительности. Известно, что в кельтских языках (как в бриттской, так и в гойдельской подгруппе) $*g^w$ изменилось в b , например в слове, обозначающем корову. Можно ли думать, что ко времени этого изменения в языке уже имелись слова с b и, следовательно, речь идет о катализе? Или же клетка для b была действительно пустой, и мы должны предполагать простое ее заполнение? На это можно возразить, что $*g^w$ было хорошо включено в систему; однако, если учесть, что кельтские языки обеих подгрупп впоследствии так или иначе освободились от лабиовелярных, то можно рассматривать сведение сложной артикуляции $[g^w]$ к простой артикуляции $[b]$ как экономию. Переход $*k^w$ в p (в отличие от предыдущего, он произошел только в бриттской подгруппе), последовавший за процессом, в результате которого индоевропейское $*p$ практически исчезло, также можно рассматривать либо как заполнение пустой клетки, либо (в том случае, если в языке уже имелось несколько p в немногочисленных заимствованиях) как явление катализа. Во всяком случае, сохранение в обеих подгруппах велярной артикуляции древнего $*gh^w$, а также различное развитие $*k^w$ в этих подгруппах свидетельствует о том, что так называемая «кельтская тенденция» к устранению лабиовелярных в действительности смогла оказать свое влияние на фонетическое развитие лишь в рамках тех возможностей, которые ей предоставляли сменяющие друг друга системы.

37. Практическое совпадение между включением в систему путем заполнения пустой клетки и процессом катализа помогает понять коренное отличие методов, которые обычно используются при синхроническом описании, от методов, которыми обязывают пользоваться диахрониста

¹ Ср. ниже, гл. IV, § 12.

его реалистические устремления. В синхронической фонологии существенным является различие между нулем и единицей, между ничем и чем-то; независимо от того, используется ли различие между двумя фонемами в одном случае или в тысяче, мы должны признать эти фонемы двумя самостоятельными единицами. В диахронии решающим часто оказывается различие между малым и большим, и, естественно, поскольку между малым и большим нет границы, невозможно строго определить, в каких ситуациях следует ожидать явление катализа, и отделить эти ситуации от тех, в которых фонема должна скорее сохранять отдаление от других фонем, чем притягивать их к себе. Это означает, что в диахронии в еще большей мере, чем в синхронии, необходимо прибегать к здравому смыслу.

IV. ЭКОНОМИЯ

Коренное противоречие

1. Можно считать, что языковая эволюция вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность. В плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определенное равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо все большее число все более специальных и соответственно более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и чаще употребляющихся единиц. При этом инерция является постоянным элементом, и мы можем считать, что она не меняется. Напротив, потребности общения и выражения в различные эпохи различны, поэтому характер равновесия с течением времени изменяется. Расширение круга единиц может привести к большей затрате усилий, чем та, которую коллектив считает в данной ситуации оправданной. Такое расширение является неэкономичным и обязательно будет остановлено. С другой стороны, будет резко пресечено проявление чрезмерной инерции, наносящей ущерб законным интересам коллектива. Языковое поведение регулируется, таким образом, так называемым «принципом наименьшего усилия»; мы предпочитаем, однако, заменить это выражение, предложенное Ципфом¹, простым словом «экономия».

¹ G. Zipf, Human behavior and the principle of least effort, Cambridge Mass., 1949, стр. 56—133.

Принцип экономии и существование фонем

2. Принцип экономии определяет в конечном счете само существование фонематической артикуляции. Любой язык содержит неограниченное число знаков, каждый из которых, как правило, должен обладать отличным от остальных обозначающим. Теоретически число различных однородных звуков, которые могут артикулироваться органами речи, безгранично. Практически контроль человека над работой мускулов его языка или голосовых связок возможен лишь в известных пределах. Управлять артикуляцией, по-видимому, постоянно помогает слух; однако и сама различительная способность слуха имеет границы. Мы можем, конечно, вообразить систему, в которой каждому обозначаемому соответствовало бы фонетически однородное и неделимое обозначающее. Но сколько таких обозначающих способны различать человеческие органы речи и органы восприятия? Невозможно указать даже порядок этой величины. Во всяком случае, несомненно существует явное несоответствие между числом необходимых для любого языкового коллектива значащих единиц и практическими возможностями человеческих органов. Удовлетворительное равновесие достигается в результате ограничения до нескольких десятков числа специфических различительных единиц выражения, то есть фонем, разные последовательные сочетания которых образуют различные обозначающие. В свою очередь сами эти единицы представляют собой сочетания одновременно реализующихся звуковых признаков, что составляет дополнительную экономию, поскольку число исходных элементов, таким образом, становится еще меньшим. Здесь, однако, речь идет не о любых сочетаниях, а лишь о таких, которые по своей природе способны наилучшим образом служить потребностям общения. Это ограничение относится к плану системы (то есть к плану одновременности); в плане речевого потока (то есть в плане последовательности) ему соответствует необходимость чередовать согласные и гласные, то есть фонемы разной степени открытости.

Инертность и асимметричность органов речи

3. Сказанное означает, что говорящие вынуждены во всех отношениях приспосабливаться к звуковой природе человеческого языка. Речевая функция является для так называемых органов речи, как известно, вторичной. Органам речи свойственна инерция, которую говорящий должен непрерывно преодолевать: в речевом потоке реализация каждой фонемы окрашивается различным образом под влиянием предшествующих или последующих фонем. У органов речи отсутствует какая бы то ни было симметричность: лабиальная и апикальная смычки имеют нечто общее в физиологическом отношении, однако при их образовании участвуют весьма несходные органы, а именно, с одной стороны, губы, с другой стороны, кончик языка и определенная точка в передней части верхнего свода полости рта. Если бы фонемы не обладали звуковой природой, а представляли собой, например, комбинации различных флагов, допустим, если бы /p/ реализовалось не как сочетание признака глухости с признаком билабиальности, а как соединение на одном флагштоке «Stars and strips» с «Union Jack», /t/ — как соединение «Stars and strips» с «Tricolore», /d/ — как соединение «Tricolore» с «Dannebrog»¹ и так далее, то в этом случае любое сочетание из двух флагов было бы столь же удобным, как и всякое другое. Мы не смогли бы соединить глухую артикуляцию со звонкой, соединить же «Stars and strips» с «Dannebrog» не составляет никакой трудности. Кроме того, если бы фонемы и слова реализовались как последовательности различных комбинаций из флагов, то любая комбинация могла бы следовать за любой другой; таким образом, если бы последовательные элементы слов реализовались описанным выше способом, слово легко могло бы состоять, например, из /ptd/. Ясно, что этого отнюдь нельзя сказать о различительных единицах, реализующихся в виде артикуляций и соответствующих им звуков.

¹ Имеются в виду государственные флаги следующих стран: «Stars and strips» («Звезды и полосы») — США, «Union Jack» — Великобритания, «Tricolore» («Трехцветное знамя») — Франции, «Dannebrog» — Дании. — *Прим. перев.*

Синтез действующих сил (forces en présence)

4. Тезис о противоречии между присущими человеку потребностями общения и его естественной инерцией, являющийся главным тезисом настоящей главы, отнюдь не нов. Тот, кто достаточно много размышлял над природой языка и условиями его функционирования, естественно, приходит к этому тезису. Его, по-видимому, в той или иной форме можно обнаружить в работах, написанных еще до появления языкознания как самостоятельной науки. Основная трудность всегда состояла не в том, чтобы осознать существование двух противоположных тенденций, а в том, чтобы проследить это противоречие во всех частных моментах функционирования языка и выявить вытекающие из него практические следствия. На первый взгляд может показаться, что такой автор, как Поль Пасси, заново открыл сущность этого противоречия, поскольку он сформулировал принципы экономии и эмфазы и до известной степени их противопоставил¹. Однако в действительности он не осуществил синтеза двух имеющихся тезисов. Когда один из двух членов противопоставления называют «принципом эмфазы», появляется возможность предполагать, что этот принцип осуществляется лишь в случае непривычного усиления какого-либо элемента и не имеет ничего общего с простым сохранением различительных элементов. Создается впечатление, что в любой языковой ситуации существует значительная зона, не затрагиваемая ни одним из двух принципов. В замечательной по простоте формулировке Пасси, обобщающей динамику функционирования языка, — «Если я пренебрегаю важным элементом, меня не понимают, я стараюсь поправиться и, возможно, преувеличиваю...» — слово «преувеличиваю» есть сужение сферы действия одного из членов противопоставления; читатель вправе думать, что в языке все то, что не затрагивается ни ослаблением в силу безнаказанной небрежности, ни эмфатическим усилением, представляет собой норму и управляется неизвестно чем. В действительности же в любой точке

¹ Ср. выше, гл. II, § 5.

речевого потока как в плане значащих элементов (то есть слов, морфем и т. д.), так и в плане различительных и выделительных элементов (то есть фонем, ударения и т. д.) постоянно приходят в столкновение потребности общения и инерция. Не существует такого большого или малого отрезка речи, за которым не скрывалось бы как то, так и другое. Как только мы признаём это, мы уже не сможем более ограничивать значение термина «экономия» понятием «бережливости», что по существу делает Пасси, когда он до известной степени противопоставляет «экономии» «эмфазе». Термин «экономия» включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия — это синтез действующих сил. Пытаясь основать функциональное языкознание, Анри Фрей, увлеченный частными вопросами своего исследования, не отметил достаточно ясно основного противоречия¹. Джордж Ципф, напротив, положил его в основу своей работы о принципе наименьшего усилия, который, как и наш «принцип экономии», представляет собой синтез потребностей и инерции. Лингвисты могут пожалеть лишь о том, что Ципф не развил свой тезис в глубину, а вместо этого попытался расширить сферу его применения настолько, чтобы она могла включить всю жизнедеятельность живых существ.

Пределы «гармоничности» системы

5. Чтобы выйти за пределы простой констатации существования рассматриваемого противоречия, необходимо было выявить результаты его воздействия на наиболее существенные элементы языка. В плане звуков это стало возможным благодаря успехам фонологического анализа. Как мы уже видели выше², Трубецкой в вопросах диахронии пытался проводить исследования в рамках выявленных им самим фонологических систем, постулируя при этом тенденцию к гармоничности системы. Будучи освобождена от своего телеологического аппарата,

¹ Ср. выше, гл. II, § 7.

² Ср. выше, гл. III, § 4.

эта теория смогла правильно отразить определенные стороны эволюции. Однако известные реальные системы явно свидетельствовали о том, что «тенденция к гармоничности» действует лишь в ограниченных пределах. Хотя эти ограничения выступали в различных формах в зависимости от рассматриваемого языка, они все же оказывались настолько сходными, что было невозможно во всех случаях приписывать их исключительно факторам, специфическим для каждого языкового коллектива, то есть факторам, которые мы назвали «внешними». Очевидно, чаще всего речь шла об ограничениях, вытекающих из природы тех человеческих действий, при помощи которых осуществляется языковая деятельность, в первую очередь — о невозможности одновременного сочетания определенных артикуляций¹ в силу самой физической природы органов речи и органов восприятия.

6. Если заменить телеологическое понятие гармонии понятием включения в систему, рассмотренным выше (см. гл. III, § 21), то можно сказать, что наиболее серьезным препятствием для максимального включения всех фонем в систему являются ограничения, связанные с анатомией и физиологией. Сами артикуляции могут прийти в столкновение, если в них участвуют соседние органы. Чаще всего, однако, имеет место акустическая несовместимость. Она заключается в том, что слушающему трудно уловить различие между разными сочетаниями одного и того же типа, особенно при обычных условиях употребления языка, которые далеко не всегда

¹ Теория равновесия систем, возникающего на основе противоречия между тем, что Трубейкой называл «тенденцией к гармоничности», и асимметричностью и инертностью органов речи, была разработана автором этих строк к 1937 г.; она была изложена прежде всего в докладе, сделанном зимой 1938 г. в Институте языкознания Парижского университета (CILUP, 6, 1938, стр. 41—58), затем в статье «La phonologie» («Le français moderne», 6, 1938, стр. 131—146) и, наконец, в июле 1938 г. в докладе на фонетическом конгрессе в Ганде («Proceedings of the Third congress of phonetic sciences», Gand, 1939, стр. 30—34). Положение о том, что существование так называемой «тенденции к гармоничности» заключается в экономии, было точно сформулировано в статье «Le rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique», TCLP, 8, 1939, стр. 274—288.

идеальны с акустической точки зрения. В предыдущей главе мы уже показали в нескольких случаях, как физиологические причины могут противодействовать включению фонем в систему. Мы отметили, что корреляции гласных обычно гораздо лучше представлены в верхних (закрытых) рядах, чем в нижних (открытых). Так, /œ/ выступает в качестве самостоятельной фонемы, несомненно, реже, чем /ö/ и /ü/, а в тех случаях, когда такая фонема все же существует, она встречается реже, чем последние. В языке, обладающем системой из трех серий (типа /i/, типа /ï/ и типа /u/), практически никогда не бывает трех различных фонем самого открытого ряда. Эти факты легко объяснить, если учесть, что при максимальном раскрытии рта, во-первых, губы автоматически оказываются отодвинутыми назад, во-вторых, трудно отличить переднюю резонирующую полость от задней. Различие по степени открытости между звуками [o] и [u] меньше, чем между [e] и [i], хотя угол, образуемый челюстями, в обоих случаях одинаковый. С точки зрения говорящего, которому необходимо контролировать работу своих мускулов, пропорция [o] : [u] = [e] : [i] правильна, однако с акустической точки зрения между [e] и [i] существует более четкое различие, чем между [o] и [u]. При наличии одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении двух серий. Мы уже видели также, что назализация уменьшает четкость одновременных артикуляций гласных, а отсюда можно сделать вывод, что существуют более и менее благоприятные в акустическом отношении сочетания артикуляций. В дальнейшем мы будем рассматривать проблемы именно такого типа. Прежде всего, мы проанализируем природу и роль фонологических группировок, то есть корреляций и пучков, рассматривая их уже не просто как доступную наблюдению реальность, а с точки зрения лингвистической экономии.

7. Для фонемы необходимо и достаточно, чтобы она отличалась от остальных фонем языка. Для системы это означает, что противопоставление между различными фонемами должно реализоваться достаточно

четко, чтобы быть доступным восприятию во всех случаях. Всякая реализация фонемы, затрудняющая сохранение четкого противопоставления, подвергает опасности самостоятельное существование двух фонем и тем самым целостность системы. Система является тем более устойчивой (то есть, по существу, тем более соответствующей своему назначению и, следовательно, экономичной), чем менее вероятным является смещение фонем вследствие неизбежных в речи артикуляторных отклонений.

Корреляция и примета корреляции

8. Ясно, что возможность отклонений в произношении фонем в значительной мере зависит от числа фонем. Число звуковых реализаций, которые могут произвести органы речи, а также число реализаций, которые могут воспринять органы слуха, по-видимому, безгранично. Однако число различающихся в той или иной системе простых артикуляций явно ограничено. Простой способ увеличить число самостоятельных единиц заключается, как мы уже видели¹, в одновременном сочетании различных артикуляций в тех случаях, когда это возможно с точки зрения произношения и восприятия. Существуют артикуляции, которые по самой своей природе хорошо сочетаются с другими, поскольку они не препятствуют одновременным артикуляциям и ясно воспринимаются, не затрудняя при этом восприятия последних. Так, например, вибрация голосовых связок никак не мешает работе губ или языка, а звук, возникающий в результате таких колебаний, совершенно не препятствует восприятию шума, возникающего от трения воздуха, например между нижней губой и верхними зубами. Хорошей будет считаться система, содержащая высокий процент фонем, которые представляют собой сочетания артикуляций подобного рода с другими простыми артикуляциями. Назовем *N* артикуляцию, обладающую хорошей сочетаемостью. В нервно-мускульном отношении она не мешает артикуляциям *A*, *B*, *C*, *D*; в акустическом отношении производимый ею звук не затрудняет восприятия звуков, соответствующ-

¹ Ср. выше, гл. III, § 6.

щих артикуляциям А, В, С, D, и наоборот. Напротив, сочетания артикуляций А, В, С, D между собой неблагоприятны в мускульном и акустическом отношениях. В этом случае хорошей будет та система, где артикуляция N окажется соединенной с каждой из остальных перечисленных артикуляций. Образующие такими сочетаниями фонемы можно представить следующим образом:

AN	BN	CN	DN
----	----	----	----

Эти фонемы четко отличаются друг от друга, а также от фонем, образуемых соответствующими простыми артикуляциями:

A	B	C	D
---	---	---	---

При этом хорошая система не должна содержать сочетаний типа АВ, ВС, BD, CD и т. д. Две серии фонем, имеющие вид

AN	BN	CN	DN
A	B	C	D

образуют то, что мы называли **корреляцией**. Артикуляция N, наличие которой характеризует все члены одной серии, а отсутствие — все члены другой серии, называется **приметой** этой корреляции. Если N представляет собой вибрацию голосовых связок, или голос, а А, В, С, D — соответственно лабиальную, апикальную, палатальную и веларную смычки, то такую корреляцию мы будем называть **корреляцией по наличию голоса**, а ее приметой будет **наличие голоса**. Корреляции выступают, таким образом, как средство увеличения числа фонем данного языка без соответствующего увеличения числа различных артикуляций.

Пучки

9. Нередко артикуляции А, В, С, D, хорошо сочетающиеся с артикуляцией N, столь же хорошо сочетаются с артикуляцией N', благодаря чему возникает еще одна серия фонем; три серии реализуются в этом случае следующим образом:

A	B	C	D
AN	BN	CN	DN
AN'	BN'	CN'	DN'

Если обе приметы легко сочетаются друг с другом, то возможна даже четвертая серия:

ANN'

BNN'

CNN'

DNN'

Ясно, что группировка такого типа способствует устойчивости всей системы в целом лишь в том случае, если артикуляции N и N' четко различаются как с мускульной, так и с акустической точек зрения во всех сочетаниях, где они участвуют. Параллельные серии этого типа получили, как мы уже видели¹, название **пучков** корреляций. Примером пучка из четырех серий может служить пучок, в котором N представляет собой паличие голоса, а N' — одновременную палатальную артикуляцию; если A представляет собой лабиальную артикуляцию, то наше A будет соответствовать фонеме /p/, AN — фонеме /b/, AN' — /pⁱ /, ANN' — /bⁱ /.

Теоретические условия устойчивости системы

10. Корреляция и пучки, разумеется, при условии, что они содержат только действительно благоприятные сочетания артикуляций, способствуют устойчивости системы. На самом деле, поскольку сочетания позволяют уменьшить общее число артикуляций, используемых для различительных целей, эти артикуляции могут более четко различаться между собой. Кроме того, поскольку при небольшом числе артикуляций каждая из них будет чаще встречаться в речи, говорящим придется чаще их воспринимать и воспроизводить. Рассмотрим какую-нибудь фонему, входящую в корреляцию. Каждый из артикуляторных элементов, составляющих ее реализацию, обнаруживается также в одной или нескольких других фонемах корреляции. Если в приведенной выше (§ 8 наст. гл.) корреляции мы рассмотрим, например, фонему DN, то мы увидим, что элемент D обнаруживается также в фонеме, реализующейся как D, а элемент N — в фонемах, реализующихся как AN, BN, CN. Из этого

¹ Ср. выше, гл. III, § 12.

можно сделать несколько разных выводов, которые изложены в трех следующих параграфах.

II. Исчезновение фонемы, входящей в корреляцию, например DN, не составило бы экономии релевантной артикуляции, поскольку артикуляция D сохранилась бы в фонеме, реализующейся как D, а артикуляция N — в каждой из фонем серии с приметой. Напротив, если исчезает фонема, не принадлежащая ни к какой корреляции, например фонема, реализующаяся как E, то релевантный признак E исчезает вместе с этой фонемой, результатом чего является артикуляторная экономия. Следовательно, если противопоставление между определенной фонемой и близкими ей фонемами не имеет большой функциональной нагрузки, то есть не служит для различения большого количества слов или форм, то судьба этой фонемы может быть различной в зависимости от того, принадлежит она к корреляции или нет. Даже если противопоставление двух фонем, реализующихся как DN и CN, встречается редко, у говорящих все же не будет тенденции смешивать эти фонемы, пренебрегая различием между артикуляциями D и C, поскольку они в любом случае должны различать фонемы, реализующиеся соответственно как D и как C. Для того чтобы появилась тенденция к смешению DN и CN, необходимо, чтобы малой была не только функциональная нагрузка противопоставления самих этих фонем, но также и функциональная нагрузка противопоставления фонем D и C. Даже в том случае, когда функциональная нагрузка каждого из этих противопоставлений мала, может оказаться, что их суммарной нагрузки достаточно, чтобы предотвратить смешение. Равным образом, если малополезным оказывается противопоставление D и DN, говорящие не будут проявлять тенденцию к смешению этих фонем, поскольку в других случаях им независимо от этого нужно будет различать N и нуль. Примером именно такой ситуации может служить рассмотренный выше (гл. III, § 19) случай с английскими фонемами /θ/ и /ð/. Если же весьма небольшой функциональной нагрузкой обладает противопоставление между фонемой, стоящей вне корреляции и реализующейся как E, и коррелятивной фонемой

В, то тогда смещение фонем Е и В никак не затронет остальную часть системы. Так, в парижском варианте французского языка, где корреляция гласных по долготе исчезла, фонема / $\bar{e}$ / в слове *fête* стоит вне корреляции. При этом противопоставление / ε /—/ $\bar{e}$ /, например в словах *faite* «сделанная» — *fête* «празднество», имеет довольно незначительную функциональную нагрузку, и, таким образом, прогрессирующее смещение фонем / ε / и / $\bar{e}$ / не затрагивает остальной части системы¹.

12. Если по какой-либо причине, например благодаря заимствованиям, в языке появляется новая фонема, реализация которой представляет собой сочетание двух уже использованных в данном языке артикуляций (например, если речь идет о фонеме EN, соединяющей артикуляцию Е, уже использованную в языке для фонемы Е, и примету корреляции N), то в этом случае возникновение еще одной фонемы не влечет за собой увеличения числа различающихся исходных артикуляций. Так, в языке лифу (меланезийский язык островов Лоялти)², имеющем /b/ только в заимствованиях из английского и французского, появилась новая фонема, соединяющая релевантный признак наличия голоса, который уже использовался в фонеме /d/ (противопоставленной фонеме /t/) и в фонеме /g/ (противопоставленной фонеме /k/), со смычной лабиальной артикуляцией, которая уже использовалась в фонеме /p/. Таким же образом были заполнены остальные четыре пустые клетки в системе этого языка. Напротив, раскатистое r в заимствованиях из полинезийского, которое представляло собой специфическую артикуляцию, отсутствующую в языке лифу, было заменено местным /l/.

13. Если две фонемы, не входящие в корреляцию и реализующиеся как F и G, изменят свою артикуляцию таким образом, что появится коррелятивная пара F—FN или G—GN, число фонем языка останется неизменным,

¹ Ср. «La prononciation du français contemporain», стр. 126—129.

² Ср. Maurice Lenormand, The phonemes of Lifu (Loyalty islands), The shaping of a pattern, «Word», 8, 1952, стр. 252—257.

однако будет иметь место экономия одной различительной артикуляции — G или F. Именно так обстоит дело в рассмотренном нами выше (гл. III, § 24) случае с фонемой /g/, которая первоначально имела вибрирующую артикуляцию, но затем сменила ее на дорсальную, характерную для фонемы /x/, продолжая, однако, отличаться от последней наличием голоса.

14. Все это подтверждает уже сделанные нами выше (гл. III, § 19 и 20) выводы относительно неустойчивости изолированных, не включенных в систему фонем. На самом деле, такие фонемы чаще исчезают, создают себе коррелятивные соответствия или изменяются так, что сами превращаются в соответствия других изолированных фонем. Таким образом, с теоретической точки зрения наиболее устойчивой и, следовательно, наилучшей в фонологическом отношении является система, все члены которой включены в корреляции и пучки. То, что первые фонологи называли гармоничностью фонологической системы, есть не что иное, как устойчивость, достигаемая максимальным использованием релевантных артикуляторных типов. Практически, однако, поскольку не все артикуляторные сочетания равноценны, наиболее «гармоничные» системы далеко не всегда являются самыми экономичными и самыми устойчивыми.

Теоретически оптимальная система

15. Прежде чем рассматривать, как практически решается проблема фонологической устойчивости, интересно попытаться установить теоретически оптимальную фонологическую систему. Существует ли при данном общем числе фонем определенное число коррелятивных серий, позволяющее свести к минимуму количество релевантных артикуляторных типов? Возьмем систему из 16 фонем. Вне корреляции эти 16 фонем представляют 16 различающихся артикуляций и, соответственно, 16 рядов:

A B C D E F G H I J K L M O P Q

Будучи сгруппированы в корреляцию, эти фонемы составят уже всего лишь 8 артикуляций; к ним следует добавить два артикуляторных типа (примету корреляции и ее отсутствие¹), которые, противопоставляясь друг другу, различают фонемы двух серий: в сумме это дает, таким образом, 10 различительных артикуляций:

AZ ²	BZ	CZ	DZ	EZ	FZ	GZ	HZ
AN	BN	CN	DN	EN	FN	GN	HN

Будучи сгруппированы в пучок из четырех серий, 16 фонем представляют четыре артикуляции, которым соответствуют четыре ряда, а также четыре артикуляторных типа, которым соответствуют серии; таким образом, в сумме имеется 8 различительных артикуляций:

AZ	BZ	CZ	DZ
AN	BN	CN	DN
AN'	BN'	CN'	DN'
AN''	BN''	CN''	DN''

Если бы было больше серий, чем рядов, например, если бы пучок состоял из 8 серий, то осталось бы только два ряда, однако сумма различительных артикуляций ($8+2=10$) оказалась бы большей, чем в предыдущем случае.

16. В качестве иллюстрации представим себе язык без фонологических гласных, например язык, в котором за каждой согласной следует гласная нейтрального тембра. Такой язык может содержать 16 фонем: каждая из них будет характеризоваться единым специфическим релевантным признаком. Это могут быть, например, следующие фонемы: 1) лабиальная, 2) лабиодентальная, 3) апиальная, 4) свистящая, 5) шипящая, 6) латеральная,

¹ Отсутствие приметы мы должны рассматривать здесь как определенную положительную характеристику, поскольку оно соответствует самостоятельному артикуляторному типу: например, чтобы реализовать отсутствие голоса, необходимо остерегаться появления под влиянием контекста вибрации голосовых связок; отсутствие голоса соответствует вполне определенной организации голосовых связок.

² Для обозначения отсутствия приметы автор выбрал начальную букву слова зéго «ноль». — *Прим. перев.*

7) вибрирующая, 8) палатальная, 9) ретрофлексная, 10) велярная, 11) увулярная, 12) носовая, 13) фарингальная, 14) ларингальная, 15) инспираторная, 16) щелкающая (клике). Подобный язык, естественно, нигде не засвидетельствованный, по-видимому, несовместим с нормами экономии, свойственными человеческому поведению. Система из 16 фонем, распределенных в две серии, уже приближается к реально засвидетельствованной. Однако и в этом случае более вероятным было бы наличие либо значительно большего числа согласных, либо фонологических гласных. Система такого рода может состоять, например, из следующих рядов: 1) билабиального, 2) лабиодентального, 3) апикального, 4) свистящего, 5) шипящего, 6) палатального, 7) велярного и 8) увулярного. Если каждый ряд содержит одну звонкую и одну глухую фонему, то всю систему в целом можно представить следующим образом:

p	f	t	s	ʃ	k	χ
b	v	d	z	ʒ	g	γ

В системе из 16 фонем, образующих четыре серии и четыре ряда, могли бы различаться, с одной стороны, звонкие и глухие, придыхательные и непридыхательные, а с другой стороны: 1) лабиальные, 2) апикальные, 3) ретрофлексные и 4) дорсальные. Мы можем изобразить это так:

p	t	ʈ	k
b	d	ɖ	g
ph	th	tʰ	kh
bh	dh	ɖʱ	gh

Данная схема напоминает систему согласных санскрита, хотя последняя все же гораздо обширнее. Мы не станем пытаться изображать систему из двух рядов и восьми серий, поскольку такой вариант совершенно невероятен.

17. Рассмотрим теперь 36 фонем вместо шестнадцати. Вне корреляции эти фонемы представляют 36 специфических артикуляций. При группировке этих фонем в две серии и 18 рядов число различительных артикуляций уменьшается до 20 (18+2). При группировке их в пучок из трех серий и 12 рядов это число равно 15 (12+3). Пучок

из четырех серий и 9 рядов дает 13 артикуляций. Пучок из 6 серий и 6 рядов дает 12 артикуляций. Этот последний вариант, так же как рассмотренный выше с четырьмя сериями и четырьмя рядами, представляет так называемую «квадратную систему», которая на первый взгляд кажется теоретически оптимальной. Однако, оперируя сериями сложной приметой, мы можем получить систему из трех рядов и 9 серий, для которой в сумме требуется всего лишь 9 различительных признаков: представим себе, с одной стороны, признаки 1) лабиальности, 2) апикальности и 3) дорсальности, с другой стороны, признаки 1) лабиовеляризации (окраска *u*), 2) палатализации (окраска *i*), 3) нейтральной окраски (окраска *a*), а также признаки 1) глоттализации (голосовая щель закрыта), 2) наличия голоса, 3) придыхания (голосовая щель открыта). Апикальная артикуляция без труда сочетается с окраской *i* и наличием голоса точно так же, как, например, дорсальная артикуляция с окраской *a* и глоттализацией. Всякая фонема обязательно будет либо лабиальной, либо апикальной, либо дорсальной; либо лабиовеляризованной, либо палатализованной, либо нейтральной по окраске; наконец, либо глоттализованной, либо звонкой, либо придыхательной. Таким образом, каждая из фонем будет характеризоваться тремя релевантными признаками, что делает возможными 27 различных сочетаний. Например, лабиальный ряд можно будет представить так:

p^i	p^u	p^u
b^i	b^a	b^u
p^{i^o}	p^{a^o}	p^{u^o}

Следовательно, в качестве теоретически оптимальной выступает система, которую можно было бы назвать «кубической», по крайней мере если не рассматривать теоретически еще более экономичные системы, где каждая фонема представляет собой сочетание более чем трех различительных артикуляций.

Оптимум теоретический и практический

18. Поскольку закрытые артикуляции, характерные для согласных, хорошо воспринимаются и хорошо раз-

личаются только в том случае, когда они контрастируют в речевом потоке с более звонким окружением, состоящим из гласных, трудно представить себе язык, в котором гласные не выступали бы по крайней мере в качестве фона для согласных или своего рода прослойки между ними (как *e* у тех французов, которые произносят *ourse blanc* «белый медведь»)¹. Однако строение органов речи таково, что чаще всего оказывается экономичным проводить фонологическое различие между наличием и отсутствием гласной и почти всегда — между гласными различных тембров. Результатом этого является существование двух самостоятельных систем — системы согласных и системы гласных, которые, конечно, могут иметь точки соприкосновения, но строятся вдоль разных осей. Однако даже если рассматривать согласные и гласные отдельно, не следует ожидать, чтобы для каждой из этих систем практически достигнутый оптимум совпал с теоретическим (то есть с той квадратной или кубической, но во всяком случае однородной, системой, которую мы рассматривали выше). Причины, которые на практике обязательно помещают расширение одного пучка или корреляции до размеров всей системы, более или менее ясно указаны в оговорках, которые многократно встречаются в предшествующем изложении. Расширение корреляций и пучков является действительно экономичным лишь постольку, поскольку полученные таким образом сочетания артикуляций удобны для воспроизведения и слухового восприятия. Так, та или иная примета, хорошо сочетающаяся с одной артикуляцией, с какой-то другой сочетается настолько плохо, что расширение корреляции в этом случае противоречит ее назначению. Кроме того, корреляции и пучки благоприятны в фонологическом отношении лишь при условии, если в каждом ряду приметы различных серий остаются легко различимыми. Любая корреляция или пучок может таким образом дать лишь частичное решение проблемы устойчивости систем, и ценность такого решения различна в зависимости от природы

¹ Имеется в виду произношение [ursə blɑ̃] в отличие от нормативного [urs blɑ̃] (ср. правильную орфографическую форму этого сочетания *ours blanc*).— Прим. перев.

противопоставлений, на которых строится эта фонологическая группировка. Ниже мы рассмотрим относительную ценность различных частных решений и степень экономичности их более широкого применения.

Корреляция по работе голосовых связок

19. Прежде всего наше внимание привлекают корреляции по работе голосовых связок, поскольку они встречаются наиболее часто. Имеет смысл рассматривать их вместе, так как обычно они образуют пучок или оказываются связанными диахронически. Наиболее существенно, однако, что они ведут себя в значительной мере аналогично с обеих интересующих нас точек зрения — как с точки зрения устойчивости, так и с точки зрения расширения. Голосовая щель занимает особое положение среди органов речи: она является первым возможным препятствием на пути воздуха, выходящего из легких, и единственным органом, от которого находятся в зависимости все остальные (поскольку за ней начинается разветвление на ротовую и носовую полости). В то же время она достаточно удалена от других органов, чтобы не мешать их различным артикуляциям, а также чтобы работа этих органов не затрудняла существенным образом ее собственную работу. Вибрации голосовых связок практически не мешает никакая смычка, в том числе и смычка в задней части полости рта; напротив, вибрация язычка чрезвычайно затрудняется губной смычкой, а вибрацию кончика языка такая смычка делает совершенно невозможной. В связи с этим оказывается весьма желательным использование различных артикуляций, производимых голосовыми связками, в качестве релевантных характеристик коррелятивных серий, и, действительно, лишь в немногих языках совершенно отсутствует корреляция по работе голосовых связок.

Голос

20. Работа голосовой щели состоит в ее раскрытии и закрытии. Между закрытым и максимально открытым положениями голосовой щели, возможно, существует

промежуточное положение, соответствующее фрикативной артикуляции; однако последняя, по-видимому, не может быть использована в качестве артикуляции, отличной от той, которая соответствует самому открытому положению. Напротив, артикуляция, соответствующая более закрытому положению голосовой щели, а именно вибрирующая, столь хорошо отвечает природе этого органа и является такой характерной в акустическом отношении, что трудно представить себе язык, который бы ее не знал. Именно она называется голосом. В фонологическом отношении противопоставление между вибрирующей, или звонкой, артикуляцией и артикуляцией без голоса является, по-видимому, естественным во всех случаях, когда отсутствие голоса не затрудняет восприятия характерной артикуляции фонемы. Совокупность пар, характеризующихся этим противопоставлением, мы называем корреляцией по звонкости. Из всех корреляций по работе голосовых связок эта корреляция является, бесспорно, наиболее устойчивой и больше всех прочих способна распространяться на различные артикуляторные типы. Ее устойчивость объясняется тем, что одновременно сочетающихся артикуляций не уменьшает четкости различий ни между разными фонемами, ни между наличием и отсутствием голоса. Кроме того, эта корреляция основана на противопоставлении, четко охарактеризованном акустически и физиологически легко осуществимом; тот факт, что она представляет собой просто фонологическое использование двух артикуляторных типов, которые почти обязательно существуют в каждом языке, придает ей исключительную способность к сопротивлению.

21. Причины, препятствующие распространению этой корреляции на всю систему в целом, естественным образом связаны с теми причинами, которые обуславливают столь частое наличие голоса. Наиболее открытые звуки — гласные, носовые, плавные — плохо сочетаются с глухой артикуляцией, и при том тем хуже, чем более открытым является звук. Если специфическая артикуляция сама по себе не является шумной, то для того, чтобы выделить характерную форму резонирующей полости, почти всегда

необходимо наличие голоса. Еще не доказано существование хотя бы одного языка, где имелось бы фонологическое противопоставление между звонкими гласными обычного типа и гласными, произносимыми шепотом. Глухие носовые согласные в качестве комбинаторных вариантов носовых фонем встречаются не так уже редко, однако в качестве самостоятельных фонем они выступают лишь в исключительных случаях. Не менее редкое, хотя и не исключительное явление представляют собою фонологически глухие плавные и полугласные. Нередко для того, чтобы глухие фонемы такого рода сохранили самостоятельность, оказывается необходимой относительно более узкая характерная артикуляция; так, глухое *l* (например, валл. *ll*) становится унилатеральным, то есть практически фрикативным. Таким образом, противопоставление по наличию голоса выступает с особой четкостью, благоприятствующей его закреплению в фонологической системе, главным образом у шумных согласных — взрывных и фрикативных. Следует отметить, что среди культурных языков современной Европы только в финском, эстонском, датском и некоторых диалектах немецкого языка полностью отсутствует корреляция по звонкости.

22. Однако даже в тех случаях, когда корреляция по звонкости распространяется только на взрывные и фрикативные, не исключен конфликт между артикуляцией отдельных фонем и приметой корреляции. Это относится, по-видимому, прежде всего к смычной дорсальной артикуляции [g], которая в отдельных случаях плохо сочетается с наличием голоса. Такая частичная несовместимость объясняется относительно просто. Для осуществления артикуляции, выступающей в данном случае в качестве приметы, необходимо, чтобы поток воздуха не останавливался в момент произнесения фонемы. Если характерная артикуляция фонемы является «открытой» (гласной, плавной, фрикативной и т. п.), ничто не препятствует движению воздуха, выходящего наружу. Напротив, когда речь идет о «закрытой», то есть смычной артикуляции, воздух после смычки может проходить через голосовую щель только в том случае, если пространство между

голосовой щелью и местом смычки достаточно велико для того, чтобы вместить этот служащий для образования голоса воздух. Отсюда следует, что чем дальше от голосовой щели расположено место смычки, тем лучше соответствующая артикуляция сочетается с наличием голоса. По той же причине звонкое взрывное [g], которое артикулируется в задней части полости рта, нередко отсутствует в качестве самостоятельной фонемы в языках, где имеется звонкая серия, включающая апикальное /d/ и губное /b/. Все эти соображения следует учитывать, рассматривая, например, переход *g* в *h* в значительной части славянской области или сохранение (полное или частичное) общегерманского дорсального спиранта в некоторых германских языках, а именно в голландском и древнеанглийском. Существенная асимметрия в системе взрывных согласных, объединенных в корреляцию по звонкости, среди современных европейских языков наблюдается только в голландском и чешском, где отсутствует звонкое соответствие фонемы *k*.

23. Наиболее серьезную угрозу корреляциям по звонкости в целом представляет запаздывание в работе голосовых связок, которое, как мы увидим ниже, может привести к замене корреляции по звонкости корреляцией по придыханию со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями, нарушающими единообразие и устойчивость системы. Дело в том, что фрикативные практически не могут участвовать в изменении такого рода; следовательно, для выполнения функций одной прежней корреляции в новой системе требуется две корреляции. Принято считать, что в корреляциях по звонкости глухие являются более «сильными», а звонкие более «слабыми», хотя и не существует единого мнения относительно точного значения этих терминов. Можно думать, что при произнесении звонких согласных часть энергии, затрачиваемая на вибрацию голосовых связок, оказывается потерянной для специфической артикуляции фонемы, тогда как при произнесении глухих на эту артикуляцию расходуется вся имеющаяся энергия. Это различие затрачиваемой энергии иногда сохраняется в тех контекстах, где звонкость исчезает; вероятно, именно

такое различие существует между франц. *à jeter* «бросать» (инфинитив с предлогом) и *acheter* «покупать»¹. Повидимому, однако, указанное обстоятельство не является источником диахронической неустойчивости.

24. Хотя в настоящий момент мы анализируем сочетаемость различных фонологических признаков с парадигматической точки зрения (то есть с точки зрения системы), в отдельных случаях необходимо вкратце указать на различные ограничения в функционировании корреляций, связанные с закономерностями речевого потока. Существуют позиции, в которых противопоставление между наличием и отсутствием приметы удерживается хуже всего и чаще всего нейтрализуется. Нейтрализация противопоставления по звонкости чаще всего происходит в импловзивной позиции. В этой позиции импловзивная согласная уподобляется следующей за ней экспловзивной согласной, если только последняя также входит в корреляцию по звонкости (иначе говоря, если наличие или отсутствие голоса является для этой второй согласной различительным). В абсолютном исходе вибрация голосовых связок очень часто прекращается раньше конца основной артикуляции и, таким образом, противопоставление по звонкости нейтрализуется. Примечательно, что глухие согласные не озвончаются и противопоставление по звонкости не нейтрализуется под влиянием звонкого окружения, для которого наличие голоса не имеет различительного значения².

25. Корреляция по звонкости невозможна при отсутствии в системе глухой артикуляции; однако относительно того, какое положение голосовых связок является наиболее естественным при отсутствии голоса, единого мнения не существует. Прежде всего, можно

¹ Имеется в виду двусложное произношение /aʒte/ и /aʃte/. В большинстве вариантов современного французского произношения всякая шумная звонкая в положении перед глухой (и, в частности, фонема /ʒ/ в первом из приведенных примеров) оглушается. — *Прим. перес.*

² См. ниже, § 68 наст. гл.

думать, что глухость реализуется при максимально открытой голосовой щели. Именно при таком предположении можно объяснить эволюцию корреляции по звонкости в сторону корреляции по придыханию. Кроме того, трудно представить себе, как при закрытой голосовой щели могут реализоваться глухие фрикативные. Однако, когда речь идет о смычных, не исключена возможность, что звонкая артикуляция противопоставляется не открытой, а закрытой артикуляции. В последнем случае раскрытие голосовых связок должно происходить одновременно с раскрытием смычки, характерной для данной фонемы; при этом звук специфической взрывной артикуляции поглотит звук, возникающий при раскрытии голосовых связок. Таким образом, в акустическом отношении глухая артикуляция с закрытой голосовой щелью может практически не отличаться от артикуляции с открытой голосовой щелью. Это делает возможным параллельное употребление тех и других артикуляций в качестве индивидуальных вариантов, даже в пределах одного языкового коллектива.

Закрытая голосовая щель

26. По крайней мере один тип артикуляции с закрытой голосовой щелью и более или менее отчетливо слышимым звуком гортанного взрыва хорошо засвидетельствован. Разные авторы называют согласные, реализующиеся таким образом, глоттализованными, рекурсивными или эйективными. Этот артикуляционный тип может быть противопоставлен не только типу со звонкой артикуляцией, но и типу артикуляции с открытой голосовой щелью. В акустическом отношении закрытое и открытое положения голосовой щели хорошо противопоставляются друг другу лишь в том случае, если гортанная артикуляция заканчивается несколько позже, чем специфическая артикуляция данной фонемы. Так, например, *t*, произносимое с закрытой голосовой щелью, и *t*, произносимое с открытой голосовой щелью, практически никогда не выступают в качестве самостоятельных фонем, если только при их произнесении голосовая щель не остается закрытой или открытой в течение некоторого времени после

раскрытия апикальной смычки. В последнем случае мы слышим либо гортанный взрыв, либо «придыхание». Поскольку сочетающиеся артикуляции (гортанная и ротовая) в основном одновременны, единство каждой отдельной фонемы не нарушается. Если серии, противопоставляющиеся по признаку открытости или закрытости голосовой щели, являются единственными в системе, продление гортанной артикуляции оказывается практически необходимым только для одной из этих серий. Продление артикуляции с закрытой голосовой щелью дает пары типа /t² /—/t (с открытой голосовой щелью)/; продление артикуляции с открытой голосовой щелью — пары типа /t^h /—/t (с закрытой голосовой щелью)/. В первом случае мы будем говорить о корреляции по глоттализации, во втором — о корреляции по придыханию.

27. Артикуляция глоттализованного согласного предполагает наличие двух одновременных смычек — гортанной и ротовой; кроме того, голосовые связки должны несколько приподняться, чтобы обеспечить сжатие воздуха между двумя точками смычки. Из этого следует, что в корреляцию по глоттализации могут, вообще говоря, входить все супраглоттальные смычные, в том числе и аффрикаты. Интересно, однако, отметить, что во многих языках, имеющих серию глоттализованных согласных, отсутствует глоттализованная лабиальная. По-видимому, трудно создать нужное давление воздуха между закрытой голосовой щелью и сомкнутыми губами, поскольку образующаяся при этом полость ограничена такими мягкими органами, как губы. С другой стороны, можно предполагать, что смыкание и приподнимание голосовых связок делает весьма затруднительным одновременную смычку в области, расположенной ближе к голосовой щели, чем увулярная. В то же время довольно часто корреляция по глоттализации распространяется не только на смычные неносовые артикуляции, которыми она теоретически должна ограничиваться. Так, мы находим глоттализованные щелевые, которые представляют собой результат ослабления старых аффрикат в фрикативные того же ряда, например /s² /, возникшее из /ts² /. Трудно себе представить, как в этих случаях две артикуляции могут хотя

бы частично совпадать во времени; очевидно, фрикативная артикуляция прерывается внезапным закрытием голосовой щели. На самом деле, вероятно, почти все артикуляторные типы могут сочетаться с глоттальным сжатием, которое иногда доходит до полного закрытия голосовых связок. Датские гласные, сопровождаемые «гортанной смычкой» (*stød*) можно было бы назвать глоттализованными, однако лучше не рассматривать их как самостоятельные фонемы, а отнести *stød* к числу просодических элементов¹.

28. Наряду с глоттализованными глухими фонемами, представляющими собой сочетание двух одновременных смычек (причем голосовые связки раскрываются с некоторым запозданием), существуют также преглоттализованные фонемы, при произнесении которых еще до раскрытия смычки в полости рта первоначально сжатые голосовые связки расходятся до положения, соответствующего звонкости. Возникающие в результате звуки являются в основном звонкими. Мы можем таким образом записать соответствующую фонему апикального ряда в виде /²d/. Итак, мы можем представить себе следующий пучок:

p	t	k
p ²	t ²	k ²
b	d	g ¹
² b	² d	² g

В этом пучке постглоттализация и преглоттализация представляют собой по существу одну и ту же примету. Ассимилируясь по звонкости с последующей гласной, фонема /t²/ может перейти в /²d/ и в конечном счете даже в /d/, если звонкость в конце концов распространится на всю фонему. Это позволяет нам представить себе переход корреляции типа

p	t	k
p ²	t ²	k ²

¹ См. «La phonologie du mot en danois», § 7. 21.

в корреляцию

p	t	k
² b	² d	² g

и, наконец, в корреляцию

p	t	k
b	d	g

29. Следует также учитывать, что напряжение, необходимое для смыкания голосовых связок, может распространяться на соседние органы. Первоначально фарингальное сжатие, видимо, автоматически сопровождало глоттальное сжатие, однако впоследствии оно могло стать сначала основным, а затем единственным элементом, характеризующим артикуляцию приметы. Если поместить фарингализованные согласные точкой (расположенной под или над буквой), возможная эволюция будет представлена следующим образом:

p	t	k	⧵	p	t	k	⧵	p	t	k
p ²	t ²	k ²	⧵	<u>b</u>	<u>d</u>	<u>g</u>	⧵	<u>p̣</u>	<u>ṭ</u>	<u>ḳ</u>

Эволюция состоит в последовательном размыкании голосовых связок от полной смычки до положения, соответствующего звонкости, а затем до открытого положения. Если предположить, что глоттализированные согласные эфиопского языка отражают общесемитское состояние, то можно думать, что арабские «эмфатические» прошли именно такую эволюцию¹.

Придыхание

30. Корреляция по придыханию может, вообще говоря, распространяться на все смычные артикуляции, включая аффрикаты. Придыхание, выступающее в качестве приметы, которая различает две серии, как правило, может быть воспринято лишь после раскрытия характерной для данной фонемы ротовой смычки. В акустическом отношении [t^h] есть [t+h], так что, может быть, имело бы

¹ См. «Remarques sur le consonantisme sémitique», BSL, 49, 1953, стр. 67—78.

смысл говорить в данном случае о последовательности двух различительных единиц, если бы не то обстоятельство, что в мускульном отношении обе артикуляции являются в основном одновременными. С диахронической точки зрения корреляция по придыханию часто выступает как неустойчивое переходное образование. Часто ее можно представить как результат изменения бывшей корреляции по звонкости, связанного с запозданием в работе голосовых связок: при произнесении фонем глухой серии голосовые связки, вместо того чтобы вступить в действие немедленно после взрыва, в течение некоторого времени все еще пропускают воздух, не производя голоса, в результате чего возникает придыхание; при произнесении фонем звонкой серии голосовые связки вступают в действие лишь в самый момент взрыва, и таким образом фонемы этой серии в конце концов полностью оглушаются. В том случае, когда ротовая смычка раскрывается довольно медленно, придыхание с фонетической точки зрения может быть поглощено звуком трения в области смычки. Это значит, что серия придыхательных превратится в серию аффрикат. Так, в датском языке /tʰ/ часто звучит как /ts/, особенно перед [i]. Таким образом:

$$\begin{array}{ccc} p & t & k \\ p^h & t^h & k^h \end{array} > \begin{array}{ccc} p & t & k \\ pf & ts & kx \end{array}$$

Если ротовая артикуляция придыхательных не является особенно энергичной, то фонетическое единство артикуляторного комплекса сохраняется нередко ценой потери взрывного элемента. Таким образом, придыхательный превращается в спирант того же ряда:

$$\begin{array}{ccc} p & t & k \\ p^h & t^h & k^h \end{array} > \begin{array}{ccc} p & t & k \\ \varphi & \beta & x \end{array}$$

31. Очень часто придыхание и сопровождающая его глухость вместе противопоставляются наличию голоса, и это легко объяснить, поскольку с артикуляторной точки зрения речь идет о противопоставлении между открытым и вибрирующим положениями голосовых связок. Гораздо менее понятным с теоретической точки зрения является соединение в одну сложную

гортанную артикуляцию придыхания и голоса. Тем не менее мы находим в некоторых языках подобное явление, и вообще лингвисты охотно признают его возможным, ибо серия звонких придыхательных имеется в санскрите, а также традиционно постулируется для общеиндоевропейского. По-видимому, голос в данном случае производится в передней части голосовой щели, а шум трения, который мы называем «придыханием», возникает в ее задней части, где голосовые связки остаются разомкнутыми. Серия типа b^h , d^h , g^h встречается, как правило, лишь в тех языках, где существует также серия глухих придыхательных p^h , t^h , k^h . Это вполне понятно: столь сложная гортанная артикуляция может возникнуть только в результате распространения коррелятивного типа за пределы той области, где он является действительно экономичным. Подобное явление встречается нередко, и ниже мы к нему еще возвратимся¹. Трудно себе представить, однако, чтобы фонемы b^h , d^h , g^h в качестве единственных придыхательных согласных в системе могли быть чем-либо иным, кроме переходного явления. Поскольку в настоящее время имеется тенденция отрицать существование в общеиндоевропейском языке серии глухих придыхательных, следует пересмотреть вопрос о примете так называемой серии звонких придыхательных.

Назальность

32. Корреляция по назальности занимает с точки зрения экономичности системы совершенно особое место среди фонологических группировок. Она является почти всеобщей: нам пришлось бы долго искать, если бы мы захотели найти систему, в которой положение нёбной занавески совсем не использовалось бы в качестве различного признака. Более того, лишь в очень немногих языках носовые² фонемы фигурируют менее чем в двух

¹ См. ниже, гл. VI, § 2.

² Возможно, следует говорить о «назализованных», а не о «носовых» фонемах, поскольку наличие приметы обычно обозначается при помощи соответствующего причастия. Подобно тому, как апикальную фонему $/t^h/$ мы называем глоттализированной, апикальную фонему $/n/$ следовало бы назвать назализованной. В дей-

различных рядах. Однако довольно редко корреляция по назальности включает большое количество единиц. Действительно, примета этой корреляции хорошо сочетается лишь с ограниченным числом артикуляций; но, с другой стороны, полученные таким образом артикуляторные комплексы удобны для произнесения, и (по крайней мере в определенных положениях в речевом потоке) соответствующие им звуки хорошо сохраняют различие между собой и четко отличаются от противопоставляющихся им неносовых звуков. Причины, препятствующие распространению корреляции по назальности, связаны как с восприятием, так и с произнесением. Опускание нёбной занавески — примета корреляции по назальности — с физиологической точки зрения может сочетаться с весьма различными артикуляциями. Однако с акустической точки зрения соединение большинства артикуляций с приметой назальности явно затрудняет сохранение фонологических различий. В большинстве языков существует носовая фонема губного ряда /m/ и носовая фонема зубного ряда /n/; фонема /ɲ/ встречается, по-видимому, приблизительно столь же часто, как и соответствующие ей неносовые фонемы палатального ряда; напротив, /ŋ/ в качестве самостоятельной фонемы встречается несомненно реже, чем /k/ и /g/. Последнее связано, возможно, с тем, что две артикуляции в области мягкого нёба имеют тенденцию препятствовать одна другой и взаимно исключать друг друга. Очень редко выступают в качестве самостоятельных фонем фрикативные носовые, поскольку трение предполагает определенное давление воздуха, которое нельзя создать, если воздух свободно выходит наружу через нос. По той же причине редко встречаются носовые плавные. Выше (см. гл. III, § 29) мы уже видели, что по аналогичным причинам назальность лучше сочетается с открытыми, чем с закрытыми гласными артикуляциями. Во всяком случае, носовые гласные никогда не бывают

ствительности, по крайней мере для согласных, назальность оказывается слишком существенной, чтобы ее можно было представить как добавочный элемент; в то же время в рамках нашего изложения было бы непоследовательно различать назальные (носовые) согласные и назализованные гласные.

такими четкими, как неносовые, и, вероятно, именно поэтому они неустойчивы и редко выступают в роли самостоятельных фонологических единиц. Что касается взрывных артикуляцией, то, как показывает опыт, сама назализация в данном случае воспринимается вполне отчетливо, однако различие между разными рядами, даже если оно выступает достаточно отчетливо в положении перед гласной, в имплозивной части слога оказывается менее четким. Об этом свидетельствует, например, часто встречающаяся нейтрализация носовых согласных в конце слога, где они уподобляются последующей согласной, а в случае, если конец слога совпадает с концом слова, — смешиваются в единой форме /n/ или /ŋ/.

Ретрофлексия

33. В некоторых языках, например в санскрите, имеется ряд согласных, называемых какуминальными, церебральными или, лучше всего, ретрофлексными. При произнесении их кончик языка загибается назад таким образом, что нижняя сторона языка соприкасается с твердым небом. В качестве приметы коррелятивной серии ретрофлексия встречается в некоторых типах произношения в английском языке Америки. В сочетании с гласными артикуляциями она отличает, например, *card* /ka^rd/ «карта» от *cod* /ka^d/ «треска», *court* /kɔ^rt/ «двор, суд» от *caught* /kɔ^t/ «поймал», *got (h)er* /'gata^r/ «получил ее» от *got to* /'gata/ «добрался до». Как показывает орфография, эти ретрофлексные гласные возникли в результате объединения звонкой фрикативной ретрофлексной фонемы, обозначаемой в английском языке *r*, с предшествующей гласной артикуляцией.

Корреляции по тембру

34. Фонемы каждой из серий, входящих в так называемую корреляцию по тембру, характеризуются сочетанием специфической артикуляции с особым типом резонирующей полости. Практически каждый из этих типов определяется формой губ и положением (передним или задним) языка. Следует, однако, учитывать, что опреде-

ленную роль в данном случае могут играть также другие органы, например голосовые связки. Теоретически необходимо различать: 1) корреляцию по палатализации, приметой которой служит выдвижение языка в переднюю верхнюю часть полости рта, 2) корреляцию по веляризации, приметой которой является движение языка назад, 3) корреляцию по лабиализации, приметой которой является округление губ и выдвижение их вперед. Нередко характерное положение губ сочетается с характерным положением языка. Так образуется корреляция по лабиовеляризации, при которой фонемы с приметой сочетают одновременно две артикуляции: округление губ и движение языка назад. С другой стороны, нередко при палатализации губы отодвигаются назад и прижимаются к деснам и зубам. Возникновение лабиовеляризованной и нелабиализованно-палатализованной серий, видимо, часто бывает связано с переносом некоторых различительных признаков гласных на предшествующие им согласные. В подобных случаях лабиовеляризованные согласные возникают под влиянием лабиализованных задних гласных, а палатализованные — под влиянием передних гласных; в результате образуются две параллельные серии, каждая из которых имеет собственную примету. Если для экономичности системы нужно освободиться от одной из двух примет, то, как правило, исчезает примета лабиовеляризации. Причина ясна: любая передняя гласная палатализует предшествующую согласную; что же касается задних гласных, то наиболее открытой среди них часто оказывается /ɑ/, которая является нелабиализованной, а следовательно, не может лабиализовать предшествующую согласную. Таким образом, в подобных случаях общим в воздействии задних гласных на согласные оказывается отрицательный признак — отсутствие палатализации; что же касается лабиализации, то она возникает под влиянием только некоторых задних гласных, а именно гласных верхнего и среднего подъема. Этой лабиализацией можно пренебречь без ущерба для потребностей общения. Веляризацию без сопутствующей лабиализации, возможно заменившую прежнюю глоттализацию, мы отмечаем у арабских «эмфатических» согласных. Действительно, поскольку при «эмфатической» артикуля-

ции основная масса языка отодвигается как можно дальше в заднюю часть полости рта, должны иметь место одновременно и веларизация и фарингализация (причем, видимо, наиболее характерной является именно последняя).

35. Обычно термины «палатализованный» и «лабиовеляризованный» употребляются применительно к сериям согласных, а соответствующие серии гласных называют «передней» и «задней». Такое терминологическое различие оправдано, в частности, тем, что, например, фонема /æ/, входящая (как в английском языке) в серию передних гласных, артикулируется довольно далеко от нёба; с другой стороны, противопоставленная ей фонема /ɑ/ обычно называется «задней»; однако она, безусловно, нелабиализована и артикулируется без участия мягкого нёба. Все это означает, что различия, имеющие силу для закрытых гласных, у открытых гласных устанавливаются с трудом, на что мы уже обратили внимание выше (см. гл. III, § 30 и гл. IV, § 6). Кроме того, можно отметить, что фонема /i/ является не «палатализованной», а «палатальной», фонема /u/ — не «лабиовеляризованной», а «лабиовелярной». Лабиовеляризованное *t* есть [t], то есть апикальная согласная, с которой сочетаются лабиальная и веларная артикуляции, тогда как фонема /u/ является не результатом добавления лабиальной и веларной артикуляций к чему-то еще, а просто результатом этих двух артикуляций. Можно сказать, что приметы палатализованной и лабиовеляризованной серий совпадают с наиболее характерными фонемами передней и задней серий. Этого достаточно, чтобы установить между «палатализованными» и «передними», «лабиовеляризованными» и «лабиализованными задними» весьма специфическое, однако вполне несомненное родство, которое окончательно подтверждается диахроническими данными. На самом деле нет никаких оснований отделять серии гласных от других корреляций по тембру.

36. Корреляции по тембру способны достигать широкого распространения: они включают как согласные, так и гласные. Например, в таком языке, как русский, лишь весьма немногие фонемы не входят в такие корреляции.

Правда, эти корреляции смогли охватить самые различные элементы системы лишь потому, что их две и каждая из них имеет свою сферу действия: в русском языке согласные бывают только палатализованными или непалатализованными, а гласные — только лабиализованными или нелабиализованными. Для русской фонемы /u/ характерной является лабиализация, а не задняя артикуляция, поскольку последняя непостоянна: в некоторых случаях /u/ реализуется как [y]. Точно так же фонема /i/ определяется не как передняя, а как нелабиализованная, поскольку она реализуется после палатализованной согласной как [i], а после непалатализованной — как [y]. Гласная в слове /ti/ вполне может быть более задней, чем гласная в слове /t'u/. Вообще в языке, где согласные обладают собственным фонологическим тембром и, следовательно, не могут «окрашиваться» под влиянием последующей гласной, реализации гласных фонем должны обладать известной свободой. В самом деле, в данном случае скорее гласные могут «окраситься» под действием предшествующих согласных; при этом система останется неизменной лишь в том случае, если это «окрашивание» не повлияет на различительные признаки гласных. Понятно, какой неустойчивой была бы система, в которой одна и та же тембровая характеристика была бы релевантной как для согласных, так и для гласных.

37. В действительности корреляции согласных по тембру представляют собой явление если не редкое, то, во всяком случае, явно ограниченное определенными географическими зонами¹. С точки зрения фонологической экономии существенный недостаток этих корреляций состоит в том, что они как бы захватывают часть области, которую можно рассматривать как принадлежащую собственно гласным. Кроме того, их приметы артикулируются в самой полости рта и поэтому могут приходить в столкновение с артикуляциями, характеризующими различные

¹ Например, евразийская зона, о которой говорит Р. Якобсон в своей работе «Sur la théorie des affinités phonologiques des langues» (Actes du quatrième congrès international des linguistes, Copenhagen, 1938, стр. 48—58). Не ясно, является ли эта зона действительно однородной и столь обширной, как это предполагается.

ряды. Было бы довольно трудно отличить палатализованные палатальные от непалатализованных; кроме того, если место специфической артикуляции расположено поблизости от места артикуляции приметы (как, например, в случае с апикальными и дорсальными), то две одновременные артикуляции часто проявляют тенденцию к слиянию в единую палатальную артикуляцию.

38. Действительно устойчивыми являются такие системы гласных, где противопоставляются две серии, одна из которых характеризуется наличием минимальной резонирующей полости в передней части рта, оттягиванием губ назад и выдвижением языка вперед, а другая — наличием максимальной резонирующей полости в передней части рта, выдвижением губ вперед и движением массы языка назад. В этом случае язык и губы совместно осуществляют наиболее четкое противопоставление между средним и закрытым рядами. Использование в различных целях одного или двух промежуточных по величине типов резонирующей полости (типы передний лабиализованный и задний нелабиализованный), хотя оно встречается нередко, очевидно, вносит в систему элемент неустойчивости. Как уже было сказано выше (§ 6 наст. гл.), всякая система гласных подвержена влиянию асимметричности органов речи. С другой стороны, степень распространения тембровых различий гласных в речевом потоке, как известно, зависит от просодических условий, например от ударения.

Корреляции по артикуляторному типу

39. Наряду с корреляциями, характеризующимися локализованной приметой, известны корреляции, примета которых не имеет никакого объективного существования. В подобных случаях одна серия фонем противопоставляется другой не благодаря наличию у всех фонем одной серии одинаковой одновременной артикуляции, а вследствие наличия у характерных артикуляций всех фонем одной серии какого-то общего признака, который отсутствует у фонем противопоставленной серии. Таким образом, корреляция основана здесь не на противопоставлении двух

артикуляций или наличия и отсутствия определенной артикуляции, а на противопоставлении по артикуляторному типу. Например, одна серия может включать смычные, а другая — фрикативные того же места артикуляции. Такую корреляцию называют корреляцией по приближению (нем. *Annäherungskorrelation*) или по смычности; может быть, однако, правильнее было бы назвать ее корреляцией по смычности — фрикативности, поскольку нередко очень трудно сказать, какой из двух признаков является наиболее характерным. Другая корреляция того же типа включает противопоставленные серии смычных и аффрикат; правда, в большинстве языков, где есть аффрикаты, их следует рассматривать просто как смычные, образующие с соответствующими фрикативными различные ряды: свистящий, шипящий, латеральный и т. д. Корреляция по аффрикации имеется, во всяком случае, в немецком и в готтентотском языках¹.

40. Корреляции указанной категории естественным образом ограничены теми артикуляторными типами, которые они представляют (то есть смычными, фрикативными и аффрикатами): например, корреляция по смычности — фрикативности по определению включает только смычные и фрикативные. Иногда можно сближать тип аффрикат у согласных с типом дифтонгов у гласных, однако в системе гласных мы не находим никакого соответствия противопоставлению смычные — фрикативные. Корреляции по артикуляторному типу неустойчивы по самой своей природе, поскольку артикуляторные зоны, в которых наилучшим образом реализуется смычка, не совпадают в точности с теми, в пределах которых наиболее устойчивыми и акустически четкими являются фрикативные артикуляции. В передней части полости рта самой характерной является билабиальная смычка; щели между зубами препятствуют лабиодентальной смычке; лабиально-апикальная смычка, несмотря на то, что она вполне осуществима, не засвидетельствована ни в одном языке.

¹ Cp. A. Martinet, *Occlusives and Affricates with Reference to some Problems of Romance Phonology*, «Word», 5, 1949, стр. 118—119.

В то же время билабиальным щелевым, точно соответствующим [p b], соответствуют нестойкие артикуляции. Хотя [b] благодаря наличию голоса сохраняется довольно хорошо, оно чаще всего не имеет фонологической самостоятельности и выступает в качестве ослабленного варианта фонемы /b/. Что касается [ɸ], то оно в акустическом отношении представляет собою только шум трения, который постоянно подвергается опасности поглощения сопутствующим ему шумом трения в голосовой щели, в результате чего [ɸ] переходит в [h]. Чтобы стать устойчивыми, билабиальные спиранты должны превратиться в лабиодентальные и образовать самостоятельный ряд, отличный от ряда билабиальных /p/ и /b/. Апикальные по своей природе являются наиболее устойчивыми артикуляциями. Щелевые этого ряда [θ ð] артикулируются несколько ниже, чем соответствующие смычные; это вполне естественно и делается, по существу, автоматически, чтобы обеспечить проход воздуха. Такие звуки часто бывают довольно устойчивыми, однако и они могут «усиливаться» в [f v] или ослабляться до нуля. Часто постулируемый переход их в [s z], по-видимому, почти всегда является результатом неточного подражания при контакте языков или разных типов произношения. При наиболее обычном произношении в датском слове *agt* [axt] «внимание» слышится дорсальная щелевая, соответствующая [k] (некоторые произносят в этом случае смычное [k]). В нем. *acht* «восемь», где фрикативный характер *ch* имеет различительное значение, этот звук гораздо устойчивее, он артикулируется в самой задней части полости рта, а нередко становится даже увулярным. Этот сдвиг назад, по-видимому, необходим для того, чтобы обеспечить устойчивость дорсальной фрикативной, в особенности глухой, но тогда снова появляется тенденция к образованию самостоятельного ряда. Передняя глухая дорсальная фрикативная (например, *ich-Laut* в немецком языке), если она обладает самостоятельностью, стремится стать еще более передней и часто превращается в шипящую; правда, такую тенденцию имеет, очевидно, весь палатальный ряд. Свистящим и шипящим, то есть наиболее четким и, как правило, устойчивым щелевым, чаще соответствуют аффрикаты, чем обычные

смычные; корреляция по смычности — ффрикативности особенно прочно удерживается именно в этих рядах.

41. Отношения между смычными и аффрикатами неустойчивы по тем же причинам, что и отношения между смычными и ффрикативными. В тех относительно редких случаях, когда не следует рассматривать аффрикаты как простые смычные, аффрикаты, вероятно, соответствуют существовавшей ранее серии придыхательных, а однородные смычные — серии непридыхательных. Таким образом, первоначально специфическая артикуляция коррелятивных фонем этих двух серий была одинаковой; мы видим, однако, что впоследствии артикуляция аффрикат несколько сместилась, благодаря чему образовался более устойчивый моторно-акустический тип. Так, мы находим [pf] (с несколько специфическим [p]) вместо [pʔ], [ts] вместо [tθ]; [kx] артикулируется очень глубоко, скорее в увулярной, чем в задненёбной области. Здесь опять обнаруживается тенденция к образованию новых рядов.

42. В синхроническом описании интерпретация аффрикат представляет собой довольно сложную проблему в связи с их неоднородностью. Вместе с дифтонгами, являющимися в некотором смысле их соответствием в системе гласных, они составляют класс артикуляторных комплексов, фонологическая интерпретация которых относится к числу вопросов синхронического анализа, до сих пор сохраняющих свою актуальность¹. Диахронические исследования дают меньше оснований сомневаться в единстве аффрикат, поскольку последние явно происходят из первоначально однородных артикуляций. Однако запись аффрикат в виде двух последовательных знаков, обусловленная либо определенной традицией, либо типографскими соображениями, часто приводит к тому, что эти звуки рассматриваются как образующие самостоятельный тип, отличный от смычных. Существенный недостаток такого их истолкования состоит в том, что оно маски-

¹ К этому вопросу недавно вновь обратился Луис Прието в статье «Traits oppositionnels et traits contrastifs», «Word», 10, стр. 120—122.

рует принципиальную тождественность некоторых изменений. Так, если учесть, что перед передней гласной дорсальная палатализуется и ассибилируется, то оказывается, что развитие /z/ во французском *raisin* «виноград» из /k/ в латинском *racētim* во всех отношениях параллельно развитию /v/ во французском *rive* «берег» из /p/ в латинском *rīpa*. Интервокальное [ts] перешло в [dz] совершенно аналогично тому, как [p], находящееся в такой же позиции, перешло в [b]. Когда [b] потеряло смычный характер и превратилось в [β], то же произошло и с [dz], которое перешло в [z]. Таким образом, единственное различие в развитии этих звуков заключается в том, что [β] «усилилось» в [v], а [z] вследствие предвосхищения палатальной артикуляции дало [iz]¹.

Напряженные и ненапряженные артикуляции

43. Существует еще одно различие по артикуляторному типу, которое довольно мало изучено и границы которого не вполне ясны. Речь идет о различии между напряженными и ненапряженными артикуляциями. Этот тип недостаточно четко определен, видимо, по двум причинам: прежде всего потому, что часто бывает трудно отличить общую напряженность речевого аппарата от специфического напряжения того или иного органа (здесь нас интересует только последнее); во-вторых, потому, что противопоставление специфического напряжения определенного органа ненапряженному состоянию того же органа может быть использовано в фонологических целях, по существу, лишь в особо благоприятной для этого зоне, в результате чего реализуется скорее противопоставление различных рядов, чем различных серий. Такой привилегированной зоной является язык, и особенно его передняя часть. Очевидно, напряжение языка приводит к образованию на его поверхности продольного желобка. В результате при произнесении фрикативных воздух трется о стенки узкого продольного канала. Когда язычная артикуляция не является напряженной, поверхность языка становится более плоской, и воздух трется об относительно ненапря-

¹ Ср. «Word», 5, 1949, стр. 120—122.

женные края поперечной щели. Акустические результаты оказываются весьма различными в зависимости от того, как проходит воздух — по каналу или сквозь щель. Именно в этом и состоит существо различия между [s] и [θ], [z] и [ð]. Ненапряженное дат. [ð], артикулирующееся кончиком языка у нижних зубов, то есть точно так же, как франц. /z/, отнюдь не совпадает с последним; и действительно, в акустическом отношении его следует классифицировать вместе с апикальным [ð].

„Rehilantes“

44. Описанный тип локального напряжения не совпадает с тем явлением, которое испанские фонетисты называют *rehilamiento* «дрожание, колебание». Так, исп. /θ/ определяется как *rehilante* «дрожащая, колеблющаяся», хотя, несомненно, при ее артикуляции возникает щель, описанная нами как ненапряженная. *Rehilamiento* предполагает вибрацию слизистой оболочки в месте артикуляции, однако фонетисты, занимавшиеся этой проблемой, не имеют единого мнения относительно того, каким образом происходит эта вибрация¹. Во всяком случае, речь, несомненно, идет об общем артикуляторном усилении, которое чаще затрагивает серию, чем ряд, тогда как описанное выше локальное напряжение именно в силу своей локализованности характеризует один или несколько рядов. По своему происхождению *rehilamiento* есть то, что в сочетании с глухостью, а в отдельных случаях также с небольшими различиями по месту артикуляции, отличает в испанском языке /θ/ от [ð] (вариант фонемы /d/), /x/ от [g] (вариант фонемы /g/), /f/ от [b] (вариант фонемы /b/). Существо различия заключается в следующем: испанское [ð] — это недостаточно закрытое [d]; испанское /θ/ представляет собой довольно открытое [θ], поскольку в данном случае открытость необходима, чтобы эта фонема отличалась от /t/.

¹ О состоянии вопроса см. Bertil M a l m b e r g, Le problème du classement des sons du langage, «Studia linguistica», 5, 1952, стр. 18—20.

„Резкие“ и „нерезкие“

45. Роман Якобсон¹ включает рассматриваемое нами противопоставление по локальному напряжению в рамки более широкого противопоставления между «резкими» (англ. *strident*, франц. *stridentes*) и «нерезкими» (англ. *mel-low*, франц. *mates*). «Нерезкими» считаются простые смычные, которые противопоставляются аффрикатам как «резким»; «нерезкими» оказываются также щелевые, точно соответствующие смычным по месту образования, в противоположность «резким» щелевым, образующимся в других точках. Если речь идет лишь о том, что щелевые, возникшие непосредственно из смычных в результате их ослабления, менее совершенны, чем щелевые специфической артикуляции, и что лингвистическая экономия обычно благоприятствует последним в ущерб первым, то ничто не мешает нам говорить о «резких» и «нерезких». Однако такой постулат становится опасным, когда в соответствии с общими принципами бинаризма появляется стремление обязательно обнаружить в языке пары, противопоставляющиеся по «резкости», и рассматривать это противопоставление как абсолютную необходимость для всякого языка, обладающего известной степенью сложности. С диакронической точки зрения существуют веские основания для того, чтобы соотносить «нерезкое» [θ] скорее с «резким» [f], чем с [s]. В соответствии с теорией Якобсона испанские фонемы /f/, /s/ и /x/ следовало бы отнести к числу «резких», а фонему /θ/, наряду с позиционными вариантами [b], [ð], [g], — к числу «нерезких». Однако совершенно очевидно, что отношение /θ/—[ð] как с фонологической, так и с фонетической точек зрения принадлежит к тому же типу, что и отношения /f/—[b] и /x/—[g], и в этом случае безусловно правы испанские фонетисты с их *rehilamiento*, а не бинаристы с их априорным распределением звуков по рубрикам. Бинаристы забывают прежде всего то, что в звуковой реальности нет абсолютного; не существует абсолютно «резких» или абсолютно «нерезких» звуков, а имеется, видимо, непрерыв-

¹ Roman Jakobson, C. G. M. Fant, Morris Halle, Preliminaries to speech analysis, Cambridge, Mass., 1952, стр. 23—26.

ная градация по «резкости». Возможно, [ʔ] всегда бывает менее «резким», чем [θ], а [θ] — менее «резким», чем [s]. Однако в разных языках в зависимости от потребностей и традиций /θ/ может оказаться в одном разряде с /ʔ/ или с /s/, с «нерезкими» или с «rehilantes». Следует еще раз повторить, что не язык должен приспосабливаться к теориям лингвистов, а, напротив, лингвисты должны видоизменять свои методы, если они не дают правильной картины языка.

Напряжение и степень открытости

46. В системе гласных противопоставление по наличию и отсутствию локализованного напряжения должно давать возможность различать две серии, поскольку язык, и в особенности его передняя часть, играет в образовании гласных существенную роль. Однако отсутствие напряжения приводит, видимо, к большей степени открытости, и, вероятно, было бы довольно трудно сохранить различие между ненапряженным *i* и напряженным закрытым *e*, если бы оно заключалось только в степени напряженности. В действительности у самых закрытых гласных ненапряженность весьма четко отличается от открытости. Это отражается, в частности, в существовании специальных знаков в системе транскрипции: ср. англ. *seat* [sit] «сиденье» и *sit* [sit] «сидеть». Любой человек со средним слухом способен услышать разницу между напряженным [e] в дат. *brik* «шашка» и ненапряженным [i] в англ. *brick* «кирпич»; однако различать при произнесении и восприятии ненапряженное [e] и напряженное [ɛ] было бы слишком сложно. Различия такого рода менее четки также в задней позиции. В действительности различия по напряженности чаще всего сочетаются с количественными различиями и в этих условиях эффективно способствуют сохранению фонологических противопоставлений.

Интенсивность

47. Под общим названием «корреляции по интенсивности» можно объединить некоторое число корреляций, приметы которых не могут быть локализованы, поскольку

они не представляют собою ни особой артикуляции (как в случае корреляции по звонкости), ни особого артикуляторного типа, общего для всех фонем серии (как в случае корреляции по смычности — фрикативности). Вообще говоря, рассматриваемые нами противопоставления по интенсивности отличаются от описанных выше противопоставлений по напряженности, так как последние предполагают наличие локализуемого различительного признака. Это различие представляется существенным с теоретической точки зрения. Практически же оказывается довольно трудно определить ту зону речевого аппарата, в которой реализуется противопоставление между английскими *seat* /sit/ и *sit* /sit/. Не ясно, ограничивается ли здесь зона напряжения передней частью языка и даже языком вообще. Во всяком случае, известно, что противопоставления по напряженности часто сочетаются с количественными противопоставлениями. Тип корреляций с нелокализуемой приметой, включающий количественные противопоставления, мы рассмотрим ниже.

Корреляции по силе

48. В корреляциях по силе серия фонем, артикулируемых весьма энергично, противопоставляется серии фонем, артикулируемых со средней или малой энергичностью; например:

P	T	S	.	.	.
p	t	s	.	.	.

Такие корреляции действительно встречаются, однако гораздо чаще различие по энергичности сочетается с фонетическим различием какого-нибудь другого типа, образуя с ним единое противопоставление. Например, сильная серия может быть глухой, а слабая — звонкой; интенсивность может также сочетаться с придыханием или с глоттализацией.

Корреляции по количеству

49. В корреляции по количеству серия фонем большой длительности противопоставляется серии фонем средней

или очень малой длительности; например:

p:	t:	.	.	.	a:	e:	.	.	.
p	t	.	.	.	a	e	.	.	.

Корреляции этого типа существуют в самых различных языках и распространяются либо на гласные, либо на согласные, либо на те и другие одновременно. Одни языки различают /a:ta/ и /ata/, другие — /at:a/ и /ata/; третьи используют в различительных целях противопоставление между /a:ta/, /ata/, /at:a/ и даже /a:t:a/ (во всех приведенных схематических примерах второе /a/ представляет любую долгую или краткую гласную; первое /a/ и /t/ представляют, соответственно, любую гласную и любую согласную, но уже определенной длительности). Во многих языках за долгими гласными могут следовать только краткие согласные (тип /a:ta/), а за краткими гласными (по крайней мере в ударной позиции) — только долгие согласные (тип /at:a/). В этих случаях иногда бывает трудно определить, какая именно долгота — долгота гласной или долгота согласной — является фонологически релевантной. Если все же оказывается, что в конце слова противопоставление кратких и долгих гласных сохраняется, это означает, что данное противопоставление самостоятельно; из этого следует сделать вывод, что релевантной является именно долгота гласных. Во многих языках, которые имеют противопоставление кратких и долгих гласных, более полной оказывается серия кратких гласных, и распределение именно этих гласных подвержено наименьшему количеству ограничений. В таких случаях мы говорим, что долгота является приметой корреляции. Однако существуют языки, в которых более полной оказывается серия фонем относительно бóльшей длительности, при этом некоторым ограничениям подвержено распределение именно кратких гласных. В подобных случаях мы часто замечаем, что произнесение кратких гласных обрывается как бы резкой остановкой, и эти гласные кажутся усеченными. С другой стороны, фонемы противоположной серии являются действительно долгими лишь в некоторых наиболее благоприятных условиях, а в остальных положениях имеют

среднюю длительность. Так, первые две гласные в немецком слове *Militär* «военнослужащий» не являются долгими. Однако в фонологическом отношении они тождественны гласной [i:] в слове *siegen* «побеждать», а отнюдь не гласной [ɪ] в слове *dicker* «толстый» (о фонологической тождественности всех гласных типа [i] в словах *Militär* и *siegen* свидетельствует их напряженная и закрытая артикуляция, а также наличие слогораздела, следующего непосредственно за ними; в слове же *dicker* дело обстоит совершенно иначе). Мы можем представить такую корреляцию следующим образом:

a	e	i	.	.	.
ǣ	ě	ĩ	.	.	.

По-видимому, не исключена возможность существования в одном и том же языке трех противопоставленных по количеству серий гласных — серии долгих, неусеченных и усеченных¹.

50. Вопрос о том, в каких случаях мы можем или даже должны интерпретировать долгую фонему как последовательность двух одинаковых или различных фонем, относится к числу наиболее спорных. Лингвисты, занимающиеся синхроническим описанием, считают своим долгом в каждом отдельном случае ответить либо да, либо нет. В диахронических исследованиях мы твердо решили оперировать, когда это оказывается полезным, не только фонемами, но и группами фонем, поэтому для нас несущественно, чему противопоставляется сочетание /tat/ — сочетанию /ta:t/ или /taat/, если в рассматриваемом языке [ta:t] и [taat] не могут противопоставляться друг другу. Факты, на основании которых при синхроническом описании исследователь отдает предпочтение одной из этих интерпретаций, необходимо должным образом учитывать также и при описании диахроническом; однако если в синхронии эти факты используются для того, чтобы получить относительно простое описание некоторых ста-

¹ Ср. T r o u b e t z k o y, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 209—210.

тических аспектов языка, то в диахронии их надлежит рассматривать лишь как часть совокупности условий. Аналогичным образом следует подходить к удвоенным согласным; их можно либо сближать с соответствующими простыми (или краткими) согласными, и в этом случае считать долгими согласными, либо рассматривать как сочетания согласных и противопоставлять непосредственно другим сочетаниям.

Противопоставительная и выделительная интенсивность

51. По своей природе противопоставление по интенсивности, очевидно, способно к очень широкому и даже всеобщему распространению. Ведь всякий звук может артикулироваться с большей или меньшей энергичностью и обладать большей или меньшей длительностью. Однако в действительности такие корреляции оказываются не особенно устойчивыми и часто претерпевают различные видоизменения. Основная причина этой неустойчивости заключается в следующем: в большинстве языков интенсивность (как в ее основной, динамической форме, так и в производной — в виде длительности) используется для реализации контрастов в речевом потоке, иначе говоря, для осуществления ударения. Между противопоставительным и выделительным использованием интенсивности непременно возникнут противоречия; они будут разрешаться путем различного рода ограничений, которые могут привести к полному вытеснению интенсивности из одной или из другой сферы. Не выходя из основной сферы действия различительной функции, мы все же можем сказать, что, по-видимому, фонема составляет слишком короткий отрезок речевого потока для того, чтобы в ее пределах могло быть действительно экономичным противопоставление по силе. Такое противопоставление оказывается по-настоящему экономичным в основном лишь в пределах слога. Не ясно, всегда ли слог является единицей интенсивности; однако несомненно, что во всех случаях, когда интенсивность вообще проявляется, единица интенсивности находит свое наиболее естественное место именно в таком отрезке речи, как слог.

52. Существованию или по крайней мере распространению корреляции по интенсивности в плане противопоставлений между фонемами часто угрожает вполне естественная тенденция к ослаблению (или сокращению) фонем серии без приметы, что дает им возможность более четко отличаться от соответствующих фонем серии с приметой. Ослабление или редукция нередко приводят к тому, что различие между фонемами этих серий, по крайней мере в наименее благоприятных условиях, становится ненадежным. Так, в безударной позиции при сохранении различия между долгими гласными различие между краткими может нейтрализоваться¹. Слабые фонемы могут даже исчезнуть: например, в португальском языке интервокальные *n* и *l* исчезли (ср. *lua* «луна» из лат. *lūna* и *veu* «шарус» из *velum*) под давлением соответствующих им сильных (ср. *pena* «перо» из *penna* и *colo* «шея» из *collum*). Как мы увидим ниже (§ 64 и 65 наст. гл.), говорящие стремятся затрачивать равное количество энергии на произнесение единиц, приблизительно равных по своей различительной значимости. Это делает неустойчивой по природе всякую фонологическую группировку, в которой единицы, имеющие одинаково важное различительное значение, противопоставляются только по количеству затрачиваемой энергии.

53. Чтобы дополнить проведенное нами сравнение различных типов фонологических группировок с точки зрения принципа экономии, следовало бы рассмотреть, как могут сочетаться между собой приметы различных корреляций. Многие случаи могут быть ясны уже из нашего изложения. Например, рассматривая как единое целое корреляции по работе голосовых связок, мы указывали также на преимущества и недостатки тех или иных сочетаний их примет. Как правило, мы отмечали те случаи, когда две приметы (например, назальность и глухая артикуляция) оказываются несовместимыми. Возможно, некоторые из подобных связей

¹ По-видимому, именно такое явление произошло в срединных слогах слова в доклассической латыни; ср. также положение в языке калиспел, описанное Г. Фогтом (Hans Vogt, *The Kalispel language*, Oslo, 1940, стр. 24).

ускользнули от нашего внимания, поскольку наш анализ основан, как это можно было заметить, главным образом на личном и, следовательно, ограниченном знакомстве с диахроническими возможностями. Мы стремились не столько к тому, чтобы изложить вопрос исчерпывающим образом, сколько к тому, чтобы проиллюстрировать одно из возможных воздействий лингвистической экономии на развитие системы.

Отрицательное влияние сложности

54. Изложенные выше положения можно было бы резюмировать следующим образом: наилучшими являются фонемы, представляющие собой сочетания таких различных признаков, которые, реализуясь одновременно, не мешают друг другу ни в мускульном, ни в акустическом отношениях. Однако если учесть, что реализация каждого из этих признаков связана с определенной затратой энергии, то может возникнуть вопрос, не является ли фонема тем менее экономичной, чем более она сложна. Рассмотрим фонему /l/ в языке, не имеющем других латеральных фонем. Эта фонема характеризуется единым признаком латеральности. В действительности латеральная артикуляция обычно сопровождается вибрацией голосовых связок и поднятием нёбной занавески, однако все это производится автоматически и не входит в определение фонемы. Чаще всего поднятие нёбной занавески и вибрация голосовых связок возникают под влиянием речевого контекста, например типа /ala/. Если соседние фонемы являются глухими или носовыми, латеральная может произноситься и без вибрации голосовых связок (например, в /apl/) или с носовым резонансом (например, в /alna/). Теперь рассмотрим фонему /d/ в языке, где существуют, кроме того, фонемы /t/ и /n/. Фонема /d/ представляет собой сочетание трех различительных признаков: 1) апикальности, противопоставляющей ее звонким неносовым другим рядам, 2) звонкости, противопоставляющей ее фонеме /t/, 3) неназальности, противопоставляющей ее фонеме /n/. При каждой реализации фонемы /d/ говорящий должен следить за тем, чтобы она артикулировалась в определенном месте и сохраняла свою звон-

кость, а также чтобы не опускалась нёбная занавеска. Несущественно, что именно мы должны предположить в данном случае — дополнительную затрату энергии со стороны говорящего или, может быть, повышение его внимания или усиление напряжения. Важно, что произнести фонему /l/ оказывается легче, чем фонему /d/. Поэтому можно было бы ожидать, что говорящие будут бессознательно стремиться расширить сферу употребления фонемы /l/ и других простых фонем языка и в той или иной степени сузить сферу употребления смычных фонем типа /d/. Правда, поскольку, как мы уже видели, смычная апикальная артикуляция оказывается общей для всех трех фонем (/t/, /d/, /n/), она, видимо, должна встречаться чаще, чем латеральная артикуляция, а потому эта артикуляция будет усваиваться раньше и станет более привычной. Каким бы интересным ни казалось каждое из этих соображений само по себе, о его относительной ценности можно судить лишь на основании реальных языковых фактов. Мы можем констатировать, что в действительности в языках, где имеются указанные фонологические условия, не существует обязательного правила, согласно которому фонема /l/ должна встречаться чаще, чем /d/, или наоборот, фонема /d/ — чаще, чем /l/. Вероятно, в данном случае преимущества простоты и преимущества участия в группировке взаимно уравновешиваются.

Цифф

55. Первое предположение о том, что между сложностью фонем и их частотностью в речевом потоке существует обратное отношение, принадлежит Джорджу К. Циффу¹. Цифф с самого начала придал своей теории диахроническую направленность, указав, что равновесие между этими двумя величинами поддерживается следующим образом: если частотность определенной фонемы изменяется, то следует ожидать, что ее сложность изменится в обратном направлении. Если, например, частотность фонемы

¹ См. «Harvard studies in classical philology», 40, 1929, стр. 1—95, а более подробно — в книге «The psychology of language», Cambridge, Mass., 1935, особенно стр. 49 и сл.

/d/ в речи увеличилась вследствие распространения определенного окончания на новые грамматические категории, то должна появиться тенденция к уменьшению сложности этой фонемы, в результате чего произойдет фонетическое изменение. В общем виде эта теория весьма заманчива. Так, если бы в каком-нибудь языке перед любым фонетическим отрезком звукового потока обязательно находилась определенная артикуляция или артикуляторный комплекс, то эта артикуляция (или комплекс) не имела бы никакого различительного значения (поскольку ее появление было бы всегда предсказуемым). Мы могли бы ожидать, что эта артикуляция будет реализовываться все менее четко и в конце концов полностью исчезнет. Вообще, чем менее предсказуемо появление определенной фонемы, то есть, грубо говоря, чем реже она встречается, тем больше ее различительное значение и тем больше шансов, что говорящие будут артикулировать ее достаточно четко. Трудно себе представить, чтобы очень часто встречающаяся фонема могла оставаться слишком сложной. Правда, на практике не всегда легко определить степень сложности фонемы, и, как мы уже видели, сама эта сложность дает определенные преимущества, которые, по-видимому, в какой-то мере уравнивают связанные с ней дополнительную затрату энергии или дополнительное напряжение. Хотя теория Ципфа и не осталась незамеченной, она все же не получила широкого отклика. Она появилась в эпоху, когда «прогрессивные» лингвисты интересовались гораздо больше описанием языковых состояний, чем лингвистической динамикой. Применение теории Ципфа к конкретным языковым проблемам было малоубедительным: Ципф часто не учитывал многих данных и действовал в духе младограмматиков, не особенно заботясь об исторической перспективе. Так, например, его анализ германского передвижения согласных¹ является исключительно поверхностным, а его утверждение, что одной из причин передвижения было значительное увеличение частотности смычных в связи с массовым выпадением гласных и отпадением окончаний, противоречит

¹ См. G. Zipf, *The psychobiology of language*, Cambridge, Mass., 1935, стр. 121 и сл.

тому, что нам известно о действительной хронологии этих явлений. Кроме того, Ципф был неправ, желая объяснить все явления с помощью постулируемого им равновесия. Безусловно, благодаря таким объяснениям он часто оказывал плохую услугу своей теории вместо того, чтобы ее подкреплять. Наконец, он не подверг пересмотру вопрос о действительной сложности фонем. Нельзя, например, без специального анализа утверждать, что звонкие смычные более сложны, чем глухие; последние обычно бывают более сильными, а это можно рассматривать как элемент сложности. Например, в звонком контексте типа [ара] глухость [p] есть факт, усложняющий работу органов речи. Слишком часто¹ в чрезвычайно спорных случаях Ципф (считая, видимо, что он уже убедил своих читателей) пытался сделать вывод о большой сложности той или иной единицы лишь на основании ее малой частотности, поскольку он умел определять частотность, но не сложность.

Ципф — Трубецкой

56. К так называемому закону Ципфа обратился Трубецкой²; он попытался дать этому закону собственно фонологическую формулировку и уточнить, в каких именно случаях мы можем говорить о большей или меньшей сложности. Правда, даже в этих случаях Трубецкой признает наличие лишь весьма слабой связи между указанными двумя величинами. Трубецкой переносит проблему в план синхронии, не пытаясь определить, какое значение для языковой эволюции имеет эта связь между сложностью и относительно малой частотностью. Сам Ципф, обращавший, очевидно, мало внимания на те отклики, которые его теория фонетической эволюции вызвала в Европе, не вернулся к этим вопросам в своей книге о законе наименьшего усилия; возможно, это означает, что он больше не считал достаточно обоснованными свои утверждения о звуковой субстанции.

¹ Там же, стр. 76—79.

² Ср. Т р у б е т з к о у, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 282—284.

Мутация или отбор?

57. Возвращаясь к нашему основному вопросу, мы должны отметить следующее: Ципф в своем стремлении обнаружить причину фонетических изменений, вероятно, слишком поторопился объявить, что относительная редкость сложных фонем и относительная частота простых во всех случаях является результатом процесса, аналогичного колебанию чашек весов. Согласно Ципфу, фонетические изменения следует объяснять тенденцией к уменьшению сложности фонемы до той степени, которая соответствует ее возросшей частотности, или к увеличению этой сложности до уровня, подсказываемого относительной редкостью фонемы. Но разве совершенно исключено, что говорящие, делая выбор между элементами, находящимися на пути к грамматикализации, то есть между элементами, фонемы которых приобретут в скором будущем большую частоту, могут бессознательно отдавать предпочтение элементам, содержащим наиболее простые артикуляции и наименее сложные фонемы? С другой стороны, кто будет отрицать, что так называемая лексическая смертность может до известной степени определяться бессознательным предпочтением одних фонем другим? Если исходить только из регулярных «фонетических законов», которым фонема обязана своим происхождением, и тех звуков, из которых она развивается в соответствии с этими законами, то во многих случаях частотность фонемы объяснить довольно трудно. Именно так обстоит дело, например, с начальным *b* во французском языке.

58. Мы не можем восстановить с достаточной точностью ни одного общиндоевропейского слова, которое началось бы с фонемы, выступающей в латинском, греческом и санскрите как *b*, в германских языках как *p*¹. В латинском языке есть несколько начальных *b*, которые в собственном римских словах происходят, как правило, из **dw*-; однако, если даже учитывать заимствования, то латинских слов, начинающихся на *b*-, окажется совсем

¹ Ср. Holger Pedersen, Die gemeinindoeuropäischen und die vorindoeuropäischen Verschlusslaute, Kopenhagen, 1951, стр. 10—12.

немного. Между тем в современном французском языке на *b* начинается почти столько же слов, сколько их начинается на *d* (в энциклопедическом словаре *Petit Larousse* первые занимают 52 страницы, вторые 56). Сравнение с *g* затруднительно в связи с такими фонетическими изменениями, как палатализация, а также усилением *ɑ* в германских заимствованиях. Однако независимо от того, как мы будем подсчитывать слова, начинающиеся со звука [g], — учитывая ли процесс палатализации или, следуя этимологическому принципу, до процесса палатализации, — полученный результат окажется заметно меньшим, чем для *b*- или для *d*-. Такое большое количество слов на *b*- восходит к самым различным источникам, однако, очевидно, даже в наиболее важных из них *b*- встречается не настолько чаще, чем *d*-, чтобы это могло существенно компенсировать относительную редкость *b*- по сравнению с *d*-. Конечно, можно указать на то, что французские слова, непосредственно (то есть по изустной традиции, благодаря передаче из поколения в поколение) восходящие к общендоевропейскому языку, представляют собой лишь очень незначительную часть современного словарного состава, в особенности если подсчет ведется по страницам словаря. И все же в большинстве слов на *d*-, содержащихся во французских словарях, независимо от того, являются ли эти слова «народными» или «учеными», образовались ли они давно или совсем недавно (например, с помощью префикса на *d*-), это начальное *d*- восходит к латинскому *d*-, которое в свою очередь можно возвести к общендоевропейскому **d*-. Несмотря на то, что имеется огромное количество слов, образованных с помощью префиксов на *d*-, тогда как часто встречающихся префиксов на *b*- не существует вообще, слова на *b*- и на *d*- в лексике практически встречаются одинаково часто. Это значит, что существует явно больше простых слов на *b*-, чем на *d*-. Мы можем, наверное, предположить определенную последовательность явлений, которая начинается с заполнения пустой клетки путем перехода **dɑ*- в *b*- (более вероятно, что здесь имело место явление катализа, а это предполагает существование нескольких редких *b*- еще до перехода **dɑ*- в *b*-). Это начальное *b* в течение долгого времени встречалось очень редко как в лексиче-

ских единицах, так и в речевом потоке, вследствие чего и приобрело необычное различительное, а также экспрессивное (при обозначении неуклюжести, неловкости и т. п.) значение, которое придало особую жизненность содержащим его словам. Экспрессивное значение *b-*, предполагаемое нами для прошлого, по-видимому, не полностью исчезло у французской фонемы /b/ (следует отметить, что частотность этой фонемы в речи все еще сравнительно невелика; она оказывается небольшой также и в лексике, если учитывать все позиции¹). Вполне возможно, что наличие *-b-*, удлиняющегося при «эмфатическом ударе-нии», в слове *imbécile* «слабоумный» (разг. «дурак») способствовало семантической эволюции этого слова и его широкому распространению². Многие, вероятно, согласятся, что *b-* в словах *balourd* «тупица» и *ballot* «тюк» (разг. «увалень, олух») хорошо соответствует значению первого и разговорному употреблению второго. Отметим также весьма различное значение «синонимов» *bête* «зверь, животное» (а также «дурак, глупый») и *animal* «животное» (разг. «скотина») в применении к человеку. Все это уводит нас довольно далеко от цифровой строгости Ципфа: по-видимому, прогрессивному распространению французского /b/ в большей мере, чем его довольно относительная фонологическая простота, способствовало его различительное и экспрессивное значение, связанное, с одной стороны, с низкой первоначальной частотностью, с другой стороны, с некоторыми его фонетическими качествами; по мере распространения самой фонемы это значение, естественно, частично утрачивается.

¹ По Ципфу (там же, стр. 75), частотность *b* равна 1,39% против 3,55% для *d* и 3,54% для *p*. Из 98 слов аргю Политехнической школы, записанных одним из воспитанников этой школы (как будут использованы эти записи, ему было неизвестно), 24, то есть более чем каждое пятое, начиналось на *b-*. Другие проверки подтвердили это отношение.

² Это слово по своему происхождению является «ученым» заимствованием из латыни. Его широкое распространение в разговорной речи относится к сравнительно недавнему времени. — *Прим. перес.*

Сохранение сложности частых артикуляций

59. Итак, все действительные случаи относительной частоты простых и относительной редкости сложных артикуляций можно попытаться объяснить своего рода естественным отбором. По-видимому, все же нельзя отрицать, что сложность определенных фонем или, точнее, фонем определенных серий может явиться одним из факторов, определяющих или облегчающих мутацию в тех случаях, когда частотность этих фонем заметно возрастает. Лингвистическим опытом не подтверждается лишь то, что нарушение равновесия между частотностью и сложностью вызывает восстанавливающую равновесие мутацию обязательно и немедленно. Можно подвергать сомнению установленную Ципфом градацию фонем по сложности. Однако некоторые случаи представляются несомненными. Примером могут служить звонкие придыхательные, сочетающие две гортанные приметы (голос и гортанное трение), которые кажутся почти несовместимыми, поскольку вибрация и трение соответствуют разным степеням открытости голосовой щели. Как мы уже указывали выше (см. § 31 наст. гл.), серия звонких придыхательных засвидетельствована лишь в языках, где существует также серия глухих придыхательных. Этот факт составляет как раз то условие, которое позволяет нам с фонологической точки зрения определить эти согласные как звонкие. В языке, где существуют только типы *t*, *d* и *dh*, последний определяется лишь как придыхательный, поскольку все придыхательные являются звонкими, и, следовательно, придыхательность подразумевает звонкость. В санскрите, где имеются глухие и звонкие придыхательные, менее сложные глухие придыхательные представляют собой довольно редкие фонемы, тогда как звонкие придыхательные встречаются очень часто, несмотря на то, что они гораздо сложнее. В настоящее время многие лингвисты считают, что в этом отношении санскрит не отражает общиндоевропейского состояния. Однако по крайней мере в индоиранском, две серии придыхательных уже существовали; они сохранились и до настоящего времени в языках Индии. Из этого, по-видимому, можно сделать вывод, что фонетическая или фонологическая

сложность вполне может (по крайней мере в некоторых условиях, которые еще необходимо выяснить) сочетаться с большой частотой, не нарушая равновесия и не вызывая резких изменений.

Сложность или четкость?

60. Основная ошибка Ципфа, возможно, заключается в том, что он говорит о сложности, тогда как во всех случаях следовало бы говорить о различных степенях интенсивности и четкости артикуляции. Давая фонологическую интерпретацию сложности, Трубецкой, по существу, лишь усилил то впечатление, которое создают утверждения Ципфа. Возникающая в случаях особенно высокой частотности небрежность артикуляции, безусловно, не может проявиться в ослаблении и устранении одной из артикуляций комплекса при полном сохранении первоначальной четкости остальных. Если фонема подвергается ослаблению, то изменение одновременно и в равной мере затрагивает все составляющие ее артикуляции. Сам Ципф хорошо показал это на примере испанского d^1 : в этом языке из числа ненапряженных звонких смычных апикулярная фонема имеет гораздо большую частотность, чем остальные (5,20% против 2,05% для b и 0,07% для g), и именно она чаще всего исчезает в слегка небрежной речи. Это особенно примечательно потому, что по своей природе апикулярная артикуляция является, очевидно, более устойчивой, чем лабиальная или дорсальная; в испанском языке именно она может быть смычной, тогда как две другие уже приобрели (или еще сохраняют) спирантный характер. Однако несущественно, является ли испанское d фонологически простым или сложным. Так или иначе, все его характерные черты, отличающие его от контекста, ослабляются и в конце концов растворяются в этом контексте. Отметим, что в старофранцузском языке из спирантов всех трех рядов полностью исчезло

¹ G. Z i p f, The psychobiology of language, Cambridge, Mass., 1935, стр. 117.

только [d̥] (возникшее из -t- и -d-), и в то же время именно оно, точно так же, как в испанском языке, и по тем же причинам, встречалось чаще остальных. Таким образом, в тех случаях, когда у фонем различных рядов процесс усиления, ослабления или исчезновения протекает с неодинаковой скоростью, может быть полезно произвести статистическую оценку их частотности.

Частотность и интенсивность

61. Хотя теория Ципфа, принятая с указанными выше ограничениями, может оказать некоторые услуги и при рассмотрении изолированных фонем, все же прежде всего влияние частотности единиц каждой серии в речевом потоке на их развитие следует изучать в более широких рамках корреляций по интенсивности. Чтобы правильно понять природу эволюционных процессов, которые мы будем рассматривать ниже, необходимо помнить, что количество чаще всего представляет собою лишь своего рода развернутую форму интенсивности; далеко не всегда бывает легко отличить сильную согласную от долгой, а иногда такое разграничение вообще бесполезно. С другой стороны, часто как в синхронии, так и в диахронии мы не обнаруживаем непрерывности при переходе от долгой согласной к удвоенной, хотя с общefonетической точки зрения эти два типа отличаются друг от друга. Когда речь идет об эволюционном процессе, мы часто не в состоянии сказать, чем являлась в определенный момент времени единица, противопоставлявшаяся простой, краткой или слабой фонеме /t/, — удвоенным /tt/, долгим /t:/ или сильным /T/. Но это не имеет, вероятно, никакого значения, поскольку существенно прежде всего то, что между обоими различительными единицами имеется известная дистанция, которую мы можем считать постоянной. Кроме того, в одном и том же языковом состоянии и в одном и том же слове одна и та же единица действительно может быть в одних случаях удвоенной, в других долгой, в третьих сильной.

Удвоенные согласные и сочетания согласных

62. Удвоенные согласные занимают особое место среди звуковых элементов языка¹. Существуют языки (например, английский), в которых, по-видимому, нет необходимости рассматривать удвоенные согласные как самостоятельный тип; напротив, в других языках (например, в итальянском) без этого, по существу, невозможно обойтись. Объективно ничто, как будто, не мешает считать удвоенные согласные сочетаниями двух согласных, обладающими лишь той особенностью, что первая, импловзивная, согласная артикулируется в том же месте, что и следующая за ней экспловзивная; иначе говоря, [atta] можно рассматривать как частный случай того типа последовательностей, который представлен, например в [akta] и [atka]. В действительности лишь в редких случаях подобные последовательности двух одинаковых согласных оказываются совершенно сходными с сочетаниями любых двух согласных и не имеют особенностей, которые оправдывали бы выделение их в отдельную группу со специальным наименованием. С этой точки зрения можно выделить, с одной стороны, языки, где удвоенные согласные не могут выступать во многих позициях, в которых встречаются сочетания разнородных согласных, с другой стороны, — языки, где удвоенные согласные возможны в таких позициях, в которых разнородные сочетания никогда не выступают. В языке первого типа, например в английском, группа /-nd-/ встречается почти во всех позициях: внутри значащих элементов (ср. *candy* «леденец»), на их границе (ср. *hand* «рука»), на самых различных стыках (ср. *condemn* «осуждать», *Sunday* «воскресенье», *run down* «сбежать вниз; догнать»); напротив /-nn-/ употребляется только на стыках в словах типа *unknown* «неизвестный» или *pen-knife* «перочинный нож». В языке второго типа, например в финском, удвоенные согласные выступают в контекстах, где группы согласных невозможны; ср. *kirkko* «церковь», *kolkko* «суровый»; в итальянском языке, такие относя-

¹ Параграфы 62—69 в общем воспроизводят основные положения нашей статьи «Le rôle de la gémination dans l'évolution phonologique» в *Mélanges Panconcelli-Calzia*.

щемся к этому типу, /-tt-/ и /-kk-/ встречаются очень часто, тогда как сочетания /-kt-/ и /-tk-/ вообще невозможны ни в одной из позиций.

Частотность удвоенных согласных

63. Описанные выше ситуации соответствуют, по-видимому, двум разным языковым типам также со статистической точки зрения. В языке первого типа удвоенная согласная обычно встречается реже, чем разнородная группа, представляющая собой сочетание той же артикуляции с какой-либо другой. Так, например, в английском языке /nn/ встречается значительно реже, чем /nd/, /nt/ — реже, чем /kt/. Напротив, в языке второго типа удвоенная согласная употребляется чаще, чем разнородная группа, включающая ту же артикуляцию. Так, в финском языке /ss/ встречается чаще, чем /ts/; в итальянском языке /tt/ широко распространено, а /tk/ не существует вообще. Можно представить себе язык, в котором частотность удвоенных согласных в лексических единицах или в текстах приближается к частотности простых согласных в тех контекстах, где могут выступать как простые, так и удвоенные. Иначе говоря, в таком языке число слов, содержащих /-ata-/ (сопоставим с числом слов, содержащих /-atta-/ (/a/ означает произвольную гласную, /t/ и /k/ — определенные согласные); напротив, число слов, содержащих /-akta-/ (то есть разнородную группу), значительно меньше числа слов, содержащих /-atta-/. Для большей конкретности предположим, что на 100 слов с /-ata-/ приходится 80 слов с /-atta-/ и 10 слов с /-akta-/. В языках типа английского или французского (имеется в виду наиболее распространенный вариант французского произношения) мы обнаруживаем совершенно иное соотношение: например, на 100 слов с /-ata-/ приходится 10 слов с /-akta-/ и 5 с /-atta-/.

Частотность и различительная способность

64. Ясно, что в языках обоих рассмотренных типов /-akta-/ (или просто /-kt-/) имеет значительно большую различительную способность, чем /-ata-/ (или просто /-t-/).

Это значит, что если я услышу от первого слова только часть /-akt-/, а от второго только часть /-at-/, то я буду иметь гораздо больше шансов правильно определить с помощью контекста слово, содержащее /-akt-/, чем слово, содержащее /-at-/, поскольку в первом случае я должен выбрать из десяти, а во втором — из ста слов. Если я услышу начало фразы *Il me faut act...* «Мне следует акт...» и почему-либо не услышу конца, то для того, чтобы угадать последнее слово, мне придется выбирать практически только между *activer* «активизировать» и *actualiser* «актуализировать». Если же я услышу *Il me faut at...*, то мне нужно будет выбирать уже почти из тридцати слов. Таким образом, можно сказать, что во французском языке /-kt-/ несет значительно большую информацию, чем /-t-/, и с точки зрения лингвистической экономии увеличение различительной способности, связанное с наличием /-k-/, вполне оправдывает ту дополнительную работу мускулов, которая необходима для его произнесения.

65. Рассмотрев сочетание /-atta-/, мы можем констатировать, что в языке, где оно встречается в 20 раз реже, чем сочетание /-ata-/, дополнительная работа, связанная с произнесением импловзивного /-t-/, которое отличает /-atta-/ от /-ata-/, оказывается вполне оправданной, поскольку она дает возможность уменьшить степень неопределенности в 20 раз. Следовательно, в данном случае удвоенная согласная имеет большую различительную способность. В языке, где на 100 слов с /-ata-/ приходится 80 слов с /-atta-/ и 10 слов с /-akta-/, удвоенная согласная /-tt-/ требует для своего произнесения приблизительно такой же затраты энергии, как и сочетание /-kt-/, однако она несет значительно меньшую информацию, чем последнее. Иначе говоря, если я слышу /att.../, у меня не намного больше шансов понять, о чем идет речь, чем тогда, когда я слышу /at.../. В данном случае, чтобы получить возможность выбирать из 80 слов вместо 100, необходима такая же дополнительная затрата энергии, как та, которая в другом языке позволяет уменьшить степень неопределенности со 100 до 5. Говорящие всегда будут стремиться установить равновесие между количеством энергии,

затрачиваемым на произнесение звуковой единицы, и ее различительной способностью. Следовательно, в данном случае они будут стремиться свести произношение удвоенной согласной к такой артикуляции, которая по своей длительности и сложности оказалась бы ближе к простому /t/, чем к сочетанию /kt/. Если бы некоторые носители языка осуществили свое стремление до конца, они пришли бы к полному смешению сочетаний типа /-atta-/ с сочетаниями типа /-ata-/, а также всех удвоенных согласных с соответствующими простыми. Однако при допущенных нами числовых отношениях это привело бы к столь резкому уменьшению различительных возможностей, что собеседники этих носителей языка своими вопросами и отрицательной реакцией обязательно заставили бы их восстановить различие между /-atta-/ и /-ata-/. Из числа языков, где некогда удвоенные согласные встречались чаще, чем это допускает вероятность встречи одинаковых согласных, напрасно, по-видимому, было бы искать такой язык, в котором слияние удвоенных и простых согласных произошло во всех положениях, в равной мере затронуло все согласные фонемы и не было связано с перенесением фонологического различия на соседние фонемы речевого потока. Однако если лингвистическая экономия не допускает простейшего решения, состоящего в том, чтобы смешать все воедино, сама проблема тем не менее существует, и она должна быть так или иначе разрешена.

Удвоенные согласные и ударение

66. Одно из решений, внешне наиболее консервативное, поскольку оно не предполагает качественных изменений, заключается в том, что дополнительная энергия, необходимая для произнесения удвоенной согласной, идет как бы в счет словесного ударения. Такое явление может произойти в языке, где различие между удвоенными и простыми согласными играет особо важную роль в позиции после ударной гласной. Процесс состоит в том, что любая гласная, стоящая в открытом ударном слове, удлиняется и, таким образом, все ударные слоги становятся долгими. Так, /-āta-/ превращается в /-āta-/; /-ātta-/ и /-ākta-/ не изменяются. Одновременно происходит сокра-

щение долгих безударных гласных и упрощение удвоенных согласных, стоящих за безударными гласными: /-āta-/ > /-atā-/ и /-attā-/ > /-atā-/. Результатом является положение, при котором долгота слога выступает как один из наиболее четких элементов словесного ударения. Удвоение согласных превращается всего лишь в один из способов реализации этой долготы. Как долгота согласной, противопоставленная долготе гласной, удвоение сохраняет различительную функцию: слово /ātta/ отлично от слова /āta/; однако как элемент долготы слога оно уже принадлежит к сфере контрастов речевого потока и приобретает так называемую кульминативную функцию. В течение последних двух тысячелетий это явление произошло, по-видимому, почти во всей западной части Европы. Шведский и норвежский могут служить хорошими примерами языков, где удвоение возможно только после краткой ударной гласной, причем в этой позиции оно является автоматическим. Описанный ход развития встречается, вероятно, чаще всего. Следует, однако, отметить, что возможен другой вариант того же процесса, когда /-āta-/ переходит не в /-āta-/, а в /-ātta-/. Он встречается в некоторых случаях в скандинавских языках¹; указанный процесс сыграл также важную роль во франко-провансальских говорах, где наблюдается удвоение согласных в связи с ударением².

Упрощение удвоенных согласных после качественного изменения

67. Внешне наиболее радикальные решения предполагают качественные изменения. Если изменяется артикуляторная природа либо простой, либо удвоенной согласной, то удвоенная может упроститься в согласную нормальной длительности и сложности, не вызывая смешения. Так, если в языке, где противопоставляются /-tt-/ и /-t-/, /t/ переходит в [θ], то /-tt-/ может упроститься в [-t-], ни с чем при этом не смешавшись. Если же изменению подвергается /-tt-/, например, если оно переходит

¹ См. Hallfrid Christensen, NTS, 9, стр. 248 и сл.

² Ср. «Desc. phonol.», стр. 18 и сл., 40 и сл.

в [-t̥t̥-], тогда как /-t-/ остается неизменным, то при условии, что в системе не было /-t̥-/ , [-t̥t̥-] легко может упроститься в [-t̥-]. Один из членов противопоставления (простая или удвоенная согласная) может стремиться к уже существующей в языке артикуляции и, таким образом, оказывать на нее давление; в этом случае последняя также может измениться. Так, например, /-t-/ , являющееся членом противопоставления /-tt-/—/-t-/ , может стремиться к [-d-], а /-d-/ в свою очередь — к отсутствовавшему ранее [-ð-]. При этом по мере смещения /-d-/ в сторону [-ð-] и /-t-/ в сторону [-d-] удвоенное /-tt-/ может смещаться в сторону [-t-]. Многочисленные примеры смещений такого рода мы находим в исторической фонетике кельтских, а также западнороманских языков; такое же явление имело место на определенном этапе развития консонантизма древнееврейского языка¹. Возможно, имеет смысл рассматривать с аналогичной точки зрения некоторые черты верхненемецкого передвижения согласных, а также определенные факты исторической фонетики датского языка. Тосканская «gorgia»² и вообще все случаи ослабления интервокальных согласных, которые мы наблюдаем в языках, где удвоенные согласные встречаются сколько-нибудь часто, заслуживают в этом отношении детального анализа.

Ослабление простых согласных

68. Очень часто упрощение удвоенных согласных сопровождается артикуляторным ослаблением соответствующих простых. В древнеирландском языке все прежние простые смычные³ перешли в спиранты. То же самое произошло со всеми «неэмфатическими» смычными древнееврейского языка, а также со всеми звонкими смычными бриттского и западнороманских языков. Ослабление простых согласных может привести к их полному исчезновению, как это было в португальском языке, где

¹ Ср. «Language», 28, стр. 192 и сл.

² Переход фонемы /k/ в [h] (через ступень [x]) в интервокальной позиции: *la casa* «дом» во Флоренции произносится [la hasa].— *Прим. перев.*

³ Имеется в виду (так же как и в следующей фразе): в интервокальной позиции.— *Прим. перев.*

в интервокальном положении *-nn-* и *-ll-* упростились, а *-n-* и *-l-* исчезли. Вполне понятно, что соседство с гласными, то есть с фонемами очень открытой артикуляции, способствует ослаблению смычки. Однако во многих языках интервокальные согласные сохраняются без изменения; следовательно, в данном случае мы должны рассматривать влияние контекста лишь как один из элементов общей совокупности условий изменения. Поскольку в системе имеется */-tt-/*, характеризующееся длительной и устойчивой смычкой, у */-t-/* вполне может появиться тенденция ослабить смычку, причем гласное окружение не только не препятствует, но, напротив, даже способствует этому. Однако для того, чтобы изменение произошло, требуется еще, чтобы с точки зрения экономии стало необходимым привести реальный физический объем данной единицы в соответствие с ее различительной способностью. Так, чтобы древнеирландское */-t-/* изменилось в [ʔ], потребовалось соединение «боковых» давлений со стороны очень открытых соседних фонем речевого потока и «вертикальное» давление (то есть давление внутри системы) со стороны */-tt-/*, стремящегося превратиться в *[-t-]*:

$$\begin{array}{c} -tt- \\ \downarrow \\ a \rightarrow t \leftarrow a \end{array}$$

Скорость изменения

69. Эти и другие явления, показывающие роль удвоения в фонетической эволюции, будут подробно рассмотрены ниже. Следует, однако, сразу же сделать несколько замечаний относительно скорости рассматриваемых изменений. Для простоты изложения мы оперировали противопоставлением, различие между членами которого максимально. Однако на самом деле между исходной ситуацией такого рода и рассмотренным выше окончательным результатом развития возможны промежуточные ступени, характеризующиеся противопоставлением сильных и слабых согласных (*/-aTa-/* — */-ata-/*). Существование этих ступеней, по-видимому, несколько уменьшает (по крайней мере если рассуждать абстрактно) необходимость в такой

реорганизации системы, после которой все фонемы будут иметь приблизительно одинаковый физический объем. В действительности устранение удвоенных согласных может происходить в течение многих столетий, а иногда и тысячелетий. Оно начинается не сразу: стремление ослабить удвоенные согласные усиливается по мере того, как возрастает частотность соответствующего артикуляторного типа; последнее же, как правило, происходит постепенно. Вполне возможно, что после того, как осуществятся все условия, необходимые для изменения определенных артикуляторных типов, само изменение будет протекать быстро. Однако, поскольку у различных звуковых типов одно и то же противопоставление реорганизуется по-разному, количественные различия устраняются не всегда одновременно. Вполне вероятно, что в староспанском языке переход /-tt-/ в [-t-] совершился не в одно время с переходом /-nn-/ в [-n-]. Противопоставление /-rr-/ — /-r-/ сохранилось во многих диалектах западнороманской области до наших дней. Во французском языке это противопоставление устранено, в галло-романской области заметно ослаблено, однако оно сохраняется в языках и диалектах Пиренейского полуострова (правда, и здесь во многих местах намечаются артикуляторные изменения, которые в будущем должны привести к изохронии обеих фонем). Столь медленный характер изменений еще раз напоминает нам о том, каким неровным и зигзагообразным может быть тот бессознательный процесс, который приводит к фонетическому изменению. Вероятно, во многих случаях следует особо учитывать возможное влияние контактов с другой лингвистической реальностью; при отсутствии таких контактов носители языка иногда могут в течение столетий мириться с существованием звуковых единиц столь различного объема, как *-rr-* в исп. *perro* «собака» и *-r-* в *pero* «грушевое дерево».

Долгота гласных и удвоение согласных

70. Мы уделяем здесь такое внимание роли удвоения в диахронических процессах потому, что переход удвоенных согласных в простые представляет собой хороший пример существенной реорганизации системы под

влиянием частотности и позволяет констатировать превращение объективной двойственности в единство. Когда речь идет о долготе гласных, исследователь может допустить существование двойственности практически только для упрощения описания. Правильнее принимать [a:] за одну единицу. Слияние /ā/ и /a/ представляет собой объединение двух единиц системы, а не двух последовательных фонем речевого потока. Собственно говоря, такое слияние заключается не в том, что длительность долгой гласной уменьшается до уровня краткой. Изохрония, как правило, реализуется таким образом, что каждая гласная получает среднюю длительность, или, точнее говоря, длительность, которая может изменяться в зависимости от тембра и от контекста. Так, например, /i/ будет более кратким, чем /a/; ударное /a/ будет более долгим, чем безударное; /a/ в открытом слоге будет более долгим, чем в закрытом. Для того чтобы достичь изохронии, изменять свою длительность будет в зависимости от контекста либо долгая, либо краткая гласная. В плане синхронии мы могли бы, таким образом, предположить, что различие между долгими и краткими гласными в каждом случае является результатом позитивного усилия со стороны говорящего. Это усилие направлено на то, чтобы сделать долгие гласные более долгими, а краткие — более краткими по сравнению с некоторой естественной для говорящего нормой. Различие между удвоенными согласными и долгими гласными можно было бы показать с помощью следующей таблицы:

+	-tt-	-ā-
нормальная длительность и интенсивность	-t-	-a-

Однако это предполагаемое различие между длительностью согласных и длительностью гласных, быть может, связано с тем, что мы рассматриваем здесь долготу и краткость гласных в момент перехода к изохронии, то есть как раз тогда, когда они теряют свое различительное значение. Вполне возможно, что в этот момент противопоставление /ā/—/a/ более сходно с противопоставлением /-T-/—/t-/ , чем с противопоставлением /-tt-/—/t-/ , и что

количество энергии, которым обладает член /-t-/ в противопоставлении /-T-/—/-t-/ , явно ниже среднего. В этом случае рассмотренные соотношения можно представить в следующей таблице:

нормальная длительность и интенсивность	+	-----	-T-	-----	-ā-	-----
			-t-	-----	-a-	-----

Вполне вероятно, что в действительности между частотностью долгих гласных и их длительностью (реальной или субъективной) существует обратное отношение. По-видимому, когда частотность долгих гласных приближается к частотности кратких, система приходит в неустойчивое состояние, и это может привести к утрате различительной долготы.

Изохрония после изменения

71. Как и в случае с согласными, избежать противоречий, которые возникли бы в результате простого слияния двух различающихся по количеству типов гласных, позволяет изменение одного из членов противопоставления. При этом, так же как у согласных, чаще всего менее напряженной становится характерная артикуляция слабой, то есть краткой, фонемы. Так, например, противопоставление /i/—/ī/ через промежуточный этап /i/—/i:/ может перейти в /i/—/i/. Это различие по напряженности легко может превратиться в простое различие по степени открытости, как это произошло в истории вульгарной латыни, где в большинстве диалектов /i/ и /e/ (развившиеся соответственно из /ī/ и /ē/) полностью слились. В редких случаях расширяются долгие гласные. Такое расширение является результатом тенденции к устранению «имплозивной» или нисходящей части слога и, следовательно, к уменьшению длительности всех гласных вообще. В этом случае, поскольку открытым гласным по самой их природе более свойственна длительность, чем закрытым, фонологически долгие гласные стремятся расшириться, чтобы сохранить свою относительно большую длительность; например, /ε/ остается [ε], а /ē/ переходит в [æ]. В случаях

такого рода наиболее краткие гласные /i/ и /u/ проявляют тенденцию к исчезновению; примером может служить исчезновение звуков ѣ и ъ в старославянском языке, параллельное исчезновению простых /-n-/ и /-l-/ под давлением бывших удвоенных *n* и *l* в португальском языке.

Частотность и упрощение групп согласных

72. До сих пор мы предполагали наличие связи между частотностью фонологических единиц и их строением исключительно в рамках целых серий, охватывающих практически все согласные и гласные фонемы языка. Вполне законным является вопрос, не должны ли неоднородные группы типа /sk/, /nl/, /nd/ или двухфонемные дифтонги в том случае, если их частотность приближается к частотности простых фонем аналогичной природы, стремиться приобрести более краткую и однородную артикуляцию. Ципф предусмотрел такую возможность и довольно подробно ее проанализировал¹. У сочетания, обладающего большой частотностью, действительно возникает тенденция к уменьшению физического объема; здесь следует, однако, отметить, что в результате упрощения такое сочетание может слиться с какой-либо из уже существующих фонем только в том случае, если последняя встречается редко и довольно близка к нему по своей артикуляции. Иначе говоря, сочетание такого типа имеет наибольшие шансы упроститься в том случае, когда вблизи от него имеется пустая клетка или катализатор. Возьмем общегерманское *sk* — пример, приведенный Ципфом. Это сочетание сохранилось в датском языке, где шипящие вообще отсутствуют, но изменилось в /š/ в английском (где оно смогло занять свободное место в ряду шипящих, возникших в результате англо-фризской палатализации) и в немецком (где шипящий характер приобрело также *s*). В санскрите такое же сочетание согласных заполнило пустую клетку, находящуюся на пересечении серии глухих придыхательных и ряда палатальных². Следует отме-

¹ См. G. Zipf, The psychobiology of language, Cambridge, Mass., 1935, стр. 101—106.

² Ср. William Diver, The problem of Old Bulgarian *št*, «Word», 11, стр. 228—236.

тить, что сочетание *st*, которое в индоевропейском языке встречалось чаще, чем *sk*, в целом лучше сохранилось; возможно, это объясняется тем, что оно было более удалено от имеющихся пустых клеток. По всей вероятности, в индоевропейском языке *ei* было наиболее употребительным дифтонгом, и, видимо, именно оно в наибольшем количестве языков перешло в простую гласную. Не следует забывать, что долгое *i* встречалось в индоевропейском языке сравнительно редко и поэтому соответствующая клетка была практически свободной. Действительно, в греческом, латинском, славянском и германском языках, разумеется, при весьма различных условиях, эта клетка была заполнена гласной, возникшей из *ei*, а в кельтском языке — долгим *i*, которое развилось из н.-е.**e*, освободившего в свою очередь место для **ei*. Таким образом, мы должны, по-видимому, считать частотность одним из возможных факторов упрощения сочетаний, однако ее следует принимать во внимание лишь в тех случаях, когда мы действительно можем быть уверены, что она была исключительно высокой.

Несовместимость и обязательное сопутствие

73. В связи с тем, что большинство теоретиков современного языкознания предпочитает синхронную, изучение противоречий, управляющих принципом экономии, почти не связывалось с проблемами эволюции и «фонетических законов», как это имело место у Ципфа, а сводилось обычно к констатации статической несовместимости, которая выражается в следующем: если в языке существует признак А, то в нем не может существовать признак В. Понятие несовместимости было дополнено относящимся также к статическому плану понятием обязательного сопутствия, сущность которого заключается в следующем: если в языке не существует признака D, то в нем не может существовать также и признака С. Именно такая тенденция проявилась у Трубецкого в его синхронической формулировке так называемого закона Ципфа. Легко понять, каковы были бы диахронические следствия из такого рода несовместимости или сопутствия, если бы можно было доказать, что предлагаемые формулировки действи-

тельно выражают всеобщую истину и абсолютную необходимость. Если бы признаки А и В были на самом деле несовместимыми, то нам не пришлось бы удивляться тому, что в языке, где появляется А, В исчезает; если бы несовместимость была не только объявлена, но и подтверждена, то для исчезновения В мы должны были бы найти новое место в цепи причинных связей. В действительности эти так называемые всеобщие законы основаны на априорных соображениях, подкрепленных анализом некоторого числа лингвистических структур. Вследствие этого они в любой момент могут быть обесценены открытием языков, где сосуществуют признаки, преждевременно объявленные несовместимыми. Один из наиболее известных «законов» такого рода заключается в том, что в одном и том же языке в одно и то же время долгота гласных и место ударения не могут быть различительными. Очевидно, в данном случае исходным пунктом служило следующее предположение: поскольку долгота гласных и силовое ударение представляют собой лишь разные формы интенсивности, долгота гласных не может играть различительной роли в языке, где такую роль играет ударение, ибо один и тот же признак не может играть одну и ту же роль одновременно в двух различных формах. Однако против этого можно выдвинуть возражение: действительно, количество часто выступает как форма интенсивности, может сочетаться и чередоваться с ней, однако непонятно, почему данные признаки не могут оказаться в некоторых языках разделенными. При этом количество может служить для чисто различительных целей, а интенсивность в своей наиболее естественной, динамической форме может получить в основном выделительную функцию, но попутно в некоторых случаях выступать и в качестве различительного признака. Рассмотрение определенного числа языков как будто бы подтверждает «закон». Правда, в таком языке, как немецкий, различительную роль играют как долгота гласных (*kann* «могу» — *Kahn* «лодка»), так и ударение (*ûnterhalten* «держат под» — *unterhâlten* «содержать; беседовать»). Но данные немецкого языка можно считать непоказательными по двум причинам: во-первых, можно отметить, что ударение не различает основные единицы — семантемы, по крайней мере в незаимствованных словах; во-вторых,

можно утверждать, что *kann* и *Kahn* различаются не по долготе, а по типу слога, поскольку за немецким /a/ всегда следует согласный и, таким образом, оно никогда не встречается в конечной ударной позиции. Ни одно из этих соображений не имеет, однако, силы для говора Отвиля¹, где место ударения играет различительную роль как в слове, так и в семанте (*bérǎ* «пить» — *berǎ* «берет»), а различие между двумя типами гласных по количеству проявляется столь же четко в конечной позиции (*mǎ* «плохо» — *mǎ* «слово»), как и в остальных (*bǎlǎ* «мякина» — *bǎlǎ* «шар»). Говор Отвиля не является в этом отношении исключительным, как это может показаться на первый взгляд². Конечно, довольно интересно отметить, что в говоре Отвиля в противопоставлении по количеству явно участвуют, с одной стороны, нормальные, с другой — краткие гласные; артикуляция последних представляется внезапно прерванной либо вследствие удвоения последующей согласной (если гласная стоит под ударением в предпоследнем слове: *bǎlǎ* = [bǎlla]), либо вследствие «отрывистого» произношения (если гласная находится в конечной ударной или в предударной позиции). Таким образом, возможно, противопоставление по количеству приобретает несколько особый характер в том случае, когда оно сочетается с противопоставлением по месту ударения. Однако это все, что можно сказать. Между прочим, сам Трубецкой, который вначале был склонен до известной степени рекламировать «закон» несовместимости различительной долготы с различительным ударением, в своих *Grundzüge*³ предпочел дать более гибкую формулировку, учитывающую все известные ему факты.

¹ «Desc. phonol.», стр. 40—41 и 52—56.

² Аналогичная ситуация обнаруживается во многих других франко-провансальских говорах; относительно положения во фриульском ср. Bender, Francescato и Salzmann, «Word», 8, 1952, стр. 221—222.

³ См. Troubetzkoy, *Principes de phonologie*, Paris, 1949, стр. 201—212.

Диахронические формулировки

74. Указанные формулировки, которым хотят придать характер «панхронических законов», заслуживают критики особенно потому, что, будучи облечены в форму прорицаний, они навязываются исследователю и маскируют действительные отношения между изучаемыми объектами. Даже весьма категорическая формулировка, если она сопровождается анализом тех причинных связей, которые объясняют несовместимость или сопутствие, нуждается в обсуждении, и, будучи смягчена в том или ином отношении, может стать весьма полезной для объяснения. Автором ряда таких формулировок является Андре Одриккур¹, который, как и Ципф, с самого начала подошел к вопросу с диахронической точки зрения; в несколько более гибкой и развитой форме многие из них использованы выше. Одриккур первым высказал мысль о том, что ослабление интервокальных согласных предполагает существование удвоенных согласных в том же языке². Исходя главным образом из эмпирических наблюдений, он уже давно пытался установить между различными типами противопоставлений определенную иерархию, основанную на их большей или меньшей распространенности в языках мира.

Иерархия противопоставлений и максимальная дифференциация

75. Сюда же относится и попытка Р. Якобсона классифицировать противопоставления в зависимости от того, в каком порядке они усваиваются детьми в процессе овладения языком³. Утверждается, что порядок противопоставлений в детском языке противоположен порядку, который наблюдается у больных, страдающих афазией и утрачивающих способность пользоваться фонологической системой. По мысли Якобсона, установленная этим способом

¹ André Haudricourt, *Quelques principes de phonologie historique*, TCLP, 8, 1939, стр. 270—272.

² В окончательной форме эта мысль изложена у Haudricourt — Juilland, *Essai...*, стр. 51.

³ См. R. Jakobson, *Kindersprache, Aphasie und Lautgesetze*.

иерархия такова, что ни в одном языке не может существовать какое-либо из входящих в нее противопоставлений, если в данном языке нет всех тех противопоставлений, которые предшествуют ему в этой иерархии. Мысль о том, что порядок усвоения детьми различных звуковых типов отличается известным постоянством, что связано с распространением этих типов в различных языках, была уже в 1928 г. высказана Альфом Соммерфельтом¹. Новым у Якобсона является сравнение с афазией, а также стремление охватить все факты и включить их в рамки бинарной теории. Вся попытка с самого начала скомпрометирована ее очевидным априоризмом. Мы имеем слишком мало вполне достоверных и подробных сведений о том, как усваиваются детьми различные языки, чтобы можно было основывать на них что-либо серьезное. Заключение относительно афазии, несомненно, требуют длительной проверки. Исследование самых различных фонологических систем проведено не на глазах у читателя; довольно легко найти языки, которые не соответствуют предлагаемой иерархии. Вполне возможно, что теория верна в целом, то есть в той мере, в какой она совпадает с указаниями здравого смысла. Однако следует ожидать, что многие дети и многие афазии будут вести себя не так, как утверждает Якобсон, а также что многие языки не будут соответствовать его теории. Идея, которую следовало бы сформулировать здесь и которая заслуживала бы особого внимания, заключается в том, что в каждом отдельном случае лучше всего приспособленными для лингвистических целей оказываются звуки, различие между которыми максимально. Для одной и той же степени открытости нельзя найти звука, более переднего, чем [i], и более заднего, чем [u]; в целом в системе самыми различными являются, с одной стороны, [a], то есть наиболее открытая и наиболее звонкая из всех гласных, с другой стороны, глухие смычные, то есть наиболее закрытые и наиболее глухие из всех согласных. Естественно, что при появлении сознательного или бессознательного стремления установить в речевом потоке контрасты между фонемами, используются именно эти звуковые типы. По всей вероятности, существует

¹ См. NTS, 1, 1928, стр. 10—21.

определенное отношение между данным фактом и наличием во всех засвидетельствованных языках глухих смычных и гласных большой степени открытости. Очевидно, всегда можно найти таких детей, которые предпочитают начать свой языковой опыт с подражания (конечно, весьма несовершенного) произношению слов, интересных своей «трудной» артикуляцией, а не слова [рара], которое им повторяют в течение дня. Принцип максимальной дифференциации¹, который, не стремясь показать его очевидность, недостаточно подчеркнул Якобсон, является в конечном счете великим организующим началом фонологических систем в границах естественной инерции и наиболее экономичного строения. Максимальная дифференциация никак не предполагает всеобщего бинарного строения, так же как и существования предначертанных рамок, единых для всех языков. Именно стремлением к максимальной дифференциации объясняется тот факт, что во французском, немецком и многих других языках, где наряду с фонемой /s/ встречается фонема /š/, последняя артикулируется с выдвиганием губ, благодаря чему различие между фонемами увеличивается. Заметим, что эта лабиализация никак не затрагивает в указанных языках те фонемы, которые бинаристы во что бы то ни стало хотят объединить с пипящей.

76. Мы будем, таким образом, избегать оперировать всем тем, что напоминает универсальные и не знающие исключений «законы». Утверждение, подобное данному нами выше, относительно существования глухих смычных во всех известных языках, отнюдь не теряет своего значения и интереса, если оно выдается лишь за то, чем оно действительно является, а именно за обобщение определенного опыта, которое может служить каждому основанием для каких угодно выводов, соответственно его доверию к серьезности и широте познаний автора. Пора отвыкнуть от заявлений в стиле прорицания. В настоящей главе о фонологической экономии мы стремились в основном показать рамки, внутри которых каждый может попытаться организовать данные своего личного опыта.

¹ Ср. выше, гл. II, § 30.

У. ПРОСОДИЯ

Фонематика и просодия

1. При описании языка лингвисты обычно различают два типа звуковых явлений, составляющие предмет изучения двух разных разделов фонологии, которые мы называем здесь фонематикой и просодией. Как видно из ее названия, фонематика включает изучение фонем, их вариантов и составляющих их элементов. К просодии же относятся все те звуковые явления, протяженность которых не совпадает с протяженностью фонемы: ударение, тон, интонация, а также до известной степени количество. Это исходное деление хорошо согласуется с языковым чувством говорящих. В дальнейшем мы увидим, что, хотя с функциональной точки зрения такое деление иногда представляет некоторые неудобства, теоретически оно вполне оправдано. С практической точки зрения как в диахронии, так и в синхронии существуют веские основания рассматривать так называемые просодические элементы отдельно: всякий человек знает и чувствует, что такое гласная или согласная, но даже многие лингвисты не знают по собственному опыту, что такое тон, а слово «ударение» неодинаково понимается французом, немцем, чехом и русским. Поэтому во всяком фонологическом исследовании полезно рассмотреть теоретические вопросы, ограничившись в той мере, в какой это возможно, рамками фонематики, и посвятить особую главу проблемам, относящимся целиком или преимущественно к области просодии.

2. Данное выше определение просодии может показаться весьма приблизительным, поскольку оно является негативным и включает простое перечисление. Тем не менее оно затрагивает самую сущность проблемы. В Соеди-

ненных Штатах принято разграничивать «segmental» и «suprasegmental phonemes» («сегментные» и «супрасегментные» фонемы). Такое словоупотребление имеет определенный недостаток, состоящий в том, что слово «фонема» используется за пределами сферы различительной функции; напротив, его преимущество в непосредственном указании на причину выделения просодических явлений. Действительно, границы просодических («супрасегментных») единиц не совпадают с членением речевого потока на фонемы в общепринятом смысле слова. Просодические явления затрагивают и характеризуют единицы речевого потока, протяженность которых обычно отличается от протяженности фонем. Часто эти единицы бывают крупнее фонем; примером может служить слог или слоговая вершина, которая нередко содержит дифтонг, состоящий из двух фонем. Они могут быть также меньше фонем, например в случае, когда слоговая вершина (которая может состоять из одной фонемы) разделяется на две последовательные моры. В таком слове, как ит. *asino* «осел», ударный слог *a-* совпадает с фонемой /a/, но не тождествен ей.

Количество и просодия

3. Легко понять, почему количественные различия принадлежат к сфере просодии лишь отчасти. Когда речь идет о противопоставлении долгих и кратких фонем, количество выступает в качестве фонематического признака. Количество относится к просодии, лишь когда речь идет о слоговой долготе. Так, в латинском языке ничто не мешает нам предположить существование фонем /a/ и /ā/ и рассматривать различие между *malum* «зло» и *mālum* «яблоко» как чисто фонематическое. В других случаях в том же языке необходимо оперировать различием между долгими и краткими слогами, поскольку от этого зависит место ударения. Фонематическая и слоговая (или просодическая) долгота могут совпадать, как, например, в лат. *amīcus* «друг», однако мы можем встретить просодическую долготу и без фонематической, например в *amantis* «любящего» (род. п.). Различие между двумя типами долготы хорошо известно из латинской метрики и «просодии» в школьном смысле слова. Количество

является не единственным признаком, который встречается как в фонематике, так и в просодии: интенсивность в своей наиболее естественной, динамической форме может фигурировать среди примет коррелятивных серий¹, а в форме ударения — в просодии.

Ударение и просодия

4. Во многих языках ударение, несомненно, следует отнести к просодии. Примером может служить латинский язык, где существует очевидная связь между ударением и просодической долготой. Так же обстоит дело в древнегреческом языке, где ударение представляет собой выделение мелодической вершины слова, причем можно считать, что эта вершина включает только одну мору, то есть единицу нередко меньшую, чем фонема. Однако во многих языках ударение никак не связано с количеством; интенсивность и мелодическая высота тона соединяются в этих языках в единую характеристику, которая иногда может играть различительную роль. К числу таких языков принадлежит испанский. В таком слове, как исп. *paso* «я прохожу», ударное [a] выделяется особенно рельефно, но объективно это, по-видимому, почти не влияет на предшествующий звук [p]. Казалось бы, из этого можно сделать вывод, что в данном случае ударение представляет собой фонематическую характеристику и что в испанском языке существуют две самостоятельные фонемы: /a ударное/ и /a безударное/. Точно так же пришлось бы предположить существование двух фонем для каждого из четырех остальных фонологически различных тембров. В действительности коренное отличие ударения от таких фонематических характеристик, как степень открытости или место образования, определяется не размерами отрезка речи, в котором ударение проявляется реально, а тем значительно более существенным обстоятельством, что оно выполняет иную языковую функцию. Для релевантного различия по степени открытости нормальной является различительная функция, обеспечивающая определение слушателем последовательных единиц речевого потока,

¹ Ср. выше, гл. IV, § 48.

причем это определение является результатом устранения из его сознания тех слов или форм, которые не присутствуют в сообщении, но вообще возможны в данном контексте или ситуации. Основная функция ударения заключается не в том, чтобы противопоставлять слово, реально присутствующее в речевом потоке, какому-то другому слову языка, которое может возникнуть в сознании собеседника, а в том, чтобы выделить это слово в ряду других слов, реально присутствующих в данном отрезке речи. Это не противопоставительная или различительная, а выделительная функция. В семантической единице (в испанском языке такой единицей является слово, в языке типа немецкого — «семантема») может быть лишь одно ударение, и это показывает, что выделительная функция является основной для ударения даже и в тех случаях, когда его положение в слове может быть использовано в различных целях, как, например, в исп. *paso* «я прохожу» — *pasó* «он прошел». Существуют слова *páso* и *pasó*, но слов *pásó* (с двумя ударениями) и *paso* (лишенного всякого ударения, даже такого, которое появляется лишь в определенных случаях) нет. «Ударением» называют именно эту единственную для каждой из основных семантических единиц характеристику. Мы можем, конечно, сказать, что ударение характеризует слово, то есть единицу, большую, чем фонема, и, следовательно, явно относится к числу просодических явлений в том смысле, как мы их определили выше. Однако ударение характеризует слово весьма специфическим образом, не так, как тоны характеризуют моры или слоги в языке эфик или в кантонском диалекте китайского языка¹. Тоны являются тонами лишь потому, что в рассматриваемом языке их существует несколько и, следовательно, каждый из них может противопоставляться одному или нескольким другим, выполняя таким образом различительную функцию. Ударение² остается прежде всего выделительной единицей даже в таких языках, как древнегреческий,

¹ См., например, Ida C. Ward, The phonetic and tonal structure of Efik, Cambridge, 1933, D. Jones and R. T. Wood, A Cantonese phonetic reader, London.

² Следует отметить, что мы употребляем слово «тоны» во множественном числе, а «ударение» — в единственном.

литовский, сербско-хорватский, где оно может выступать в различных формах (как острое или обличенное, нисходящее или восходящее) и падать на разные слоги слова, приобретая, таким образом, различительное значение.

5. Поскольку в фонологических описаниях наибольшее внимание уделяется различительным элементам (и прежде всего фонемам), исследователи нередко подчеркивают случайную различительную функцию ударения в ущерб его выделительной функции, которая лишь одна является общей для всех типов ударения. Мысль о первостепенном значении места ударения в семантической единице для тех языков, где ударение не фиксировано, могла появиться в связи с тем часто констатируемым фактом, что место ударения кажется значительно более существенным для понимания сказанного, чем соблюдение многих фонематических различий¹. Возможно, дело здесь заключается в том, что как для говорящего, так и для слушателя ударение представляет собою нечто столь важное, что те сведения о слове, которые оно дает регистрируются слушателем в первую очередь. Так, например, *pasó* воспринимается прежде всего как слово, принадлежащее к акцентуационной схеме — —; тем самым все слова, принадлежащие к схеме — —, в том числе *páso*, сразу же устраняются из сознания слушателя. Для того чтобы определить слово *pasó*, необходимо просто противопоставить его другим словам или формам, относящимся к той же схеме, например *pasé* «я прошел». Действительно, индивидуализация семантических единиц в речевом потоке при помощи ударения в тех случаях, когда место ударения не определяется автоматически, позволяет частично определить слово. Однако было бы неправильно видеть в этом основную функцию ударения. Ударение выступает как нечто важное для слушателя, во-первых, потому, что оно затрагивает относительно крупные отрезки речевого потока, во-вторых, потому, что оно часто бывает основано на резко выделяющемся фонетическом признаке или на сочетании

¹ Cp. «Desc. phonol.», 5.5 и 5.6 и «Accents et tons», «Miscellanea phonetica», 2, 1954, стр. 13—24, особенно стр. 14—16.

таких признаков, и, наконец, потому, что по сравнению с другими фонологическими единицами оно обладает малой степенью «произвольности», иначе говоря, не ограничивается определенной языковой системой. Кроме того, поскольку ударение является выделительной единицей, все характеризующие его элементы реально присутствуют в речевом потоке, тогда как противопоставительные единицы, например фонемы, определяются лишь благодаря тому, что слушатель бессознательно помещает эти единицы в их парадигмы. Возможно, именно поэтому ударение воспринимается непосредственной и проще, чем менее длительные и менее устойчивые фонематические признаки, лингвистическая значимость которых реализуется лишь при помощи сложного механизма мысленных сопоставлений.

Двойное членение языка

6. Если теоретики не всегда согласны с точным значением соссюрковского термина «произвольный»¹, они все же на практике не подвергают сомнению условный характер языковых фактов. Именно этой условностью объясняется само существование различных языков и их развитие, а также необходимость изучать языки. В каждом языке сообщения расчленяются в соответствии с особым кодом, а каждая единица кода в свою очередь расчленяется на различительные единицы, которые также образуют особую систему. Такое двойное членение² является, по-видимому, необходимым с точки зрения экономии и представляет собой общий признак всех тех объектов, которые лингвисты соглашались называть языками; именно это членение обеспечивает сохранение условного характера языковых фактов. Во всех языках мы находим, однако, побочные факты, которые так или иначе остаются (целиком или частично) в стороне от двойного членения. Наиболее

¹ См. E. Benveniste, *Nature du signe linguistique*, «Acta linguistica», 1, 1939, стр. 23 и сл. и A. Sechehaye, Ch. Vallu и H. Frei, *Pour l'arbitraire du signe*, там же, 2, 1940, стр. 165 и сл.

² Ср. André Martinet, *La double articulation linguistique*, TCL, Copenhague, 5 (Recherches structurales), стр. 30—37.

явными примерами могут служить междометия, например франц. *aïe* «ай!». Это междометие, означающее приблизительно то же, что и *tu m'as fait mal* («мне больно»), стоит в стороне от первого членения языка (то есть от членения сообщения в соответствии с особым кодом), которое могло бы дать именно *tu-m-as-fait-mal*. С фонетической точки зрения это междометие соответствует быстрому закрытию рта, которое, вероятно, представляет собой нормальный рефлекс человека, почувствовавшего внезапную боль. Но и здесь есть элемент условности, состоящий в том, что члены французской языковой общности «предпочли» такое закрытие рта, которое дает передний звук (ср. задний звук в [au], которое произносит в аналогичных случаях датчанин). Видимо, французы «предпочитают» здесь передний звук потому, что образованное с его помощью междометие по своей фонетической форме хорошо соответствует второму членению французского языка. Действительно, *aïe* произносится так же, как совершенно обычные слова *ail* «чеснок», *aille* «(чтобы он) шел», *aillent* «(чтобы они) шли»; [au] точно так же вполне соответствует фонологическому членению датского языка.

Побочный характер просодических явлений

7. Когда мы говорим о малой степени произвольности многих просодических единиц, это следует понимать в том же самом смысле, как и утверждение о том, что междометие типа *aïe* является лингвистически побочным фактом, поскольку оно недостаточно условно и стоит в значительной мере в стороне от двойного членения языка. Рассмотрим, например, интонацию. Даже в своих наиболее осмысленных формах она никогда не укладывается в строго лингвистические рамки. Мелодическое повышение в конце фразы, указывающее на вопрос, выполняет приблизительно ту же функцию, что и наречный элемент типа франц. *est-ce que*, англ. *do*, русск. *ли*. Поскольку это повышение представляет собой неделимое фонологическое целое, интонация не поддается второму членению (ср. членение *est-ce que* на /e—s—k/). Далее, мы вправе поставить следующий вопрос: в какой мере повышение тона со значением вопроса может быть описано как явление условного

характера? В действительности оно представляет собой результат всеобщей тенденции завершать целостное высказывание мелодическим понижением тона; если мы слышим повышение тона вместо понижения и в то же время наш собеседник перестает говорить, то недостающее понижение будет заключено только в нашем ответе. В силу самой своей природы просодические элементы используются и истолковываются всеми людьми в основном одинаково.

Тенденция к образованию вершины

8. Существенную общую черту музыкальной высоты тона, интенсивности, а также долготы как одной из форм интенсивности составляет их тенденция образовывать вершину, то есть выделять определенные отрезки речевого потока как более важные по сравнению с остальными, причем тем более важные, чем большей высотой тона или интенсивностью они обладают. Это свойство сильно отличается от свойств тех звуковых признаков, которые служат для строго лингвистических целей. Оно не имеет ничего общего со свойствами противопоставления, основанного на наличии или отсутствии определенного фонетического признака, например голоса, поскольку в тех случаях, когда наличие и отсутствие голоса являются различительными, они имеют совершенно одинаковые функции. Так, в контексте, где могут выступать *pierre* и *bière*, слово *bière* является не более важным для общения, чем *pierre*, хотя /b/ произносится с голосом, а /p/ — без голоса. С другой стороны, известно, что фонологические системы состоят из определенного числа дискретных единиц, для каждой из которых значащим могут быть только ее наличие или ее отсутствие, но ни в коем случае не различные степени участия. Любой фонетический признак, последовательное изменение которого соответственно изменяло бы содержание сообщения, *ipso facto* оказался бы за пределами фонологической системы в узком смысле слова. Если бы, кроме того, связь между изменением фонетического признака и изменением сообщения была столь «естественной», что всякий человек мог бы ее понять и использовать непосредственно, без

предварительного обучения, то фонетический признак перестал бы быть произвольным и, следовательно, лингвистическим в строгом смысле слова.

Дискретность ударения и градация ударений

9. Во многих языках, возможно, даже в большинстве языков, тенденция высоты тона и интенсивности к образованию вершины используется таким образом, что соответствующий признак не теряет своего лингвистического и даже фонологического характера. Основанное на этих признаках ударение не может иметь (по крайней мере, в известном смысле) различных степеней: слово в испанском языке или значащий элемент в немецком либо несет ударение, либо не несет; определенные слова или значащие элементы могут в одних случаях быть ударными, в других безударными, однако они никогда не бывают ударными наполовину. Так называемое «второстепенное» ударение представляет собой в зависимости от языка либо автоматический и, следовательно, несамостоятельный ритмический отзвук «главного» ударения, либо ударение в полном смысле слова. Например, в чешском языке¹, как правило, ударение несут все нечетные слоги слова, причем главное ударение падает на первый слог; поскольку здесь все «второстепенные» ударения полностью предсказуемы, они ничего не добавляют к «главному». Акцентуация того же типа, видимо, существовала на очень древнем этапе развития ирландского языка. В немецком языке, где акцентуационной единицей является не слово, а значащий элемент, сложное слово типа *Wachsfigurenkabinett* «кабинет восковых фигур» содержит три ударения. В данном случае градация ударений лексикализована, и, таким образом, ударение сохраняет, хотя и в ограниченной степени, качество произвольности. В немецком языке нет «главного» и «второстепенного» ударений, а существует теоретически бесконечная градация ударений. В нашем примере представлены три ступени такой градации: *Wachs-* — первая ступень, *-nett* — вторая и *-gu-* — третья. Положение в англ-

¹ Ср., например, E. Smetánka, *Tschechische Grammatik*, 1920, стр. 16—17.

лийском языке в этом отношении аналогично, хотя и усложнено менее самостоятельным характером романских элементов. Градация ударений в речи представляет собой отчасти условное и, следовательно, собственно лингвистическое явление, однако она все же в значительной мере зависит от потребностей говорящих, которые могут изменять ее по-своему, для того чтобы уточнить или изменить содержание своих сообщений.

10. Итак, ударение выступает в нескольких аспектах. Оно является дискретной языковой единицей, когда отрезок речевого потока, способный нести ударение, может быть либо ударным, либо безударным; часто ударение обладает подвижностью или сопровождается изменениями высоты тона и, таким образом, может частично выполнять различительную функцию. Однако, с другой стороны, оно представляет собой вершину, которая контрастирует в контексте с другими вершинами и показывает, что определенное слово или определенный значащий элемент имеет большее или меньшее значение (действительное или традиционно ему приписываемое) в процессе общения, чем какое-то другое слово или другой элемент. Таким образом, характер ударения может изменяться в зависимости от потребностей общения, а поскольку ударение представляет собою не что иное, как особый способ артикуляции фонем, изменение ударения может привести к изменению звуковой природы последних. Потребности общения могут легче всего воздействовать на систему фонем и различительные возможности языка именно через ударение; поэтому ударение играет огромную роль в диахронической фонологии. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос ниже, после краткого разбора основных типов мелодических элементов и общих особенностей их поведения.

Некульминативная мелодическая высота

11. Хотя тенденция к образованию вершины, характерная для интенсивности, свойственна также мелодической высоте, последняя все же, очевидно, имеет больше возможностей полностью избежать действия этой тенден-

ции. Практически во всех частях света, за исключением, быть может, только Европы, существуют языки, не имеющие ударения, в которых каждый слог характеризуется относительной высотой тона или определенным мелодическим рисунком. Нередко в таких языках различаются высокий и низкий тоны, но при этом значащая единица может иметь столько высоких или низких тонов, сколько в ней слогов, иначе говоря, высокие тоны не образуют здесь вершины. В языках, где имеется ударение, мелодическая высота тона играет определенную акцентуационную роль: для ударного слога характерна самая высокая нота или специфическое повышение тона, низкие же тоны имеют лишь негативное значение. В языке, где есть тоны и нет ударения, низкий тон имеет такое же позитивное значение, как и высокий. Хотя тоны, безусловно, представляют собой просодическое явление (на это указывают размеры отрезков речи, которые они характеризуют), отношения между тонами в языках, не имеющих ударения, сходны с отношениями между фонемами. В тех случаях, когда тонов достаточно много, они образуют серии и ряды, во всех отношениях аналогичные описанным выше сериям и рядам фонем. Обычно «серию» характеризует определенный регистр, а каждый из рядов отличается особым мелодическим рисунком. Таким образом, тоны одного ряда сходны по рисунку, но артикулируются на разных регистрах. В языках Юго-восточной Азии распространена следующая тональная корреляция¹.

Характерный рисунок Регистр	Ровный	Мелодический	Глоттальный
Высокий	—	~	?
Низкий	—	~	?

Разные ряды различаются между собой направлением (восходящий, нисходящий, ровный тоны), степенью слож-

¹ Ср. систему вьетнамского языка, описанную Ле-ван Ли (L ê-v a n L y, *Le parler vietnamien*, Paris); см. также А. Н а u d r i c o u r t, BSL, 47—2, 1951, стр. 271.

ности (простой тон с неизменным направлением и сложный тон с меняющимся направлением) или участием голосовых связок. Условия эволюции таких систем аналогичны рассмотренным выше условиям эволюции фонематических систем. Следует учитывать возможность перенесения различительных признаков тонов на те фонемы, которые артикулируются одновременно с этими тонами или соприкасаются с ними в речевом потоке. Например, между звонкостью согласной и низким тоном следующей за ней слоговой вершины часто существует диахроническая связь¹.

Кульминативная мелодическая высота

12. Тоны свойственны не только языкам, лишенным ударения. Часто имеет смысл признать существование тонов в языках, имеющих ударение. Речь идет о тех языках, где выделение ударного слога сопровождается явлениями мелодического характера, неодинаковыми у разных слов, или даже основано на наличии у данного слога определенного мелодического рисунка, играющего различительную роль. Среди языков, имеющих ударение, не существует, по-видимому, ни одного такого, в котором тоны могли бы противопоставляться за пределами ударного слога (имеется в виду «главное», а в языках, где градация ударений в речевом потоке лексикализована², также «второстепенное» ударение). В таком языке, как китайский (точнее, в пекинском диалекте), ударение и тоны, как правило, рассматриваются отдельно. Напротив, при описании европейских языков, имеющих «тоны» (все они имеют также ударение), обычно предпочитают говорить о различных типах ударения. Примерами могут служить острое и обложенное ударения в древнегреческом языке, простое и сложное в шведском и норвежском, восходящее и нисходящее в сербско-хорватском, простое и прерывистое в датском и латышском. Однако с функциональной

¹ Cp. Samuel E. Martin, The phonemes of Ancient Chinese, suppl. to «The Journal of the American Oriental Society», № 16, Baltimore, 1953, стр. 10.

² См. выше, § 9 наст. гл., относительно немецкого языка.

точки зрения следует проводить различие между выделительной функцией, свойственной ударению, и различительной функцией, которую выполняет противопоставление двух мелодических типов. Правда, в некоторых из указанных языков место ударения также имеет различительное значение, и поэтому рассматривать тоны и ударение отдельно друг от друга, например, в таком языке, как древнегреческий, значило бы помещать в разные рубрики две разновидности одной и той же различительной функции. Однако в диахроническом отношении развитие тонов в различных языках оказывается во многих случаях аналогичным, независимо от того, способствуют эти тоны выделению ударных слогов или нет.

Кульминативная мелодическая высота и интенсивность

13. Может возникнуть вопрос, не следует ли выделить из числа языков, в которых существует ударение, с одной стороны, языки, имеющие тоны, например древнегреческий и шведский, с другой — языки, имеющие несколько типов ударения, противопоставление которых основано на различиях немелодического характера. К языкам второго типа следовало бы отнести прежде всего такой язык, как датский, где различаются простое ударение и ударение, сопровождаемое гортанной смычкой¹. Однако гортанная смычка происходит из древнего восходящего тона, и как с диахронической, так и с синхронической точки зрения оказывается совершенно бессмысленным рассматривать как нечто особое просодический элемент, ведущий себя в функциональном отношении точно так же, как тот тон, к которому он восходит. Противопоставление двух типов ударения можно усматривать в некоторых разновидностях различий по интенсивности. Сюда относятся так называемое различие по типу слогораздела²: можно считать, что в немецком языке *hacken* «ру-

¹ Ср. André Martinet, La phonologie du mot en danois, Paris, 1937, стр. 91—102.

² Ср. выше, гл. IV, § 49.

бить» отличается от *Haken* «крючок» не столько долгой гласной, сколько тем, что в первом слове /k/ прерывает гласную в тот момент, когда она еще сохраняет всю свою силу, тогда как в слове *Haken* гласная успевает ослабиться. Поскольку это различие существует только в ударных слогах, действительно есть некоторые основания усматривать в нем акцентуационное просодическое явление. Аналогичным образом можно было бы говорить о двух различных типах ударения в тех случаях, когда энергия, затрачиваемая на удвоение согласной, идет как бы в счет ударения¹. Так, можно было бы утверждать, что швед. *skatta* «ценить» имеет «удвоенное» или «согласное» ударение, а *skata* «сорока» (с [-á-] долгим) — «простое» или «гласное» ударение. Однако, поскольку в шведском языке существует противопоставление двух типов ударения, основанное на мелодических различиях, причем удвоение и тоны явно принадлежат здесь к разным лингвистическим планам, нет никакого смысла говорить о двух разных типах ударения в шведских *skatta* и *skata*, относящихся к одному и тому же мелодическому типу. Вероятно, не следует также говорить о различии по типу ударения между нем. *hacken* и *Haken*.

Интонация

14. Чтобы закончить разбор мелодических явлений, нам осталось рассмотреть только интонацию. Анализ интонации с точки зрения ее роли в фонетической эволюции представляет собой очень трудную задачу, поскольку данных по этому вопросу совершенно недостаточно. В плане синхронии делались некоторые попытки проанализировать интонацию с функциональной и структурной точек зрения², однако достигнутые результаты вряд ли можно считать окончательными. Авторы этих попыток, видимо, можно упрекнуть в чрезмерном стремлении применить к такому периферийному языковому явлению, как интонация, методы, выработанные в фонематике.

¹ Ср. выше, гл. IV, § 66.

² См., в частности, Kenneth L. Pike, *The intonation of American English*, Ann Arbor, 1945.

Нельзя считать доказанным, что интонацию того или иного языка можно свести к дискретным единицам. Для того, чтобы внести ясность в этот вопрос, необходимо отбросить все, что психологически мотивировано, и выявить в каждом языке все, что является специфическим для него и, следовательно, лингвистически значимым. Однако для такой работы требуется точное знание интонации самых различных языков; эти знания можно получить лишь при условии, что описания будут составлены на основе определенных общих принципов. В плане диахронии, вероятно, столь же трудно восстановить эволюцию интонации в данном языке, как и определить, в каком отношении интонация могла воздействовать на развитие других звуковых элементов, поскольку никакими данными, касающимися интонации на прежних этапах языкового развития мы не располагаем. Возможно, когда-нибудь, после того как интонация будет хорошо изучена, сравнение современных языков позволит нам восстановить историческую перспективу.

Случайный характер „свободы“ ударения

15. Ничто яснее не показывает, насколько эпизодической и случайной является различительная роль места ударения (ср. исп. *páso* — *pasó*), чем диахронический анализ нескольких случаев, из которых мы узнаем, откуда происходит так называемое «свободное» ударение (то есть ударение, место которого не определяется автоматически фонемным составом слова или акцентуационной единицы). Ударение такого типа, играющее в отдельных случаях различительную роль, характерно для всех романских языков, за исключением французского. Оно развилось в результате исчезновения противопоставления гласных по долготе в вульгарной латыни; на новом этапе реальная длительность гласных зависела уже только от их тембра и от контекста. Таким образом, фонологические типы *átāta* и *atāta*, различавшиеся в классической латыни по долготе второй гласной, превратились в типы *átata* и *atáta*, единственным релевантным различием между которыми является место ударения. Выше (см. гл. IV, § 70) мы предложили

причинное объяснение такого изменения, основанное на сравнении частотности долгих и кратких фонем. Во всяком случае, какими бы ни были причины этого явления, ясно, что в их число не входит стремление различать слова типа исп. *cortes* «кортесы» — *cortés* «учтивый» или формы типа *paso* «я прохожу» — *pasó* «он прошел». Конечно, после того как ударение становится «свободным», то есть получает возможность служить для противопоставления, ничто не мешает его широкому использованию в этом отношении. Следует, однако, заметить, что ударение используется для противопоставления друг другу двух лексических единиц (например, *cortes* — *cortés*) в меньшей мере, чем для противопоставления различных типов слово-сложения, словообразования или словоизменения (ср., например, английские глаголы *présent* «представлять, преподносить», *refúse* «отказываться», *incréase* «увеличиваться» и существительные *présent* «подарок», *réfúse* «отбросы», *increase* «увеличение»). В подобных случаях несущественно наличие пар квази-омонимов, различающихся только по месту ударения. Важно, что слушатель воспринимает слово как принадлежащее к определенной категории еще до того, как он полностью определит это слово по его фонемному составу. В своей недавней работе¹ Курилович подробно разбирает всю динамику такого использования «свободного» ударения в древних индоевропейских языках. В тех случаях, когда мы можем констатировать или предполагать не расширение функций ударения в связи с ослаблением других элементов системы, а установление системы ударения, базирующейся на самостоятельной основе, мы обнаруживаем ударение, место которого в слове (или в акцентуационной единице) автоматически определяется по отношению к границам этого слова и к количеству содержащихся в нем фонем или слогов. Акцентуационная система такого типа существовала в классической латыни; по-видимому, подобную систему следует предполагать также и для доисторической латыни.

¹ J. K u r y ł o w i c z, L'accentuation des langues indo-européennes, Cracovie, 1952.

Постепенное ограничение „свободы“ ударения

16. Легко понять, каким образом автоматическое ударение классической латыни превратилось в свободное ударение романских языков. Можно было бы без особого труда восстановить историю развития акцентуационной системы такого языка, как современный немецкий, исходя из фиксированного начального ударения, которое мы должны предполагать для наиболее древних этапов развития германских языков (противоположное мнение¹ мало обосновано и подверглось суровой критике). Вообще гораздо труднее объяснить появление в языке автоматического ударения взамен свободного. Обычно это явление пытаются объяснять постепенным ограничением свободы ударения под влиянием аналогии: можно предполагать, что наиболее часто встречающиеся акцентуационные схемы с каждым новым поколением получают все более широкое распространение, и, в конце концов, использование каждой из этих схем начинает определяться уже не принадлежностью слова или формы к определенной смысловой категории (относящейся к области словосложения, словообразования или словоизменения), а фонологическим составом акцентуационной единицы и особенно количеством и долготой составляющих ее слогов. В аттическом диалекте древнегреческого языка ударение в глагольных формах является по существу фиксированным, а в именных формах число его возможных положений строго ограничено. Сравнение с другими древними индоевропейскими языками показывает, что аттическая акцентуационная система представляет собой определенную ступень того постепенного процесса ограничения свободы ударения, один из возможных вариантов которого подробно рассматривает Курилович².

¹ Ср., например, E. Prokosch, *A comparative Germanic grammar*, Philadelphia, 1939, стр. 119.

² J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues indo-européennes*, Cracovie, 1952, стр. 121—190.

Фиксированное ударение, возникающее в результате подражания или „спонтанно“

17. В определенных случаях предположение о том, что фиксированное ударение могло появиться в результате постепенного ограничения свободы ударения, представляется достаточно правдоподобным. Однако, безусловно, следует учитывать возможность других объяснений: в частности, можно связывать появление фиксированного ударения с влиянием языкового контакта (то есть с влиянием субстрата, суперстрата или адстрата). Например, весьма соблазнительно, объясняя начальное ударение чешского и словацкого языков, использовать в качестве аргумента их соседство с немецким и венгерским. Однако почему то же самое соседство никак не повлияло на словенский язык? Этот вопрос сам по себе не является возражением, но он напоминает о том, что любые объяснения, связывающие те или иные факты с влиянием языкового контакта, остаются всего лишь интересными предположениями, если речь идет только об изолированных элементах, хотя бы и столь важных, как ударение. Из числа прочих возможных объяснений следует отметить гипотезу о «спонтанном» появлении разграничительного ударения. Эта гипотеза также рискует остаться не более чем простым предположением, поскольку всегда будет трудно определить, почему разграничительное ударение «спонтанно» возникло именно в данную эпоху и в данной области, а не раньше, не позже и не в другом месте. Однако не следует все же отбрасывать предположение, которое, быть может, в известных случаях нам удастся подтвердить фактами.

Пассивное разграничение

18. В любом языке существует большее или меньшее количество таких звуковых элементов или их сочетаний, которые помогают слушателю разграничивать последовательные смысловые единицы в речевом потоке. Это не означает, что данные элементы всегда служат именно этой цели. Так, в английском и немецком языках фонема /h/ почти всегда указывает на начало новой смысловой единицы, однако ее основная функция, безусловно, разли-

чительная: англ. *hill* «холм» отлично от *ill* «больной», нем. *heilen* «лечить» отлично от *eilen* «спешить». Однако если разграничительная функция фонем случайна и как бы пассивна, некоторые другие звуковые элементы можно истолковать только как разграничительные знаки. Не следует думать, что говорящие действительно используют их для целей разграничения. В северных диалектах немецкого языка гортанный взрыв, предшествующий любой начальной гласной семантемы, является, по-видимому, чисто разграничительным элементом; однако немец из северной Германии, который произносит слово *verachten* «презирать» с твердым приступом перед /a/, делает это, безусловно, не потому, что он хочет показать, как членится речевой отрезок. Он делает это просто в силу подражания тому произношению слова *verachten*, которое он услышал и воспроизвел в детстве. Поскольку говорящий не может произнести это слово иначе как с твердым приступом, последний не имеет для него никакой «значимости». Видимо, то же самое можно сказать об автоматическом начальном ударе чешского слова. Усиленное ударение, то есть ударение, которое характеризуется большей, чем обычно, интенсивностью, представляет собой особое средство, находящееся в распоряжении говорящего. Ударение, которое характеризуется нормальной для данного контекста интенсивностью, безусловно, помогает слушателю понять сказанное, однако для говорящего оно является результатом соблюдения традиции, а не намерения разграничить слова.

„Эмфатическое“ ударение

19. Выделение начала слова с намерением разграничить слова существует в современном французском языке. Речь идет о так называемом «эмфатическом» ударе. Как по месту своего проявления, так и по своей физической природе и особенно по своему преднамеренному, неавтоматическому характеру это ударение четко отличается от остатков традиционного удара на конечном слоге слова. Как известно, «эмфатическое» ударение выступает в двух различных формах: аффективной и смысловой. В своей аффективной форме оно проявляется

в виде необычного удлинения и увеличения интенсивности первой согласной слова, в смысловой форме — в виде особо четкого выделения первого слога¹. Формально эти два варианта «эмфатического» ударения четко различаются в словах, начинающихся с гласной (*impóssible—impossible*), однако даже в таких словах во многих контекстах явно аффективного характера выделяется весь первый слог (ср. *c'est impossible* «это невозможно» с выделением слога /tɛ/). Особенно четкое произношение первого слога слова часто встречается в так называемом дидактическом стиле; в этом случае оно выполняет явно разграничительную функцию: выделяя каждую смысловую единицу из контекста, оно подчеркивает внутреннее строение мысли. Выполняя в основном кульминативную функцию в своей более интенсивной аффективной форме (характеризующей, хотя и не всегда, начальный слог) и явно разграничительную функцию в своей смысловой форме, предназначенной скорее для уточнения, чем для усиления (и всегда характеризующей начало слова), эмфатическое ударение охватывает чрезвычайно широкий и разнообразный круг явлений, и, может быть, его современное состояние представляет собой переходный этап на пути к его всеобщему распространению. В последнем случае оно стало бы автоматически сопровождать все «полнозначные» слова во всех контекстах, где они выступают. Таким образом, в эмфатическом ударении, вероятно, заключается один из возможных источников фиксированного ударения. Можно догадываться, какие условия культурного и языкового порядка (например, слабость традиционного ударения) способствовали развитию эмфатического ударения в современном французском языке; однако выяснить характерные общие условия появления фиксированного ударения мы могли бы лишь в том случае, если бы располагали удовлетворительным описанием определенного числа аналогичных случаев. Было бы особенно желательно детально изучить процесс превращения подобного факультативного и преднамеренного ударения во всеобщее и автоматическое.

¹ См., например, J. M a r o u z e a u, Quelques aspects du relief dans l'énoncé, «Le français moderne», 13, стр. 165—168.

Взаимодействие причин, ведущих к возникновению фиксированного ударения

20. Не следует забывать, что различные причины, ведущие к возникновению фиксированного ударения, не исключают друг друга. Подражание чужому языку, который приходится активно использовать или хотя бы постоянно слышать, может облегчить появление, распространение или автоматизацию ударения этого типа; существование «эмфатического» или фиксированного ударения в соседних языках или диалектах может способствовать постепенному ограничению свободы ударения в каком-то определенном направлении. Кроме того, ясно, что общие условия фонетических изменений значительно усложняются, как только появляются звуковые элементы, используемые говорящим для непосредственного удовлетворения потребностей общения и выражения. Если говорящему нужно употребить слово *impossible*, он не может выбирать, употребить или не употребить в этом слове фонему /p/. Необходимость использования фонемы /p/ уже определена предварительным выбором того элемента мысли, который связан со словом *impossible* в его традиционной форме. Однако говорящий может выбирать между эмфатическим и неэмфатическим произношением слога *im-*; в том случае, если возможно огромное число подобных выборов, напрасно пытаться детально анализировать причинные связи, определяющие рассматриваемое явление. Может возникнуть вопрос, в состоянии ли мы когда-либо выйти в этой области за пределы простых предположений. Видимо, чаще всего мы будем вынуждены рассматривать ударение (доступное непосредственному наблюдению или реконструируемое по результатам производимого им воздействия) скорее как исходную точку причинной цепи, чем как звено в более обширной совокупности явлений.

Силовое ударение, синкопа и апокопа

21. Еще до появления структурно-функционального языкознания и тех его разделов, задачами которых является

объяснение фактов, лингвисты приписывали силовому ударению решающее воздействие на звуковой облик языка. Между тем, вероятно, никому еще не удавалось непосредственно наблюдать такое воздействие силового ударения, которое за короткое время привело бы к утрате различительного тембра безударными гласными или даже к полному их исчезновению. По-видимому, для такого воздействия требуется определенное время; достаточно точные фонетические описания начали составляться слишком недавно, для того чтобы можно было констатировать сколько-нибудь заметное ослабление безударных гласных за время, прошедшее от составления первого описания до составления последующих. Напомним, кстати, что дело обстоит почти так же с любым другим типом фонетических изменений. Распространенное представление о воздействии силового ударения является, видимо, несколько упрощенным и односторонним. На ударение обычно смотрят как на слепую силу, перед которой ничто не может устоять и которая беспощадно уничтожает морфологические или лексические различия, имеющие несчастье основываться на безударных гласных. Не следует забывать, однако, что всякий язык всегда, даже в те моменты, когда он претерпевает изменения, связанные с воздействием силового ударения, остается пригодным для использования в качестве орудия общения. Необходимые различия должны сохраниться в любом случае; они могут исчезнуть, лишь если носители языка так или иначе ограждены от опасных последствий этого исчезновения. Относительно быстро разрушиться может только то, что сохранялось лишь в силу инертности и традиции. Хотелось бы даже предположить, что силовое ударение появляется в языке (или, скажем, получает возможность укрепиться в нем) лишь в тех случаях, когда в силу традиции в нем накопилась масса по существу бесполезных элементов, которые экономия требует исключить из развивающейся новой структуры. Можно было бы даже прийти к мысли о том, что не воздействие силового ударения приводит к потере характерного тембра у гласных и уменьшению числа слогов, а напротив, утрата бесполезных различий по тембру приводит к освобождению какого-то количества энергии, которое переносится на лексическую часть

слова и усиливает ее¹. Известно, например, что во всех западных индоевропейских языках окончания ослабились; можно предположить, что основной причиной ослабления окончаний была общая для этих языков лексикоморфологическая эволюция, включающая, в частности, превращение многих наречий в предлоги. Потеря окончаний, в свою очередь, привела к концентрации энергии на лексической, то есть на начальной части слова. В рамках этой весьма общей схемы следует учитывать возможность взаимодействия между диалектами; многое объясняется именно взаимодействием такого рода. Например, тогда как в оскско-умбрском окончания действительно ослабляются (ср. *húr̥z* «сад» из **hortos*), в латинском языке этого не происходит в течение довольно долгого времени (ср. *hortus*); далее, если в латинском языке и появляется (быть может, в силу подражания) начальное ударение, то в нем все же сохраняется такое ритмическое строение слова, при котором тембр гласных изменяется только в срединных слогах. Какой бы ни была ценность этой гипотезы, все же вполне вероятно, что сильное ударение не всегда обуславливает редукцию гласных и что особую четкость определенных слогов можно объяснить тенденцией к уменьшению четкости различий в других слогах. Возможно, в последнем случае необязательно предполагать наличие исключительно сильного ударения.

Изменения в системе

22. На первый взгляд кажется, что воздействие интенсивного ударения может привести только к уменьшению числа гласных фонем в словах и в речевом потоке, но не может изменить числа фонем в системе. В крайнем случае могут нейтрализоваться некоторые противопоставления в безударных слогах, подобно тому как в доисторической латыни в срединном слоге нейтрализовались все различия по тембру между краткими гласными (раз-

¹ Изложенное здесь положение принадлежит Фредрику Юнгеманну, который неоднократно излагал и активно защищал его как устно, так и в своей большой работе «The substratum theory and the Hispano-Romance and Gascon dialects».

личные тембры, засвидетельствованные впоследствии граффикой,—[e], [i], [u], [ü?] — полностью определяются контекстом). В действительности довольно часто гласная ударного слога принимает окраску выпавшей гласной следующего слога. Поскольку нет никаких оснований усматривать в этом частичном сохранении тембра исчезнувшей гласной действие инерции, следует думать, что оно обусловлено принципом экономии; в подобных случаях можно сомневаться в том, что ослабление гласных в окончаниях было вызвано их избыточностью в системе языка в целом. Уменьшение числа фонем в слове приводит к увеличению числа различительных единиц в системе: потеряв гласные вторых слогов, др.-в.-нем. *scōno* «уже» и *scōni* «красивый» не слились друг с другом, поскольку во втором случае говорящие предпочитали такое произношение /ō/, которое предвосхищало переднюю артикуляцию фонемы /i/; указанные древневерхненемецкие слова дали современные немецкие *schon* и *schön*; последнее из них содержит фонему /ō/.

23. Воздействие силового ударения предполагается также в случаях, когда гласные в зиянии постепенно начинают утрачивать свой гласный характер в предупредном положении. Такое явление произошло в поздней латыни эпохи Империи, и именно этим объясняются романские палатализации, в том числе, возможно, палатализация дорсальных перед передними гласными¹, а также исчезновение *i* в *pariētem* «стена» > исп. *pared*, франц. *paroi* и *u* в *battuere* «бить» > франц. *battre*. В этом случае, так же как и в предыдущем, исчезновение некоторых фонем в речевом потоке привело к значительному увеличению числа единиц в фонологической системе. Подобные явления компенсации легко объяснимы, и нет необходимости рассматривать их более подробно.

Силовое и количественное ударение

24. Нередко различие между силовым и музыкальным ударениями подчеркивается в ущерб другому

¹ См. выше, гл. II, § 29.

различию, которое тем не менее заслуживает особого внимания, поскольку часто приводит к важным диалектическим последствиям. Речь идет о различии между силовым ударением в собственном смысле слова и ударением, в котором интенсивность выступает в основном в виде количества. На слух нередко бывает довольно трудно различить эти два типа ударения, однако исследование явлений, происходящих в безударных слогах, показывает, что это различие существует. В тех случаях, когда ударение является собственно силовым, невозможно заранее определить, в каком порядке должны исчезать безударные гласные. В исторической фонетике германских языков (для них, видимо, следует предполагать силовое ударение большой интенсивности) почти невозможно обнаружить какие-либо различия по относительной устойчивости в безударных слогах у открытых или закрытых гласных. В тех редких случаях, когда некоторое различие все же существует, *i* и *u* сохраняются, вероятно, лучше, чем *a*. В португальском языке ударение имеет в основном количественный характер, что особенно заметно при сравнении португальского с испанским. Ударение в испанском языке практически не вызывает увеличения длительности гласных (это видно из сопоставления долготы ударных и безударных гласных); напротив, в португальском языке различие в длительности ударных и безударных гласных заметно с первого взгляда. В языке, где ударные и безударные гласные различаются главным образом по долготе, закрытые гласные, более краткие по природе, по-видимому, должны исчезать в слабой позиции раньше, чем открытые (как правило, относительно более долгие). Действительно, именно такое явление наблюдается в португальском языке, где из трех гласных фонем (/i/, /u/ и /a/), которые встречаются в безударном слоге, первые две в речи часто исчезают, тогда как третья почти всегда сохраняется, обычно в виде [ə]¹. Известно, что в наиболее древний период развития галло-романских диалектов безударные /i/ и /u/ ослабились и исчезли (если

¹ В этом отношении наблюдения Ё. Хаммарштрёма над говорами Алгарве («Études phonétiques...») имеют силу для португальского языка в целом.

только они не служили опорой для сочетаний согласных), а безударное /a/ (записываемое в виде *e*) сохранилось. Очевидно, на основании этого можно сделать вывод, что в указанный период ударение было скорее количественным, чем собственно силовым. Если предположить, что ослабление конечных гласных распространялось в Галлии с севера на юг и что в структурном отношении оно оказалось значимым только на севере, то можно считать это явление связанным со значительным удлинением ударных гласных в открытых слогах, которое в конечном счете привело к дифтонгизациям.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Влияние экспрессивных и лексических фактов на звуковую сторону языка

1. Рассматривая просодические элементы в диахроническом аспекте, мы видели, что некоторые из них образуют своего рода промежуточное звено, через которое меняющиеся потребности общения могут легче всего оказывать влияние на природу фонологических единиц, на их число и различительную способность. Существуют и другие пути воздействия. Например, такое влияние может осуществляться через экспрессивные явления, которые находятся отчасти за пределами лингвистически произвольного и не всегда подлежат двойному членению¹. Однажды закрепившись в системе, факты экспрессивного происхождения могут широко распространиться через словарный состав и существенно изменить статистическое распределение фонем. С другой стороны, в некоторых случаях важным источником изменений фонологической системы является включение в нее новых фонем при заимствовании иностранных слов. Структурное объяснение этого процесса вместе с примерами было дано выше (см. гл. IV, § 12). Массовый приток новых лексических единиц, даже когда они не содержат необычных фонем, может повлиять на звуковую сторону языка, если в результате такого притока изменяется относительная частотность различительных единиц, например, если возрастает отношение частотности /tt/ к частотности /t/. К такому выводу приводит нас разбор статистических теорий Ципфа². Не следует, кроме того, забывать, что увеличение частотности определенных фонем почти обязательно приведет к изменению функциональной нагрузки тех противопоставлений, в которых эти фонемы участвуют.

¹ Ср. выше, гл. V, § 6 и 7.

² Ср. выше, гл. IV, § 35—61.

Морфологические давления

2. В рассматриваемом вопросе существует еще одна возможность, на которую следует обратить внимание. Представим себе различительный признак, например признак глоттализации, который характеризует ту или иную морфологическую или лексическую категорию. Нельзя ли предположить, что у говорящих может появиться тенденция сочетать данную артикуляцию с другими и использовать ее за пределами той части фонологической системы, к которой она относится? Наш пример иллюстрирует давление несколько иного типа: речь идет о распространении корреляции за пределы ее нормальной сферы под давлением системы морфологических чередований. Большинство согласных бретонского языка объединены в две **фонологические** серии — серию сильных и серию слабых¹. Слабые согласные выступают как звонкие, а соответствующие им сильные — чаще всего как глухие. В противопоставлениях, оба члена которых являются фонетически звонкими, сильная согласная имеет тенденцию к оглушению; эта тенденция полностью осуществилась в валлийском языке, где сильные плавные, передаваемые на письме *ll* и *rh*, стали глухими. Противопоставление слабых и сильных часто совпадает с **морфологическим** чередованием ленированных и неленированных согласных. Например, фонема /b/ соответствует фонеме /p/ как слабая сильной и в то же время как ленированная неленированной. Однако, поскольку [b] выступает также как неленированное соответствие фонемы [v], появилась тенденция установить фонологическое различие между морфологически «сильным» [b] (чередующимся с [v]) и морфологически «слабым» [b] (чередующимся с /p/). В результате в настоящий момент в бретонском языке существуют две фонемы *b*: сильное *b* (транскрибируемое /bb/), которое имеет тенденцию к оглушению и поэтому лишь незначительно отличается от /p/, и всегда звонкое слабое /b/. Противопоставление этих двух *b* во многих случаях нейтрализуется; точнее, оно установилось лишь в одном, весьма

¹ См. Falc'hun, Le système consonantique du breton, Rennes, 1951, в особенности стр. 63—65.

своеобразном контексте, а именно в начале слова, не являющегося первым во фразе, и притом только после слова, оканчивающегося на гласную. Во всяком случае, влияние морфологических давлений на систему фонем здесь несомненно.

Сопоставление различных типов изменений

3. Разбор явлений просодии расширил область нашего исследования; однако нужно учитывать, что в предыдущей главе мы стремились прежде всего дополнить анализ внутренней фонологической причинности. Таким образом, полезно подвести итоги, определив, в какой мере предложенные принципы объяснения применимы ко всем основным типам фонетических изменений. Правда, мы не собираемся в каждом отдельном случае прежде всего выяснять ценность предложенного объяснения. Ценность объяснений, вероятно, весьма различна в разных примерах даже в пределах одного и того же типа. Рассмотрим последовательно различные типы изменений. В наш разбор мы включаем только изменения, которые можно назвать систематическими, то есть изменения, затрагивающие все реализации данных фонем (во всех позициях или в определенных фонетических контекстах). Мы оставляем в стороне все, что можно назвать заимствованием, то есть явления, связанные с влиянием других языковых систем; к этому существенному элементу общей совокупности фонологических условий мы вернемся ниже. С функциональной точки зрения мы различаем следующие типы изменений: 1) изменения, которые не приводят ни к расширению, ни к сужению различительных возможностей языка, 2) фонологические слияния, 3) изменения, ведущие к увеличению числа различительных единиц. Среди изменений первого типа следует выделить изменения, не затрагивающие отношений между единицами системы. В каждом случае мы будем рассматривать главным образом общие («необусловленные») изменения, однако изменения, ограниченные определенными контекстами, также могут быть рассмотрены в той мере, в какой влияния речевого потока оказывается недостаточно для их объяснения. Кроме того, внутри каждого типа можно

выделить отдельные случаи, различающиеся между собой степенью включения в систему участвующих в изменении фонем, а также относительной важностью изменения для общей экономики системы. Схема нашего разбора представлена в следующей таблице:

		«Необусловленные» изменения	«Обусловленные» изменения
I. Изменения, не затрагивающие различительных возможностей языка	A. Изменения, не затрагивающие системы		
	Б. Изменения в отношениях между единицами		
II. Изменения, уменьшающие различительные возможности языка			
III. Изменения, увеличивающие число различительных единиц			

I. A. Изменения, не затрагивающие системы. Изменение фонемы, не включенной в систему

4. Некомбинаторное изменение, не затрагивающее природы фонологических противопоставлений системы, обычно имеет весьма ограниченный характер. Чаще всего оно является началом более широкого фонетического изменения, которое приводит в конечном итоге к изменению отношений внутри системы. Однако в отдельных случаях изменение такого рода может рассматриваться, по-видимому, как нечто законченное. Представим себе фонему, не включенную в систему, артикуляция которой изменяется таким образом, что степень ее включения в систему не увеличивается. В качестве примера можно взять фонему /г/, которая приобретает увулярную артикуляцию в языке,

где нет ни других вибрирующих, ни увулярного ряда. Если только такое изменение нельзя объяснить подражанием иностранной речи, мы, видимо, вполне законно можем рассматривать его как патологическое явление, причины которого должны определить физиологи. Лингвисты-дилетанты, пытаясь объяснить появление в испанском языке глухой межзубной фонемы, охотно ссылаются на шепелявое произношение Карла Пятого. Серьезные лингвисты, хотя бы и традиционного направления, как правило, отказываются признавать столь внешние и случайные причины.

Изменение фонемы, включенной в систему

5. Некоторые из фонем, включенных в систему, по-видимому, обладают известной свободой. Так, в системе гласных, где наиболее открытая ступень представлена только одной фонемой, последняя вполне может варьировать от [æ] до [ɑ̃], не теряя при этом своей фонологической тождественности, то есть оставаясь самой открытой гласной в системе. Таким образом, фонема /a/ из [a] может превратиться в [æ] (как это и произошло в диалектах южной Англии), не изменяя системы. В действительности, прежде чем сделать вывод об абсолютной «спонтанности» такого изменения, следует проверить, не совпадает ли оно с какими-либо сдвигами других гласных системы. В таком случае может оказаться, что мы имеем дело с последовательным рядом фонем, каждая из которых оказывает давление на соседнюю, и что в действительности рассматриваемое изменение составляет часть процесса, приводящего в конечном итоге к изменению отношений между единицами. Диалектологи отмечают, что иногда бывает достаточно ничтожнейшего различия, чтобы противопоставить в сознании говорящих говор соседней деревни их собственному. В подобных случаях нет необходимости предполагать «спонтанное» фонетическое изменение; скорее следует предположить, что в ходе давнего эволюционного процесса между говорами соседних деревень возникло незначительное различие, которое говорящие вскоре осознали и закрепили с тем, чтобы подчеркнуть самостоятельность своего говора по отношению к соседнему.

Изменение ряда

6. Подходящий пример изменения, не затрагивающего системы, легче всего найти среди изменений, охватывающих весь ряд. Например, довольно часто ряд палатальных со временем приобретает шипящую артикуляцию. Следует предполагать, что такое явление произошло во всех языках, где в прошлом /k/ и /g/ палатализовались в положении перед йотом и перед передней гласной и где в настоящий момент мы находим шипящие вместо палатальных. Правда, в языках, где не существует эквивалента французскому слову «chuintant» («шипящий»), звук [č] часто называют палатальным. Однако в действительности эти два звуковые типа четко отличаются друг от друга. В некоторых случаях они могут выступать в качестве чередующихся вариантов, например англ. *did you?* «неужели?» может артикулироваться как [dɪdʲə], так и [dɪdʒə]. Однако, например в говоре Отвиля, /t/ и /d/ никогда не произносятся как шипящие, хотя в системе не существует шипящих, с которыми /t/ и /d/ могли бы при таком произношении смешаться. Переход палатальных в шипящие в тех случаях, когда он происходит, следует, вероятно, объяснять тенденцией к максимальной дифференциации: действительно, /č/ сильнее отличается от /k/, чем соответствующая палатальная. Однако остается еще объяснить, почему существуют такие языковые состояния, в которых этого перехода не происходит. Возможно, внимательное рассмотрение системы в целом и особенно реализаций велярных фонем, а также хронологии предшествующих изменений поможет объяснить сохранение (быть может, весьма непрочное) палатальных фонем в некоторых языках. Разумеется, сохранение /t/ и /d/ в чешском языке, где существуют фонологически самостоятельные шипящие и свистящие аффрикаты, не составляет никакой проблемы.

Комбинаторные изменения

7. Весьма примечательно, что изменения рассмотренного выше типа, которые нельзя объяснить ни влиянием речевого потока, ни влиянием системы, в действитель-

ности встречаются крайне редко. Более того, в тех случаях, когда нам кажется, что мы обнаружили подобное изменение, более тщательный структурный анализ чаще всего показывает, что на самом деле причины рассматриваемого изменения кроются в системе. Это подтверждает положение структуральной лингвистики о важности внутренних факторов. Однако, как только мы переходим к изменениям указанного типа, ограниченным определенными контекстами, мы перестаем ощущать недостаток примеров. Примерами могут служить, по существу, любые изменения, обусловленные речевым потоком; комбинаторные варианты, отмечаемые в синхронических описаниях, предполагают изменения именно данного типа. Теоретически экономия комбинаторных изменений очень проста: следует ожидать, что всякая реализация определенной фонемы будет уступать давлению контекста в той мере, в какой она в состоянии сохранить четкое отличие от реализаций других фонем языка в том же контексте. В действительности возможность такого рода изменений весьма ограничена. Традиция нередко задерживает или даже предотвращает такие изменения¹. С другой стороны, можно предположить, что фонема представляет собой нервно-мышечную единицу, любая реализация которой в каком угодно контексте является результатом абсолютно единообразного нервного импульса. Это значило бы, что всякая артикуляция фонемы предполагает один и тот же артикуляторный прототип, видоизменяющийся, однако, под влиянием контекста. Так, например, можно думать, что французы, произнося слово *soi* «шея», стараются воспроизвести не [k], окрашенное последующим [u], а просто обычную дорсальную фонему /k/, которая, однако, в соседстве с [u] приобретает несколько более заднюю артикуляцию². Понятно, что при таком положении возникающие в результате различных взаимодействий (и, в частности, под влиянием соседних фонем речевого потока) артикуляторные изменения должны в значительной мере задерживаться. Сформулированное выше предположение позволяет лучше объяснить тот факт, что в большинстве языков фонема /k/ не артикулируется как [k̠] перед /i/

¹ См. выше, гл. I, § 16.

² См. выше, гл. I, § 22.

(то есть ее артикуляция не становится настолько передней, насколько этого «требует» контекст), точно так же, как [i], следующее за [k], не становится настолько задним, чтобы место его артикуляции совпало с местом артикуляции [k]. Как бы то ни было, сохранение фонемой /k/ ее дорсального характера определяется очевидными причинами структурного порядка только в тех языках, где существует фонема /k/ или /t/; остается объяснить, почему в языках, не имеющих фонем такого типа, в одних случаях дорсальная фонема уподобляется контексту, то есть /ki/ становится [k^hi], в других же случаях этого не происходит: /ki/ остается [ki]. Углубленный анализ ситуации нередко позволяет если не окончательно разрешить проблему, то, во всяком случае, обнаружить важные факторы, обуславливающие изменение или сохранение фонемы (ср. анализ романской палатализации, который мы попытались дать выше, гл. II, § 29). Теоретически в результате изменения, «обусловленного» контекстом, мы получаем комбинаторный вариант, а не новую фонему: [k], перед [i] или [y], переходящее в [k^h], остается все же реализацией фонемы /k/. Чтобы появилась новая различительная единица, необходимо какое-то другое изменение, например изменение [kya] в [k^ha], отличное от /ka/. Мы вернемся к этому вопросу ниже (см. гл. VI, § 19—22). Здесь мы отметим лишь следующее: появление пар типа /k^ha/—/ka/ служит безусловным доказательством возникновения двух самостоятельных «коммутативных» фонем, однако если верно предположение о том, что фонема представляет собой нервно-мускульную единицу, то разделение двух звуковых типов должно относиться к значительно более раннему времени. Оно началось с того момента, когда дорсальная согласная в положении перед передней гласной или полугласной стала артикулироваться в соответствии с особым прототипом, отличным от прототипа, используемого в других контекстах. Синхронисты все еще спорят относительно того, являются ли *ich-Laut* и *ach-Laut* одной или двумя различными коммутативными фонемами. Во всяком случае несомненно, что в настоящий момент эти звуки не являются более одним и тем же прототипом, лишь различно окрашенным под влиянием контекста.

Г Б. Изменения в отношениях между единицами системы. Включение в группировку

8. Многие фонетические изменения не приводят ни к полному или частичному (в последнем случае мы говорим о нейтрализации) устранению фонологического противопоставления, ни к появлению новых различительных единиц, а лишь изменяют природу некоторых уже существующих противопоставлений. Именно такие изменения можно назвать передвижениями, хотя, как правило, мы используем этот термин только в тех случаях, когда эти изменения затрагивают целые серии. Изменение в отношениях между единицами системы может явиться результатом особого развития всего лишь одной фонемы. Так, фонема, стоящая в стороне от фонологических группировок, может включиться в ряд или в серию; фонема, лишь частично включенная в группировку, может включиться в нее более полно. Именно в случаях такого рода мы говорим о притяжении системы¹. Не следует смешивать это явление с «заполнением пустой клетки», так как оно представляет собой лишь крайнюю фазу последнего. Наиболее благоприятные условия для притяжения организованной группировкой определенной фонемы создаются в том случае, если эта фонема с самого начала была включена в какой-то мере в систему и, следовательно, могла подвергаться влиянию других фонем. Рассматривая переход фонемы /*ʎ/ в [ʒ] в староспанском языке независимо от того, имело ли здесь место заполнение пустой клетки или явление катализа², следует учитывать давление со стороны /п/, которое стремится перейти в /ʎ/. Отметим, что в некоторых случаях основная функциональная тенденция языка, благоприятствующая развитию тех признаков, благодаря которым различительные единицы легче воспринимаются и более четко отличаются от других фонем системы, может привести к увеличению степени структурного включения фонем. Так, в говоре Отвиля связанная с требованиями принципа экономии тенденция

¹ См. выше, гл. III, § 22.

² См. выше, гл. III, § 35.

носовых гласных к расширению приводит к более полному включению в систему прежней фонемы / $\tilde{e}$ / в ее новой форме / $\tilde{e}$ /¹.

Исключение из группировки

9. Бывают случаи, когда фонема, первоначально включенная в группировку, как бы выталкивается из той клетки системы, которую она занимала. Иногда эта фонема заполняет пустую клетку и таким образом вновь включается в группировку. Чаще всего такие отклонения от нормы объясняются асимметричностью органов речи. Характерным примером подобного изменения является рассмотренный нами выше (см. гл. II, § 18) переход / u / в / $\ddot{u}$ / в диалекте острова Сан-Мигель. Нередко (в частности, в указанном диалекте) / $\ddot{u}$ /, возникшее таким путем, как бы основывает новую серию, определяя появление в системе фонемы / $\ddot{o}$ /.

В тех говорах, которые легли в основу современной немецкой литературной нормы, древневерхненемецкое передвижение в неодинаковой мере затронуло разные ряды согласных, входивших в общегерманскую систему из трех серий. Общегерманские * b и * g дали здесь b и g , однако * ∂ дало t (ср. нем. *Tier* «зверь», англ. *deer* «олень», дат. *dyr* «зверь»); * p - и * t - перешли соответственно в pf - и z -([ts]), однако * k - не изменилось; древнему * β соответствует смычное d , а древнему * f — фрикативное v . Предполагая, вслед за Ж. Фурке, что переход * β (превратившегося сначала в dh , то есть [∂]) в d представляет собой усиление артикуляции, мы легко можем понять, почему лабиодентальное v не подверглось аналогичному изменению². Глухая межзубная фонема, стремясь перейти в d , оказывала давление на уже существующее d , которое в свою очередь стремилось усилиться в t ; с другой стороны, * t через посредство [t^h] стремилось перейти в z -, $-zz$ -. И в этом случае все отмеченные расхождения в скорости развития следует приписать асимметрии органов речи.

¹ См. выше, гл. III, § 29—31.

² См. выше, гл. II, § 18.

Последовательные изменения

10. Некоторые изменения, затрагивающие определенные фонемы, включенные в группировки, но не самые группировки (то есть ряды или серии), со структурной точки зрения следовало бы рассматривать как исключение из группировки, за которым следует новое включение. Однако проще и нагляднее представлять подобные изменения в виде так называемой цепной реакции, образующей в одних случаях цепь притяжения, в других — цепь отталкивания¹. Последовательные изменения такого рода особенно характерны для гласных, однако случаи цепной реакции, в результате которой фонемы выходят из своего ряда или из своей серии, встречаются также в системе согласных. По существу, именно такое явление представляет собой рассмотренное выше изменение общегерманских *ð, *t, *p в немецком языке.

Особое положение рядов

11. Очевидно, ряды, в соответствии с их определением, не могут подвергаться таким передвижениям, в результате которых изменились бы отношения между ними. Дело в том, что, как мы уже видели², отношение между данным рядом и любым другим рядом корреляции или пучка принципиально одинаково. Так, например, лабиальный ряд имеет не более тесную связь с близким к нему по артикуляции апикальным рядом, чем с удаленным от него дорсальным. Внутри ряда существует строгая градация отношений по степени близости, причем эти отношения носят обычно бинарный характер. Мы называем /p/ «глухим» только потому, что в системе имеется «звонкое» /b/; если бы фонемы /b/ в системе не существовало, /p/, возможно, все равно произносилось бы без голоса, однако отсутствие голоса не было бы в этом случае различительным и не входило бы в определение фонемы /p/. Неносовые фонемы /p/ и /b/ имеют между собой нечто общее, чего нет

¹ См. выше, гл. II, § 28.

² См. выше, гл. III, § 11.

у фонемы /m/, и тем самым они оказываются теснее связанными друг с другом, чем каждая из них с фонемой /m/. Лабиальный ряд останется лабиальным, какими бы ни были количество и природа других рядов системы; для реализации фонем лабиального и лабиодентального рядов используется один и тот же орган — нижняя губа, однако у этих рядов нет общей артикуляции (ср. фонемы /p/, /b/ и /m/, имеющие общую лабиальную артикуляцию). Конечно, эта строгость имеет несколько абстрактный характер, и мы уже отметили выше (см. гл. III, § 13) те границы, в которых она возможна. Однако в настоящей классификации фонетических изменений придерживаться ее полезно. Понятно, что, учитывая приведенные выше соображения, мы должны отнести изменения целых рядов к первому типу нашей классификации¹. Ряд палатальных, превращаясь в ряд шипящих, тем самым никак не изменяет фонологическую природу апикальных или дорсальных, хотя этот переход и может сообщить дорсальным некоторую свободу артикуляции.

Передвижения

12. Изменения, которые затрагивают фонологические отношения двух или более серий, не влияя при этом на увеличение или уменьшение различительных возможностей языка, носят название передвижений². Передвижения — это результат изменений в отношениях между фонологическими признаками, различающими серии. Чаще всего такие признаки образуют замкнутые группы и связаны с тем или иным органом, причем отношения между этими признаками носят четко выраженный бинарный характер. В каждой из групп (наиболее важной из них является гортанная) между всеми признаками наблюдается отношение диахронического сопутствия. Так, появление придыхания у фонем глухой серии, как правило, бывает связано с постепенным оглушением фонем звонкой серии: если в корреляции по звонкости /t/ стремится к [t^h], то /d/

¹ См. выше, гл. VI, § 6.

² Относительно понятия «передвижение» см. J. Fourquet, *Les mutations consonantiques*, стр. 1—4.

обязательно должно стремиться к [d]. Мы можем, следовательно, предположить, что речь идет о структурном давлении. Однако обычно такие давления осуществляются в замкнутом кругу, и лишь в редких случаях удается установить связь между этими давлениями в зоне примет и давлениями в остальной части системы. Это относится в особенности к корреляциям по работе голосовых связок (наиболее распространенным и наиболее устойчивым именно потому, что в этом случае взаимодействие между специфической артикуляцией фонемы и артикуляцией приметы минимально). Вероятно, как раз в случае передвижений структурно-функциональные принципы объяснения дают наименьший эффект. Они позволяют лишь с большей уверенностью объяснить все «акты» того или иного передвижения (некогда рассматривавшиеся как последовательные во времени) единым принципом или единой тенденцией и доказать тем самым их одновременность (что пытались сделать уже некоторые предшественники современного структурализма).

II. Фонологические слияния

13. Фонетические изменения, приводящие к слиянию фонем (примером может служить слияние /l/ и /y/ во французском языке и в несколько более позднее время в испанском¹) или к нейтрализации противопоставления в определенных позициях (примером может служить смешение звонких и глухих согласных в конце «семантемы» в немецком языке; ср. омофоны *Rad* «колесо» и *Rat* «совет»), с точки зрения экономии являются результатом несоблюдения в силу небрежности различий, которые были не настолько полезны, чтобы оправдать затрату энергии и дополнительное внимание, необходимое для того, чтобы их сохранить. Следует помнить, что фонологическая экономия языков находится все время как бы в колеблющемся состоянии, поэтому затраты энергии и дополнительное внимание, необходимые для того, чтобы определенное различие сохранилось, могут увеличиваться или

¹ Ср. Amado Alonso, Estudios lingüísticos: Temas hispanoamericanos, стр. 222 и сл.

уменьшаться; например, давление фонемы В на фонему А может затруднить сохранение различия между фонемой А и соседней с ней фонемой С. Слияние двух фонем является результатом несоблюдения различия, основанного на определенном признаке; но этот признак может встречаться в языке также и в каких-то других случаях, и, таким образом, оказывается, что сохранение различия между определенными фонемами зависит от степени включения этих фонем в фонологические группировки. Следует, наконец, учитывать, что полезность того или иного различия для языкового коллектива может с течением времени увеличиваться или уменьшаться. Рассматривая каждый случай фонологического слияния, необходимо проанализировать со всех указанных точек зрения ситуацию, сложившуюся в языке в тот момент, когда произошло это слияние. Некоторые другие факторы, способствующие слияниям, выяснятся из последующего изложения.

Изолированное противопоставление

14. Примером противопоставления, которое ограничено лишь одной парой фонем и сохраняется довольно плохо, является противопоставление /ɛ/ — /ɛ̃/ в современном французском языке. В наиболее обычном для Парижа, а также для значительной части Франции произношении это единственное противопоставление, в котором долгота несомненно играет различительную роль¹. Впрочем, ее роль весьма ограничена, поскольку различие действительно существует только в последнем закрытом слоге слова (*faite* «сделанная» — *fête* «празднество»). Функциональную нагрузку этого противопоставления нельзя считать совершенно ничтожной: ср. *J'ai vu ton mètre* «я видел твой (складной) метр» или *j'ai vu ton maître* «я видел твоего учителя», *ils sèment* «они сеют» или *ils s'aiment* «они любят друг друга». Однако действительные недоразумения, по-видимому, крайне редки. Иногда разные носители языка из числа тех, кто еще сохраняет это противопоставление,

¹ Ср. André Martinet, *La prononciation du français contemporain*, стр. 126—129.

неодинаково произносят гласную тембра [ɛ] в том или ином слове. Так, некоторые противопоставляют слова *maitre* «учитель» и *mètre* «метр» слову *mettre* «класть», хотя чаще *mètre* произносится с /ɛ/. Для автора этих строк слова *reine* «королева», *renne* «олень» и *Rennes* «Ренн» представляют собой абсолютные омофоны, с другой стороны, *pelle* «лопата» — это, как правило, /pɛl/, но /pɛl/ в арготическом значении «падение, провал». Понятно, что ребенку, слышащему одно и то же слово то в виде [mɛtr], то в виде [mɛ̃tr], довольно трудно уловить здесь количественное различие, которого он не обнаруживает у гласных других тембров. Неустойчивое состояние такого рода, как правило, следует считать результатом контакта между различными типами произношения (который в других социально-языковых ситуациях называют «смешением диалектов»). По всем этим причинам противопоставление /ɛ/—/ɛ̃/ находится на пути к исчезновению.

Противопоставление, обладающее малой степенью структурного включения

15. В некоторых случаях малой степени структурного включения оказывается недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать слиянию двух фонем, в результате которого частотность более специфического артикуляторного типа уменьшается, а частотность более общего типа увеличивается. Функциональная нагрузка должна быть при этом незначительной. Именно в таких условиях произошло слияние фонем /l/ и /y/ во французском и испанском языках, о чем мы уже упоминали выше. Фонему /l/ следует считать включенной в группировку, поскольку в системе имеется /n/ и, таким образом, фонемы апикального ряда /n/ и /l/ четко противопоставляются фонемам палатального ряда /ɲ/ и /ʎ/. Однако латеральная и палатальная артикуляции (с теоретической точки зрения мы должны признать первую приметой корреляции, а вторую — специфической артикуляцией) стремятся слиться воедино. На самом деле фонема /l/ представляет собой единую артикуляцию, отчасти сходную с артикуляцией фонемы /ɲ/; эта совершенно специфическая артикуляция,

как только не будет более оснований сохранять срединную смычку, должна ослабиться и таким образом [j] перейдет в [y]. В рассмотренном случае таким основанием могла быть традиция, которая в произношении горожан была довольно рано нарушена во Франции, несколько позже — в Испании.

Слияние двух фонем, включенных в группировку

16. Возможно также слияние двух фонем в рамках организованной фонологической группировки. Мы имеем в виду рассмотренный выше (гл. III, § 36) случай катализа в гойдельском или, может быть, даже уже в общекельтском языке, в результате которого $*g^w$ слилось с b , тогда как $*k^w$ и $*gh^w$ полностью сохранили отличие от p и $*bh$. По-видимому, решающим фактором здесь была слабая функциональная нагрузка; действительно, явная тенденция кельтских языков к устранению лабиовелярных смогла полностью осуществиться¹ только в противопоставлении $*g^w - b$, которое отличалось от других аналогичных противопоставлений ничтожно малой функциональной нагрузкой.

Слияние двух рядов

17. Чаще, однако, имеет место слияние целых рядов; примером может служить слияние индоевропейских лабиальных и лабиовелярных в оскско-умбском языке. Если функциональная нагрузка противопоставления двух впоследствии слившихся рядов была незначительной, это могло способствовать развитию тенденции (иногда довольно трудно объяснимой с структурной точки зрения) к артикуляторному сближению рядов. Если же функциональная нагрузка противопоставления была относительно велика (такое положение мы констатируем, например, в оскско-умбском, где в числе прочих слились фонемы $*p$ и $*k^w$, очень часто встречавшиеся в индоевропейском языке), то нам следует открыто признать, что у нас совершенно нет данных для объяснения. Таким образом, мы

¹ Имеется в виду: на рассматриваемом этапе. — *Прим. перев.*

ограничимся лишь констатацией того, что лабиовелярные, по-видимому, везде стремились приобрести более простую артикуляцию или превратиться в сочетание двух последовательных артикуляций и что в оскско-умбрском мы наблюдаем один из вариантов этого упрощения. Не следует, однако, торопиться признавать свое поражение. Например, может показаться странным, почему славянские *s* и *z* слились с фонемами, возникшими из и.-е. **k'* и и.-е. **g'*, **gh'*. Однако мы можем констатировать следующее: 1) индоевропейское *z* представляло собой не что иное, как вариант *s*; 2) в славянских языках индоевропейское *s* после *r*, после дорсальной согласной и после закрытых гласных представлено в виде *ž* и *x*; 3) в сочетании с *йотом* славянские отражения индоевропейских **s* и **k'* перешли в *ž*, а отражения индоевропейских **g'*, **gh'* — в *ž*. Все это означает, что указанные слияния были в значительной степени компенсированы явлениями дифференциации, которые могли по крайней мере наметиться прежде, чем завершились эти слияния.

Слияние серий

18. Все сказанное нами по поводу рядов в равной мере относится и к сериям. Может возникнуть вопрос, почему во многих индоевропейских языках серия звонких и так называемая серия звонких придыхательных сливаются. Это явление становится более понятным, если учесть, что в индоевропейском корне распределение звонких согласных было подвержено определенным ограничениям¹, что фонемы **b* практически не существовало² и, наконец, что звонкие согласные очень редко выступали в качестве словообразовательных элементов; можно лишь удивляться, что в кельтских и иранских языках слияние этих двух серий произошло так поздно. С явлениями нейтрализации, то есть со слияниями, обусловленными речевым потоком и ограниченными определенными контек-

¹ В одном и том же корне не могло быть двух звонких придыхательных; ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Соцэкгиз, М.-Л., 1938, стр. 191.

² См. выше, гл. III, § 36 и гл. IV, § 58.

стами, не связано, видимо, никаких особых проблем, хотя, разумеется, следует учитывать условия речевого потока, в которых они возникают,

III. Появление новых различий. Перенесение различительного признака

19. Если исключить случай возникновения и последующего закрепления новых фонем в связи с заимствованием иностранных слов, а также, возможно, в связи с некоторыми экспрессивными явлениями, то оказывается, что практически число фонем определенного языка может увеличиться только благодаря перенесению некоторых различительных признаков с одного отрезка речевого потока на другой. Это означает, что хотя природа различительных признаков, несомненно, может изменяться (ср. переход глухости в придыхание, палатального характера согласной в шипящий), говорящие все же никогда не создают *ex nihilo* новые различительные признаки. Перенесение различительного признака можно представить себе по-разному. Во-первых, возможен медленный процесс, состоящий из двух этапов. Допустим, что в сочетании /ti/ фонема /i/ палатализует /t/, иначе говоря, в силу предвосхищения палатальной артикуляции фонемы /i/ /t/ превращается в [t'], которое, однако, продолжает оставаться реализацией той же самой фонемы /t/. Затем /i/ ослабляется и исчезает, передав предшествующему отрезку речевого потока наиболее существенный элемент своей различительной значимости. Из /t/ этот отрезок превращается в /t'/, то есть в новую фонему, более сложную, чем /t/, ввиду наличия у нее характерного признака палатальности. Рассмотренный тип эволюции можно представить в виде схемы. Отрезки прямой в этой схеме обозначают длительность соответствующих артикуляций, а параллельность отрезков указывает на совпадение артикуляций во времени:

Можно представить себе другой путь эволюции, при котором длительность палатальной артикуляции остается постоянной, но сама артикуляция как бы сдвигается назад и в конечном итоге совпадает по времени с предшествующим отрезком (или отрезками) речевого потока: в результате палатальная фонема теряет свою самостоятельность. Этот тип эволюции можно изобразить в следующей схеме:

При третьем, наиболее прямом типе эволюции, палатальная артикуляция с самого начала целиком переносится назад; таким образом, на определенном этапе развития существуют два синхронических варианта — [ti] и [t']:

Заранее нельзя исключить ни одной из трех рассмотренных выше возможностей.

Распространение различительного признака

20. Казалось бы, в некоторых случаях мы можем предположить, что возникновение новой фонологической единицы связано с заимствованием определенной фонемой релевантной характеристики у соседней фонемы, которая, однако, сама этой характеристики не теряет. Как известно, латинское /ki/ (с напряженным *i*) выступает в итальянском языке как /či/; отсюда можно было бы сделать вывод, что расщепление латинского /k/ на /k/ и /č/ произошло без потери каких-либо релевантных признаков гласными, обусловившими палатализацию. По-видимому, однако, вообще комбинаторный вариант может получить различительное значение, то есть превратиться в новую фонему,

только если, по крайней мере в некоторых случаях, причина, обусловившая его возникновение, устранена. Для расщепления латинского /k/ на две фонемы /k/ и /k̥/ (откуда ит. /ç/) было необходимо, чтобы /kya/ в результате устранения фонемы /y/ и перенесения ее различительной характеристики на фонему /k/ превратилось в /k̥a/. Следует, однако, принимать во внимание те случаи, когда различительный признак, обусловивший возникновение комбинаторного варианта, сам не исчезает, но со временем перестает оказывать на соседнюю фонему влияние, приводившее ранее к возникновению комбинаторного варианта (это можно обнаружить лишь в связи с каким-то другим изменением). Если в сочетании /kwi/ фонема /w/ исчезает и в результате появляется /ki/, отличное от /k̥i/ (>çi/), становится ясно, что /i/ не вызывает более палатализации предшествующей дорсальной.

Перенесение неразличительного признака

21. Можно представить себе случай, когда неразличительный элемент контекста становится различительным в результате переноса его на соседний отрезок речевого потока и последующего исчезновения того отрезка, который он первоначально характеризовал. Допустим, что в языке, не имеющем фонемы /d/, фонема /t/ в интервокальном положении превращается в [d]; допустим также, что фонема /t/ может выступать в конце слова. Если в последовательности типа [-ada] (то есть с фонологической точки зрения /-ata/) второе /a/ отпадает, то в конечном положении становится возможной последовательность [-ad]. Поскольку в этом положении выступает также /-at/, произносимое [-at], то [-ad] следует интерпретировать как /-ad/ с новой фонемой /d/. Мы предполагаем, что все гласные в рассматриваемом языке нормально являются звонкими, следовательно, наличие голоса в сочетании с гласной артикуляцией не является различительным признаком; тем не менее именно этот признак был перенесен на фонему /t/. Конечно, этот пример носит чисто теоретический характер, и нам могут возразить, что, хотя действительно известны языки, не имеющие /d/, в которых

интервокальное /t/ озвончается, все же весьма вероятно, что, перестав находиться в окружении гласных, фонетически звонкое /t/ должно автоматически потерять звонкость. Однако с функциональной точки зрения вполне возможно, что новая конечная согласная останется звонкой, поскольку это позволит сохранить прежнее различие между /-t/ и /-t + гласная/. Мы могли бы в таком случае сказать, что наличие голоса не является релевантным при противопоставлении одних гласных другим, однако оно становится релевантным, когда речь идет о противопоставлении гласных вообще нулю звука. Таким образом, нельзя считать исключенной возможность превращения нерелевантного признака в релевантный в случае его переноса, сопровождающегося отпадением того отрезка речевого потока, который он ранее характеризовал. Имеет смысл, однако, рассматривать это явление как исключительное и избегать указанных только что предположений, например, при реконструкции.

Ассимиляция и различительные признаки

22. Распространение фонетического признака на соседний отрезок речевого потока, не ведущее к появлению новой фонемы, представляет собой процесс, который традиционно называют ассимиляцией. Синхронический анализ ассимиляций в определенном языке показывает (и это хорошо согласуется с диахроническими фактами), что, как правило, именно различительные признаки переходят с одной фонемы на другую. Ассимиляция по звонкости является нормой в русском языке: глухая согласная, стоящая перед звонкой, для которой наличие голоса является различительным, здесь озвончается, и наоборот, фонологически звонкая согласная в положении перед фонологически глухой оглушается. Если же в сочетании из двух согласных в качестве второго элемента выступает сонант, для которого звонкость не является различительной, эта звонкость никак не влияет на первую согласную, даже если она глухая. В таком слове, как *окно*, *к* остается глухим; что легко объяснить с функциональной точки зрения: поскольку в русском языке существует сочетание /гн/, произношение /кн/ как [гн] повело бы к смешениям;

ничто, однако, не мешает оглушать начальную часть фонемы /н/ в слове *окно*, когда это облегчает артикуляцию, поскольку в русском языке не существует фонологически самостоятельного глухого *н*. Можно считать, что ассимиляция по звонкости существует также во французском языке, хотя здесь она не приводит к полному смещению фонем корреляции (*à jeter* остается все же отличным от *acheter*). Рассмотренное явление можно сформулировать следующим образом: ассимиляция является регрессивной, если обе фонемы принадлежат к корреляции по звонкости. Таким образом, фонологически глухая согласная стремится к озвончению перед фонологически звонкой, а фонологически звонкая согласная оглушается перед фонологически глухой. Если же фонологически глухая согласная находится в соседстве с носовой, плавной или полугласной (то есть с согласными, которые обычно реализуются как звонкие, но для которых эта звонкость не является релевантной), то к оглушению стремится именно фонетически звонкая согласная, причем независимо от того, стоит ли она перед глухой или после глухой согласной. В слове *anecdote* «анекдот» *s* обычно произносится звонко; в слове *médecin* «врач» *d* соответствует слабой глухой. В словах *galetas* «мансарда», *caneton* «утенок», *feuilleton* «фельетон», *atteler* «запрягать», *attendant* «смежный», *tiers* «треть» фонемы /l/, /n/ и /y/ в соседстве с фонологически глухим /t/ передко частично утрачивают звонкость, но никогда не оказывают влияния на глухость /t/. Озвонченное /t/ могло бы быть принято за /d/; что же касается /l/, /n/ и /y/, то даже полностью потеряв звонкость, они все же опознаются именно как /l/, /n/ и /y/, поскольку не имеют глухих соответствий в системе¹.

23. Не рассматривая подробно процессов, ведущих к возникновению изолированной фонемы или фонологической группировки (эти процессы вполне аналогичны), мы отметим только, что новые единицы могут появляться в системе по одной (это, вероятно, наиболее редкий случай) или группами, которые представляют собой либо

¹ См. BSL, 42 (2), стр. 107—108.

часть фонологической группировки, либо, чаще всего, целую группировку — ряд или серию. Появление новых фонем всегда так или иначе связано с влиянием речевого потока. Однако структурный анализ ситуации во всех случаях открывает важные факторы этого явления и нередко оказывается решающим.

Необходимость учета внешних факторов

24. Предшествующее сопоставление различных типов фонетических изменений, которое мы постарались провести объективно, без предвзятого мнения о преимуществе структурно-функциональных методов над остальными, свидетельствует, как нам кажется, о том, что всякий раз, когда речь идет об определении причин изменения, абсолютно необходим анализ языковой экономики. Далее, оно дает возможность представить себе важность других принципов объяснения; здесь будет полезно их перечислить и в общих чертах разобрать. Поскольку все факторы фонетических изменений, рассматривавшиеся в этой книге, составляют часть того, что мы называли внутренней причинностью, и поскольку мы старались сделать наш анализ как можно более полным, очевидно, другие принципы объяснения должны относиться к числу внешних. Возвращаясь к нашей формулировке¹, напомним, что внешними мы называем факторы, специфические для того коллектива (или для той части коллектива), язык которого мы изучаем; разумеется, факторы, связанные со специфическими особенностями структуры этого языка, сюда не относятся. Ясно, что лингвистическая дивергенция, то есть постепенное распадение одного языка на большое число диалектных разновидностей, обязательно предполагает действие специфических факторов такого рода.

25. Если признать, что главная роль в фонетической эволюции принадлежит внутренним факторам, то диалектным различиям можно дать следующее объяснение. В результате эволюции в языке возникает определенная проб-

¹ См. выше, гл. I, § 12.

лема, которая получает разные решения в двух зарождающихся диалектных разновидностях, причем оба эти решения в равной мере удовлетворительны с точки зрения лингвистической экономии. В качестве крайне упрощенного примера представим себе фонему, на равном расстоянии от которой расположены две пустые клетки; в ходе изменения рассматриваемая фонема заполняет одну из пустых клеток, причем одни носители языка выбирают первую из пустых клеток, а другие — вторую. Остается, конечно, выяснить, чем обусловлен выбор тех и других. Но на этом уровне решающими могут оказаться факторы весьма субъективного характера, и лингвист должен открыто признать, что он не в состоянии их определить. Если даже речь идет о различиях между двумя большими диалектными областями, различия эти в конечном итоге нередко могут объясняться сознательным или бессознательным выбором, сделанным весьма ограниченными кругами, и таким образом лингвист снова столкнется с проблемами столь узкими, что практически он должен будет ограничиться объяснениями структурно-функционального порядка, предложенными выше.

Языковые и неязыковые внешние факторы

26. Однако далеко не всегда исходной точкой диалектных расхождений можно считать различие в выборе одного из двух решений, в равной степени удовлетворительных с точки зрения экономии. Несомненно, во многих случаях в рамках данной системы одно решение представляется более естественным, чем другое. Кроме того, может случиться, что в одном из диалектов не происходит никаких изменений, тогда как другой вступает на путь, выбор которого никак нельзя было предвидеть на основании предшествующих состояний языка. Наличие случаев такого рода лишь подтверждает нашу точку зрения. Эти случаи подчеркивают значение структурно-функциональных принципов, показывая в то же время, что иногда эти принципы оказываются бессильными и, следовательно, не представляют собой набора рецептов, позволяющих объяснить любое явление на основе каких угодно исходных данных. Среди так называемых внешних факторов,

к которым обращаются в тех случаях, когда факторов экономии оказывается недостаточно, полезно различать факторы языковые и неязыковые. К факторам последнего рода особое приращение питают дилетанты, и поэтому нередко серьезные лингвисты относятся к этим факторам с недоверием. Тем не менее, поскольку до сих пор поиски причин языковых явлений охотно рассматривались как занятие для оригиналов или как развлечение для солидных ученых, неязыковые факторы во всех рассуждениях, касающихся фонетических изменений, продолжают занимать место, вероятно, не соответствующее их действительному значению. Несомненно, развитие общественного сознания, социальная эволюция, смена географических условий, изменение моды могут косвенным образом отразиться на фонологической системе через посредство тех частей лингвистической структуры, на которые эти факторы несомненно оказывают воздействие. Менее правдоподобно, что именно они своим прямым и немедленным воздействием беспрепятственно обновляют звуковую материю различных языков. Даже интересная и богатая мыслями работа Коппельмана¹ (в которой автор пытается возродить тезис о влиянии на язык географических условий и установить существование фонетических традиций) мало убедительна. Влияние расы составляет особую проблему; она не может быть раз и навсегда отброшена, однако требует для своего решения долгих и тщательных исследований, которые нужно проводить без предвзятого мнения, не допуская заключений на основе каких-либо иных признаков, кроме чисто антропологических.

Взаимодействие языков

27. С методической точки зрения, по-видимому, можно считать правильным, что обращаться к неязыковым факторам следует лишь в том случае, если мы окончательно убедимся, что рассматриваемое явление нельзя объяснить действием собственно языковых факторов, в част-

¹ Н. Л. К о п п е л м а н н, Ursachen des Lautwandels, Лейден, 1939.

ности, взаимодействием языков, диалектов или других языковых разновидностей. Современное состояние исследований, по-видимому, дает возможность утверждать, что если изучены внутренняя экономия языка и воздействие, которому данный язык подвергается со стороны других языков, то тем самым собраны практически все данные, необходимые для понимания его динамики и последующего развития. Мы говорим о взаимодействии языков, когда изменения в данном языке обусловлены контактом с иной языковой реальностью (этот контакт осуществляется, конечно, в сознании людей, которые в большей или меньшей степени двуязычны). Как об этом свидетельствует наша осторожность в выборе терминов, речь идет о направлении исследования, всю широту которого до конца оценили лишь немногие лингвисты. Представления о взаимодействии языков для многих, вероятно, ограничиваются теорией субстрата и ее приложениями, в то время как в действительности теория субстрата была лишь робкой, и, даже можно сказать, донаучной попыткой ввести в лингвистическую практику причинные объяснения.

Субстрат

28. Успех, который теория субстрата имела в некоторых кругах, объяснялся, конечно, не столько тем, какие решения она предлагала, сколько тем, что это была первая попытка избежать дескриптивизма младограмматиков. Лингвисты с готовностью заявляли о своем согласии с ее общими принципами, не пытаясь проверить факты, представленные в качестве иллюстраций. Однако почти никто не пытался перейти от абстрактных гипотез к наблюдениям, которые могли бы показать всю широту затронутых проблем: существует немного достоверных данных о том, как проходил медленный процесс подавления диалектов и «малых» языков более «сильными» языками, а также о том, каким образом эти последние могут быть «окрашены» языками, исчезнувшими под их давлением. Создание новых понятий «суперстрата» и «адстрата» явилось выражением похвального желания наметить классификацию различных типов негенетической близости языков. Однако недостатком этого троичного деления

является его схематичность, которая скорее маскирует, чем обнаруживает действительное разнообразие социально-языковых ситуаций. Так же как и традиционный термин «субстрат», два вновь изобретенных термина способствуют тому, что лингвисты удовлетворяются весьма общими этикетками, не занимаясь детальным наблюдением и анализом. Однако исследователи, не считавшие изучение причинности занятием, недостойным ученого, уже давно заметили, что явления, объясняемые обычно влиянием субстрата, составляют в лингвистике лишь незначительную часть той большой области, задачей которой является изучение всевозможных влияний, оказываемых одним языком на другой (независимо от того, идет ли речь о совершенно различных языках, пришедших в соприкосновение по воле случая, или о двух диалектах или иных разновидностях одного языка)¹. Это взаимное влияние обнаруживается повсюду, поскольку ни один язык не развивается под стеклянным колпаком, и оно несомненно является одним из существенных факторов языковой эволюции.

Взаимодействие языков и экономия

29. Конечно, не случайно структурным анализом диалектико-исторических явлений и синхроническим изучением взаимодействия языков занимаются одни и те же лингвистические круги². Обе области исследования основаны на одинаковом понимании языка как динамического явления. Но связь между ними оказывается еще более тесной. Изучение структуры позволяет проверять те или иные гипотезы о взаимодействии языков и уточнять те области, в которых это взаимодействие могло иметь место. Допустим, что мы обнаружили изолированные аналогии между языками, которые, как можно предположить, оказывали влияние друг на друга; однако такие аналогии почти никогда не имеют решающего значения, поскольку они

¹ См. H. Schuchardt, Sprachverwandschaft, «Sitz.-ber. ...», Berlin, 1917, стр. 522.

² А именно Нью-Йоркское лингвистическое общество; ср. его журнал «Word» и его публикации.

могут объясняться случайностью. Напротив, сходство, которое распространяется на большие части фонологической системы, может иметь такой характер, что возможность случайного совпадения практически исключается.

30. Изучение экономии языка, в котором происходит определенное изменение, обычно позволяет отличить явление, объясняющееся эволюцией структуры данного языка, от явления, практически не имеющего основы в той системе, где оно наблюдается; в последнем случае следует предполагать влияние взаимодействия языков. Как иногда говорят, некоторые изменения «имеют смысл» в одном языке и «не имеют смысла» в другом. Легко объяснить, почему в парижском произношении фонемы, изображаемые орфографически как *in* и *un*, смешиваются. Вполне естественно, что носовые гласные, особенно передние, имеют тенденцию к расширению; естественно также, что это расширение затрудняет лабиальную артикуляцию, которая является единственным признаком, отличающим *in* от *un*; естественно, наконец, что говорящие не делают никаких специальных усилий, чтобы сохранить противопоставление, функциональная нагрузка которого практически равна нулю. Отметим, что смешение распространяется на некоторые провинции¹. Этот процесс в разных частях Франции происходит, очевидно, по-разному; возможны следующие варианты: 1) большая степень открытости, приводящая к делабиализации *un*, является результатом естественного развития (которое может ускоряться под влиянием парижского произношения); 2) носовые гласные переднего ряда являются еще достаточно закрытыми для того, чтобы лабиализация могла сохраниться, однако различие в целом утрачивается из-за подражания парижскому произношению; 3) между *un* и *in* сохраняется четкое различие, но некоторые слова, первоначально содержавшие *un*, произносятся с *in*, тогда как другие еще сохраняют традиционное произношение; в конце концов, в большинстве слов, содержащих *un*, это

¹ Ср. карты к книге «La prononciation du français contemporain», стр. 149.

in заменяется *in*, и фонема *in* исчезает, поскольку детям больше не приходится ее слышать и воспроизводить¹. Развитие по одному из этих трех путей возможно не только в местных разновидностях общепольского языка, но и в говорах независимо от того, являются ли они польскими или нет. Фонемы /œ/ и /ɛ̃/ существуют, например, в бретонском языке, причем функциональная нагрузка противопоставления между ними здесь, видимо, значительно выше, чем во польском языке². Следует ожидать, однако, что если люди, говорящие на бретонском и польском языках, смешивают *in* и *in* во польском (в соответствии с одним из первых двух типов развития, указанных выше), то они должны смешивать эти фонемы также и в бретонском языке. Таким образом, смешение *in* и *in*, вполне объяснимое в пределах говора Парижа и его окрестностей, может распространяться на области, где отсутствуют фонологические и лексические причины для его реализации.

31. Мы не собираемся, однако описывать здесь, даже в общих чертах, механизм взаимодействия языков и отсылаем читателя к исследованию, которое в настоящее время уже получило широкое признание, а именно, к книге Урнеля Вейнрейха «Языковые контакты»³.

Тем не менее фонетические влияния, возникающие в результате языковых контактов, будут широко проиллюстрированы во второй части книги, поскольку мы считаем необходимым показать, с одной стороны, значение структурной точки зрения для определения фактов языкового взаимодействия как таковых, с другой стороны, соответственные границы двух основных принципов объяснения диахронических явлений.

¹ Cp. «Language diffusion and structural linguistics», в «Romance philology», 6, стр. 9.

² См. F. Falc'hun, Le système consonantique du breton, стр. 23.

³ Uriel Weinreich, Languages in contact.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Содержание второй части книги А. Мартине «Принцип экономии в фонетических изменениях»

И л л ю с т р а ц и и

Глава VII. Пример сохранения различительных признаков: инфекция в древнеирландском языке.

Глава в основном воспроизводит статью «Concerning the preservation of useful sound features» в журн. «Word», 9, 1953, стр. 1—11.

Глава VIII. Анализ различительных признаков и реконструкция: неапофоническое *o* в индоевропейском языке.

Глава воспроизводит с незначительными изменениями статью «Non-apophonic O-vocalism in Indo-European», «Word», 9, 1953, стр. 253—267.

Глава IX. Один из аспектов максимальной дифференциации: *s* в индоевропейском языке.

Глава частично воспроизводит статью «Concerning some Slavic and Aryan reflexes of IE *S*», «Word», 7, 1951, стр. 91—95.

Глава X. Английский вариант изохронии и «великий сдвиг гласных».

Глава XI. Кельтская лениция и согласные западно-романских языков.

1. Кельтская лениция.

2. Согласные западнороманских языков.

3. Процесс дифференциации.

Глава представляет собой новую редакцию статьи «Celtic lenition and Western Romance consonants», «Language», 28, 1952, стр. 192—217.

Глава XII. Пример контакта языковых структур: оглушение сибилантов в староиспанском языке.

1. Введение.
2. Черты испанского языка, общие с другими западнороманскими.
3. Переход *f* в *h*.
4. Слияние звонких взрывных со сплантами.
5. Оглушение сибилантов.

Глава представляет собой новую, сокращенную редакцию статьи «The unvoicing of Old Spanish sibilants», «Romanic philology», 5, 1951—1952, стр. 133—156.

Глава XIII. Три общих тенденции согласных: ослабление и усиление согласных в итальянских языках, образование открытых слогов в общеславянском.

1. Введение.
 2. Консонантизм итальянских языков.
 3. Открытые слоги в общеславянском.
- Вторая часть главы в основном воспроизводит статью «Some problems of Italic consonantism», «Word», 6, 1950, стр. 26—41; третья часть представляет собой новую редакцию статьи «Langues à syllabes ouvertes: le cas du slave commun», ZfPh, 6, 1952, стр. 145—163.

Глава XIV. Структурная реконструкция: взрывные согласные баскского языка.

УКАЗАТЕЛЬ

Ниже указаны в алфавитном порядке: 1) встречающиеся в настоящей книге лингвистические термины, 2) языки, использованные в качестве иллюстрации. Термины, обозначающие понятия, которые в книге специально не рассматриваются, в указателе не включены.

Первыми цифрами обозначены главы книги, вторыми — номера параграфов, в которых встречаются указанные термины.

1.

Адстрат 1.7, 6.28
аллофоны 1.14
асимметричность органов речи 1.11, 2.6, 3.4, 4.3
ассимиляция 1.15
 ассимиляция и различительные признаки 6.22
аффрикаты 4.39—42

Бинаризм 1.2, 3.6 (прим.), 3.14—17, 4.45

Веяризация 4.38
взаимодействие языков 6.27—31
включение в систему (в группировку) 3.21—22, 3.26—32,

3.35—37, 4.6, 4.14, 6.4—5, 6.8, 6.15
вневременные уравнения 1.5—6
выражение 2.3, 4.1
выталкивание фонемы из группировки 6.9

«Гармоничность системы» 3.4, 4.5—6, 4.14
глоттализация 4.26—29
голос 4.8, 4.20—25
градация ударений 5.9—10
группировки фонем 3.23 (ср. корреляции, пучки)

Двойное членение 5.6—7, 6.1 (ср. фонологическая артикуляция)

двуязычие 3.2, 6.27—31
дескриптивизм 1.5—6
дискретные единицы 5.8, 5.10, 5.14

Задние (гласные) 2.17—19, 3.29—31, 4.6, 4.35

«звуковое намерение» 1.22 (прим.)

зона безопасности 2.11—13, 2.15, 2.17, 2.20, 2.27—28

Иерархия противопоставлений 4.74—75

Изменения
 «обусловленные» 1.13, 1.15, 1.26, 6.7

- последовательные, см. цепная реакция
- фонологическая классификация фонетических изменений 6.3
- изохрония 4.70
- инерция 4.1, 4.4
- инертность органов речи 1.11, 2.6, 3.4, 4.3
- интенсивность 4.47—52, 4.60—61, 5.4, 5.8, 5.21—24.
- противопоставительная и выделительная интенсивность 4.51—52
- интонация 5.1, 5.7, 5.14
- информация, см. различительная способность
- исключения из «фонетических законов» 1.19—21
- исключительное отношение 3.11
- исчезновение безударных гласных 5.21
- Какуминальные (согласные), см. ретрофлексия
- катализ 3.35—37, 4.58, 6.16
- количество 4.49—50, 4.61, 4.66—71, 5.3, 5.24
- комбинаторные варианты 1.13—14, 1.26
- коммутация 1.22
- контекст речи 1.16
- контекст системы 1.16
- контраст 1.14, 5.9—10
- коренное противоречие 4.1, 4.4
- корреляции 3.9—10, 3.12, 3.14, 3.16, 3.19—21, 3.24—26, 3.28, 4.8—53
- корреляции по артикуляторному типу 4.39—46
- корреляции по работе голо-
совых связок 4.19—31
- корреляции по силе 4.48
- корреляции по тембру 4.34—38
- Лабализация 4.34—36
- лабиовеляризация 4.34—35
- легочная артикуляция 3.7
- ленированные (согласные) 6.2
- лингвистическая значимость 2.11, 3.2
- Мелодическая высота тона 5.4, 5.8, 5.11
- младограмматики 1.4—6
- мора 5.2, 5.4
- морфологическое давление 6.2
- «мор(фо)фонология» 2.7
- мутация, см. передвижение
- Назальность 3.29, 4.21, 4.32.
- напряженная артикуляция 4.43—46, 4.71
- нейтрализация 3.13, 4.24, 4.32, 4.52, 5.22, 6.18
- ненапряженная артикуляция 4.43—46
- неразличительный признак: перенесение неразличительного признака 6.21
- нерезкие (согласные) 4.45
- несовместимость 4.73—75
- неустойчивость системы 3.33—34
- Область рассеивания 2.10—13, 2.15, 2.20, 2.27—28
- общение 2.3—5, 4.1, 4.4
- потребности общения 5.10, 5.20, 6.1
- объяснение 1.4—8, 2.7—8
- обязательное соупутствие 4.73—75
- окраска *i*, см. палатализация
- окраска *u*, см. лабиовеляризация
- омонимия 1.17
- описание 1.4—6
- ослабление (согласных) 4.68
- Палатализация 4.34—36
- панхронические законы 4.73—76
- парадигматические отношения 1.14—16
- передвижение 6.12
- передние (гласные) 2.17—19, 3.29—31, 4.6, 4.35, 4.38
- побочные явления 1.19—21
- понимание, см. общение
- пражская школа 1.1

- преглоттализированные (согласные) 4.28
 придыхание 4.26, 4.30—31
 примета 4.8, 4.15 (прим.)
 принцип максимальной дифференциации 2.30, 4.75
 принцип наименьшего усилия 1.12, 2.5, 4.1, 4.4
 принцип равноудаленности фонем друг от друга 2.28 (ср. принцип максимальной дифференциации)
 притяжение системы 2.15, 3.22—24, 3.26—28, 6.8
 причинность 1.9—12, 1.23—25
 произвольность (по Ф. де Соссюру) 1.11, 5.5—8, 6.1
 просодия 1.24, 5
 противопоставления 1.14
 пучки 3.12, 3.21, 3.24, 4.9—18

 Различительная способность 4.64—65
 различительные признаки
 акустические различительные признаки 3.6
 возможные сочетания различительных признаков 2.21—22, 3.6—7, 3.17, 4.8—18
 перенесение различительного признака 6.19
 различительные признаки и ассимиляция 6.22
 распространение различительного признака 6.20
 рассеивание, см. область рассеивания
 реализм 1.22—23
 регистр 5.11
 резкие (согласные) 4.45
 рекурсивные (согласные), см. глоттализация
 релевантные признаки, см. различительные признаки
 ретрофлексия 4.33
 речевой поток, см. система и речевой поток
 ряд 3.8—14, 3.16—17, 3.19—21, 3.24—26, 3.29, 3.34, 5.11, 6.6, 6.11

 Серия 3.8—13, 3.18—21, 3.24—26, 3.28—29, 3.31, 3.34, 4.8—9, 5.11
 синтагматические отношения 1.14—16
 система и речевой поток 1.14—16 (см. также притяжение системы, неустойчивость системы) системы гласных 2.16—19, 3.8, 3.13, 3.29—31, 4.6, 4.18, 4.21, 4.33, 4.35—36, 4.38, 4.46—47, 4.49, 4.70—71
 системы согласных 3.7—13, 3.16—28, 3.34—36, 4.16—37, 4.39—45, 4.47—55, 4.58
 скорость изменения 4.69
 слог 5.2
 слоговая вершина 5.2
 слогораздел 4.49, 5.13
 смычность — фрикативность 4.39—41
 сообщение 2.3—5
 сопоставление включению в группировку 4.6 (ср. асимметричность органов речи)
 спектрографические исследования 1.15, 3.6
 структура 3
 структурализм 1.2—2, 3.1—структурно-функциональная фонетика 1.26
 структурно-функциональное языкознание 1.8, 1.26
 субстрат 1.7, 6.28
 суперстрат 1.7, 6.28

 Телеология, см. целенаправленность
 тембр, см. корреляции по тембру
 тенденция 2.19
 тенденция к образованию вершины 5.8—11, 5.19
 теория 1.22—23
 теория Ельмслева 1.23
 тоны 5.1, 5.4, 5.11—12
 традиция 1.16, 2.4

 Ударение 4.66, 5.1—5, 5.8—10, 5.12—13, 5.15—24

- второстепенное ударение 5.9
 свободное ударение 5.15—16
 фиксированное ударение 5.16
 эмфатическое ударение 4.58, 5.19—20
 удвоение 4.62—70
 удвоение за счет ударения 4.66
 удвоенные (согласные), см. удвоение
 устойчивость системы 4.10—18
- Факторы**
 активные 1.10
 внешние 1.11—13, 6.24—31
 внутренние 1.11—13, 2.20
 пассивные 1.10
 фарингализация 4.29
 фонема 1.18, 1.22
 фонематика 5.1
 фонематическая артикуляция 4.2 (ср. двойное членение)
 «фонетические законы» 1.17—21, 2.13, 2.27, 3.3
 фонологическая релевантность 1.9, 1.22
 фонологическое давление 2.27
 фонологическое слияние (смещение) 2.20, 6.13
 формализм 1.22 (прим.)
 фрикативные (согласные), см. смычность — фрикативность
 функциональная нагрузка 1.18, 2.24—26, 2.29, 3.19, 3.35, 4.11, 6.1
 функция 2
 выделительная функция 5.4—5, 5.12
 кульминативная функция 2.1, 4.66
 разграничительная функция 2.1, 5.17—19
 различительная функция 2.1, 3.4, 5.4—5, 5.12
 «эстетическая» функция 2.2
- Целенаправленность 1.9, 2.8, 4.5—6
- цепная реакция 1.10, 2.15, 2.17—19, 2.28—29, 6.10
 цепь притяжения и цепь отталкивания 2.28—29 (ср. цепная реакция).
 церебральные (согласные), см. ретрофлексия
- Частотность 2.21, 2.23, 4.55—65, 4.70
 частотность в лексике 2.24
 частотность в речевом потоке 2.24
 четкость артикуляции 4.60
- Школа Блумфилда 1.5, 1.14
- Эйективные (согласные), см. глоттализация
 экономия 2.5, 4
 экспрессивность 1.19—20, 4.58, 6.1
 «эмфатические» (согласные), см. фарингализация
- «Язык» 1.9
- Lautabsicht, см. «звуковое намерение»
 rehilamiento, 3.26, 4.44—45
 stød 4.27, 5.13
 visible speech, см. спектрографические исследования
- II
- Английский (древнеанглийский, среднеанглийский) 1.19—22, 1.24, 2.25—26, 3.19, 4.11, 4.33, 4.46—47, 4.62—70, 4.72, 5.15, 5.18, 6.6
 арабский 3.17, 4.29, 4.34
- Балтийские 2.25
 бретонский 6.2, 6.30
 бриттские 4.68
- Валлийский 4.21, 6.2
 венгерский 5.17
- Галлороманский, см. французский

германские 2.25, 4.22, 4.55, 4.58,
4.72, 5.16—17, 5.24

гойдельские 6.16

голландский 3.16, 4.22

готтентотский 4.39

Датский 1.20, 4.21, 4.27, 4.30,
4.40, 4.43, 4.47, 4.67, 4.72,
5.12—13

древнегреческий 4.58, 4.72, 5.4,
5.12—13, 5.16

древнееврейский 4.67—68

древнеирландский 4.68, 5.9

Западные индоевропейские 5.21
западнороманские 4.67—69

Индоевропейский (общиндоев-
ропейский) 3.36, 4.31, 4.58,
4.72, 5.15, 6.17—18

индоиранские 4.59

испанский 1.19, 1.22 (прим.),
3.24—27, 3.34—35, 4.44—45,
4.60, 4.69, 5.4, 5.9, 5.15,
5.24, 6.4, 6.8, 6.13, 6.15

итальянский 2.29, 4.62, 4.67,
5.2

тосканский диалект 4.67

Кельтские 3.16, 3.36, 4.67, 4.72,
6.16

китайский 5.4, 5.12

кантонский диалект 5.4

пекинский диалект 5.12

Латинский 1.24, 2.29, 4.58, 4.72,
5.3, 5.15, 5.21, 5.23

латышский 5.12

литовский 5.4

лифу 3.36, 4.12

Немецкий (древневерхненемец-
кий) 1.20, 1.22, 3.16, 4.39—40,
4.67, 4.72—73, 4.75, 5.4, 5.9,
5.13, 5.16, 5.18, 5.23, 6.9,
6.13

норвежский 4.66, 5.12

Общиндоевропейский, см. ин-
доевропейский
оскско-умбрийский 5.21, 6.17

Португальский 2.18—19, 2.28,
4.68, 4.71, 5.24, 6.9

говор острова Сан-Мигель
2.18, 2.28, 6.9

говоры Алгарве 2.19

Романские 1.24, 2.29, 5.15
русский 4.36, 6.22

санскрит 4.31, 4.58—59, 4.72

сербско-хорватский 5.4, 5.12

славянские 2.25, 4.71—72, 6.17

словацкий 5.17

словенский 5.17

Старославянский 4.71

Финский 4.21, 4.62

Франко-провансальские гово-
ры 4.66

говор Отвиля 1.20, 2.16—
17, 2.28, 3.16, 3.29—33,
4.73, 6.6, 6.8

Французский (старофранцуз-
ский) 1.17—22, 2.2, 2.22—25,
2.29, 3.17, 3.33, 4.11, 4.18,
4.42—43, 4.57—58, 4.60, 4.69,
4.75, 5.19, 5.24, 6.13—15,
6.22, 6.30

фриульский (диалект) 4.73
(прим.)

Чешский 4.22, 5.9, 5.17—18

Шведский 1.19, 4.66, 5.12—13

Эстонский 4.21

эфик 5.4

эфиопский 4.29

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТРУКТУРАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ЭКОНОМИИ А. МАРТИНЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	25
I. ВВЕДЕНИЕ	27
II. ФУНКЦИЯ	60
III. СТРУКТУРА	89
IV. ЭКОНОМИЯ	126
V. ПРОСОДИЯ	199
VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
ПРИЛОЖЕНИЕ	254
УКАЗАТЕЛЬ	256

А. Мартине
ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ
В
ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Редактор *М. А. Оборина*
Художник *Г. А. Дейч*
Художественный редактор *В. И. Астафьев*
Технический редактор *Л. М. Харьковская*
Корректоры *Н. Р. Пиковская* и
Н. А. Савицкая

Сдано в производство 4 VIII 1959 г.
Подписано к печати 2/XII 1959 г.
Бум. $84 \times 108 \frac{1}{32} = 4,10$ бум. л. 13,50 печ. л.
Уч.-изд. л. 13,10. Изд. № 13/496
Цена 9 р. 85 к. Зак. 3468

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Набрано в Первой образцовой
типографии имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28
Отпечатано в типографии ГКС з. 209.

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
10 114	18 снизу В табл., 4-я кол.	другу другу Альвеолярно-палатальные <i>ch</i> <i>y</i> <i>s</i> <i>n</i> <i>ll</i>	друг другу Альвеолярно-палатальные <i>ch</i> <i>y</i> <i>s</i> <i>n</i> <i>ll</i>
119	2-я таблица сверху	1 <i>i</i> <i>ü</i> <i>u</i> <i>ɛ̃</i> <i>ʃ</i> 2 <i>e</i> <i>ö</i> <i>o</i> <i>ä</i> 3 <i>ε</i> <i>ɔ</i> 4 <i>a</i>	1 <i>i</i> <i>ü</i> <i>u</i> 2 <i>e</i> <i>ö</i> <i>o</i> 3 <i>ε</i> <i>ɔ</i> <i>ɛ̃</i> <i>ʃ</i> 4 <i>a</i> <i>ä</i>
211	7-я снизу	ттавление	ставление
211	8-я снизу	сак	так
222	19-я снизу	фонему / <i>o</i> /	фонему / <i>ō</i> /
258	22—23-я снизу, прав. кол.	спектрграфические ис- следования	спектрографические ис- следования

А. Мартине